

. Р.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

В. А. АНТОНОВ-ОВСЕНКО

ЗАПИСКИ
О
ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ

ТОМ ПЕРВЫЙ

с 6-ю схемами и 17-ю фотографиями

Высший Военный Редакционный Совет
МОСКВА

1924

ОКТАБРЬ В ПОХОДЕ

ОТ АВТОРА

Настоящая моя работа, конечно, далеко не может быть признана подлинным историческим исследованием — в ней не мало весьма серьезных пробелов, а может быть, и избыток субъективизма автора.

Особенно ясно сознается мною пробел в описании деятельности рабочих организаций, имевший, конечно, громадное значение и в описании Центроштаба в Донбасе.

Есть и другие существенные пробелы в моей работе, объясняемые прежде всего недостатком фактического материала, бывшего в моем пользовании.

Я и не претендовал на полноту исторического исследования, — я хотел описать лишь те моменты, к которым лично имел определенное отношение.

Материалами этих «Записок» послужили, главным образом, — документы из архива моего штаба, а также записки, предоставленные мне товарищами Е. Щаденко и Р. Берзиным, которым я приношу товарищескую благодарность.

Необходимо оговорить, что повсюду в этой книжке даты мною приведены по новому стилю.

Читателей, заметивших какие-либо изъяны в моей работе, прошу сообщить мне через издательство, а также прошу направлять ко мне документы, относящиеся к описанному периоду.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От Автора	Стран. 7
---------------------	-------------

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Революция у власти. Борьба за ставку — борьба за мир. Демонстрация учредительского бессилия. «Допьем Романовские остатки!» Украинизация, — Дутов — Каледин — Центральная Рада. Контр-революция организуется. Первые боевые действия, — Берзин, Кудинский	9— 36
--	-------

ГЛАВА ВТОРАЯ

Казачьи настроения. Совет казачьих войск и Казачий Комитет при ВЦИК. Совнарком и казачество. Мое назначение. В Ставке. Центральная Рада и Советская власть, Ультиматум 17 декабря. Из Питера — в Харьков. Общая обстановка. Первые распоряжения.	37— 62
--	--------

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Противоречия на Дону. Казачество и иногородние. Сложная игра Каледина. Разложение казачьих частей. Партизанские отряды. Алексеевская армия. Наши действия в Купянском, Екатеринославском и Донецком направлениях. Вступление Сиверса и Саблина в Донбас	63— 77
---	--------

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

М. А. Муравьев — его биография. В октябрьские дни. — «Триумфрат». В плену у юнкеров. Муравьев — главком. Из моей работы с ним. Муравьев в Москве. Дислокация к 7 января	78— 92
---	--------

ГЛАВА ПЯТАЯ

Оформление моего штаба. Переговорная канитель у Чертково. Пересмотр оперативного плана. Наступление Сиверса. Первые неудачи. Восстание в Екатеринославе. Подкрепления подходят. Организационная работа. Сведения из Царицына. Перелом в казачестве, — новое наше наступление. Тревоги Александровска. Татарская контр-революция. Дислокация к середине января	93—121
---	--------

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Стран.

- Отношения с Радой обострились. Предательство Рады. Провокационная работа Рады. Наступление решено. Полтава — занята. Первые осложнения 122—142

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

- Наступление продолжается, Ромодан-Гребенка-Круты. Восстания в Киеве. Бой за Киев. Рада в Житомире. Осложнения с Муравьевым. Назначение его главкомом Румфронта. Победа над Румынами. Новый враг 143—169

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

- Соглашательская практика Ревкома и наше самоуправство. Обостренность взаимоотношений. Эпизод с капиталистами. Деловой контакт с «Цыкукой». Наставление Ленина 170—192

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

- Мой штаб в Донбасе. Калединская маневренность. Каменский ревком. Колебания и неудачи. Сиверс терпит урон. Организационная работа 193—224

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

- Разгром корниловцев у Матвеева - Кургана. Поражение и гибель Чернецова. Действия Юго-Восточной армии. Растерянность в Новочеркасске. Самоубийство Каледина. Стратегическое окружение завершено 225—251

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

- Последние дни Новочеркаска. «Сегодня взять Ростов!». Взятие Ростова и Новочеркаска. Преследование Корнилова 252—271

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

- Тревожные вести из Петрограда. Немцы наступают. Телеграфный поток. Согласны на условия немцев — немцы наступают. Угроза Питеру. — Угроза Киеву. Наши решения. Мое новое назначение 272—298

ГЛАВА I

Революция у власти. Борьба за Ставку — борьба за мир. Демонстрация учредительского бессилия. «Дошьем Романовские остатки». Украинизация. Дутов - Каледин - Центральная Рада. Контр-революция организуется. Первые боевые действия — Берзин, Кудинский.

В первых числах ноября революция победила в Петрограде. Эта победа отчетливо выявилась в неудаче попытки Керенского бросить с фронта войска на мятежную столицу и сломить большевиков. Фронт не поддержал неудачливого главковерха, генерал Краснов оказался одинок со своей дивизией против столицы, мужественно защищенной рабочей Красной Гвардией и моряками, при дружественном, хотя и мало активном, сочувствии эго гарнизона.

После ряда бесплодных попыток ворваться в Питер, где встречу ему было произведено юнкерами восстание, генерал Краснов вынужден был сдаться, но был отпущен на честное слово, а Керенский сбежал навсегда с политического горизонта России.

Перед отразившими первый натиск контр-революции революционными силами стала задача дальнейшего закрепления и распространения революции. Надо было, прежде всего, овладеть не только зданиями, но и государственными аппаратами важнейшим из них — военным, обеспечив за собой руководство унаследованным от керенщины империалистическим фронтом. Надо было уберечь население столицы от голода, надо было, наконец, распространить Советскую Власть по всей России.

Мне, состоявшему в коллегии Народного Комиссариата по Военно-Морским делам и, одновременно, после смены Муравьева, назначенному главнокомандующим Петроградским Военным округом, пришлось деятельно участвовать во всей этой работе.

Первая задача — оборона Петрограда. Для ее подготовки созывалось особое совещание из делегатов гарнизонного собрания (это собрание было создано одновременно с Военно-Революционным Комитетом, по постановлению Петроградского Совета, и состояло из представителей полковых комитетов), дополненных несколькими офицерами-специалистами.

Совещание это под моим председательством разрабатывало вопросы — поднятия боеспособности Петроградского гарнизона, приведения в порядок оборонительных сооружений столицы и общего плана ее обороны. Одним из наиболее деятельных членов совещания был командир 2-го Пулеметного полка, полковник Шереметьев, впоследствии работавший на Кавказе при Краевом Комитете.

Для усиления Петроградского гарнизона, с Северного фронта, куда комиссаром был направлен тов. Позерн, был вызван один из Латышских стрелковых пехотных полков (не помню его номера).

Овладение аппаратом Военного Министерства производил тов. Подвойский при содействии Механошина, Еремеева, Васильевского и всей «военки».

Я стоял во главе сформированного мною в разгар Октябрьских дней «Полевого Штаба» Военно-Революционного Комитета, где работала преимущественно военная молодежь, выдвнутая событиями: штабс-капитан Лукин — Свеаборгской артиллерии, капитан Казанцев, — командир 176 пехотного полка и др.

Я непосредственно руководил, — поскольку в ту пору можно было говорить о руководстве, — военными операциями по обороне Петрограда и реорганизацией Петроградского Военного Округа.

Основным вопросом для нас являлась скорейшая ликвидация того контр-революционного гнезда, которое свилось в Ставке.

Овладение Ставкой имело еще тем более важное значение, что только из нее возможно было руководить в должной мере проведением мирных переговоров.

Контр-революционные силы прекрасно сознавали все значение для Советской Власти приступа к организованным переговорам с немцами о мире. Срыв этих переговоров был первою задачей контр-революции. Борьба естественно сосредоточилась на Ставке.

же продолжал существовать Обще-Армейский комитет, состоявший из социал-предателей и про-поддерживать керенщину.

10 ноября этот комитет опубликовал следующую телеграмму, обращенную ко Всероссийскому Исполнительному Комитету железнодорожников:

«Мы, представители Обще-Армейского Комитета при Ставке, в последнее время выступили против попытки большевиков силой навязать стране свою волю. На силу мы ответили силой. Войска, руководимые сознанием своей правоты, идут на Петроград. Все мероприятия, предпринимаемые Ставкой, проводятся под нашим контролем. Мы не хотим крови. В тот момент, когда большевики с оружием, когда они подчинятся решению полномочного органа демократии — Всероссийского Комитета спасения родины и революции, — мы отзовем войска. Ни одна капля крови не прольется даром. Если же справа будет попытка использовать это восстание в целях контр-революции — мы всей своей мощью выступим против нее. Мы просим вашего доверия, не препятствуйте движению войск по нашему указанию. Мы приглашаем в наш руководящий орган вашего представителя, для совместной работы в этот тяжелый момент».

Комитет Ставки, в своем враждебном отношении к Советской Власти, вполне сходиллся с Высшим командованием.

Начальник штаба Верховного Главнокомандующего, генерал Духонин, вместе с Вырубовым — помощником Керенского по Политчасти, Ковалевским, комиссаром Временного Правительства при Ставке, и Перекрестовым — Председателем Обще-Армейского Комитета, опубликовали того же числа следующую телеграмму:

«От имени Армии и Флота мы требуем немедленного прекращения большевиками насильственных действий, отказа от вооруженного захвата власти и безусловного подчинения действующему в полном согласии с полномочными органами демократии Временному Правительству, единственно могущему довести страну до Учредительного Собрания, хозяина земли русской. Действующая армия силой поддержит это требование. Духонин, Вырубов, Ковалевский, Перекрестов».

Казачий генерал Богаевский телеграфно обратился к генералу Духонину из Новочеркасска, с приветствиями, изъявлениями

готовности казачества «стать на стражу государствения», предлагая услуги казачества для поддержан и т. д. Духонин ответил в Новочеркасск с копией «*всем*», что «меры к восстановлению в Петрограде поря менного Правительства приняты и проводятся в жизнь».

Как видим, с первых же дней Советской Власти, Ст няла по отношению к ней определенно враждебную по Но вскоре, как только выявилась неудача Керенского, Кра и юнкерского восстания в Петрограде, Ставка, чтобы не рять окончательно всякое влияние на солдатские массы, нает лавировать, — она переходит с позиции прямой н на позицию соглашения. Так, 14-го ноября Духонин издает г в виду бегства Керенского о принятии им, Духониным, вре должности Верховного Главнокомандующего, а также о пре щении дальнейшей отправки войск на Петроград. Последнее р поряжение было тем более своевременным, что отправляемые . Питер войска лишь братались с Питерским гарнизоном (ка например, Финляндская стрелковая дивизия).

17-го ноября в Ставку прибывает бывший Военный Министр генерал-майор Верховский и эс-эры Чернов, Фейт и Шохерман. В тот же день, по инициативе Викжеля, происходит совещание «общественных и политических деятелей», и начинаются пере говоры Чернова и Обще-Армейского Комитета с Центральной Украинской Радой.

Вскоре в Ставку прибывают также Гоц, Скобелев и др.

21-го ноября, после решающего заседания, Обще-Армейский Комитет рассылает воззвание, в котором обвиняет большевиков в расколе «демократии», в возбуждении гражданской войны, го ворит о неспособности большевиков справиться со всеми затруд нениями и предлагает поручить Обще-Армейскому Комитету, от имени всей армии, обратиться ко всем социалистическим пар тиям и демократическим организациям с предложением немед ленно же приступить к организации правительства, от боль шевиков до народных социалистов, со следующей программой: первое — «немедленное прекращение системы по литического террора и восстановление всех гражданских сво бод»; второе — «обязательно собрать Учредительное Собрание в кратчайший срок, на условиях, обеспечивающих свободу вы-

жоров»; третье — передача земли в ведение Земельных комитетов; четвертое — немедленный приступ к мирным переговорам.

Но уже 23-го ноября этот твердый тон Обще-Армейского Комитета срывается, — многие из членов Комитета высказались против его участия в политической борьбе. В 1, 3, 10-й армиях проявилось колебание, их Комитеты стоят за однородную социалистическую власть, но не поддерживают инициативы Обще-Армейского Комитета в создании этой власти.

В этих колебаниях «верхов» сказывалось все возраставшее брожение глубоких солдатских масс. Армия уже к ноябрю 1917 г. была больше чем на половину большевистской, а на ближайших к Ставке фронтах, она была большевистской почти целиком.

Однако, Обще-Армейский Комитет чувствовал себя еще так прочно, что отказал Советскому Правительству в переводе Корнилова из Быхова в Петроград.

Отмечу тут же, что Духонин все время поддерживал с Быховскими узниками тесную связь и получал от Корнилова советы по защите Ставки. Духонин держал связь и с Калединым.

23-го ноября Духонин в телеграмме № 7991 запрашивает Каледина: «не найдет ли он возможным направить в Москву, для содействия правительственным войскам в подавлении большевиков, отряд казаков с Дона, который, по усмирении восстания, мог бы пройти на Петроград, для поддержки генерала Краснова». На эту телеграмму Каледин уклончиво ответил, — что он недостаточно ориентирован, и что посылка таких войск противоречит постановлению Круга, — «требуется наличие чрезвычайной необходимости». 29-го ноября, Духонин сообщает Каледину, что к Ростову двинуты тральщики и две миноноски с десантом в несколько сот матросов с пушками и что Черноморский Наморси получил указание о недопуске этого движения.

Между тем, как эта политическая игра разворачивалась в Ставке, дни последней уже были сочтены.

21-го ноября, на заседании В.Ц.И.К., комиссар по иностранным делам Троцкий сделал доклад о шагах Советского Правительства в области достижения мира. В этом докладе тов. Троцкий огласил, между прочим, обращение к послам Союзных держав. В нем указывается на текст предложения перемирия, одобренный Всероссийским Съездом Советов и предлагается смотреть

на указанный документ, как на «формальное предложение немедленного перемирия на всех фронтах и немедленного открытия мирных переговоров».

Далее тов. Троцкий сообщил о посланном тов. Лениным, вместе с военным комиссаром т. Крыленко, Верховному Главнокомандующему указании сейчас же «обратиться к военным властям неприятельской армии с предложением немедленного приостановления военных действий в целях открытия мирных переговоров». Тов. Троцкий закончил доклад выражением надежды, что Духонин пойдет навстречу политике Советского Правительства. Это ожидание, однако, не оправдалось.

29-го ноября, при переговорах по прямому проводу с Совнаркомом, Духонин заявил, что не может исполнить телеграмму Совнаркома о приступе к мирным переговорам, и что, по его мнению, «необходимый для России мир может быть дан только Центральным Правительством». Духонин тем самым отказался признавать Совет Народных Комиссаров правительством России.

За подписью Ленина, Сталина и Крыленко последовал ответ Духонину. «Именем Правительства Российской Республики, по поручению Совета Народных Комиссаров, мы увольняем вас от занимаемой вами должности за неисполнение предписаний Правительства и за поведение, несущее неслыханные бедствия трудящимся массам всех стран и в особенности армии. Мы предписываем вам, под страхом ответственности по законам военного времени, продолжать ведение дела, пока не прибудет в Ставку новый Главнокомандующий или лицо, уполномоченное им на принятие от вас дел. Главнокомандующим назначается прапорщик Крыленко. Подписали: Ленин, Сталин, Крыленко».

И вслед за тем, Совет Народных Комиссаров выпустил обращение ко всей армии, в котором разъясняет столкновение со Ставкой, заявляет о назначении новым Главнокомандующим тов. Крыленко и предлагает стоящим на позициях выбрать уполномоченных для формального вступления в переговоры о перемирии с неприятелем. О каждом шаге переговоров предлагается извещать всеми способами. Подписать окончательный договор о перемирии вправе только Совнарком.

Армия, солдатская ее масса, восторженно приветствовала решительные шаги Совнаркома.

Предательская позиция Духонина, в свой черед, нашла дружественную поддержку, а именно: 23-го ноября военные представители Англии, Франции и других «союзников» подали генералу Духонину ноту, в которой заявляют, что их правительства не признают Советской власти и грозят, что «всякое нарушение договора со стороны России повлечет за собой тяжкие последствия».

Американский и французский военные представители обратились, кроме того, к генералу Духонину с отдельными нотами протеста. Особенно резкая нота подана была французским представителем генералом Ляверни.

Совнарком немедленно отправил по радио «всем, всем, всем» решительный протест против недопустимого вмешательства союзников во внутреннюю жизнь страны, и в этом протесте заявил, что — «заключенные в ноте угрозы не могут нас отклонить от честного демократического мира».

Духонин, стремясь укрепить свою позицию, вошел в сношение с командующими фронтами. Все командующие фронтами выразили ему свое сочувствие.

Тем временем, тов. Крыленко выехал на Северный фронт, для зачатия непосредственных переговоров с немцами о перемирии.

По дороге в Двинск, во Пскове, он был встречен тов. Позерном, во командующий Северным фронтом генерал Черемисов уклонился от свидания с Крыленко и был им смещен. Также было поступлено и с генералом Болдыревым, командующим 5 армией, в Двинске.

26-го ноября тов. Крыленко отправил в Ставку телеграмму из Двинска о том, что им высланы к германцам парламентареры с предложением начать переговоры об общем перемирии; в этой же телеграмме Могилевскому Совету Депутатов предлагается принять все меры к устранению от должности Духонина, «без насилия».

Принять дела от Духонина было поручено генералу Дитерихсу. Но Могилевский Исполнительный Комитет Советов, тогда все еще меньшевистско-эс-эровский, заявил о непризнании Крыленко Главнокомандующим. Он отказался исполнить его распоряжение относительно роспуска Обще-Армейского Комитета и отрешения от командования Духонина. Обще-Армейский Ко-

митет и комиссарверх Станкевич послали Крыленко аналогичную телеграмму, протестуя одновременно против проникновения в Ставку в сопровождении вооруженного конвоя.

Переговоры по прямому проводу между Крыленко и Станкевичем были очень резки. Станкевич отказался дать распоряжение о прекращении по всему фронту перестрелки и братания на время мирных переговоров.

От немцев, на предложения наших парламентариев, последовал ответ, изъявляющий согласие, со стороны командующего Восточным фронтом, вступить в переговоры с русским Главнокомандующим. Германцами далее заявлено, что Главнокомандующий Восточным фронтом уполномочен вести переговоры о заключении мира.

Добившись такого результата, Советское Правительство поставило себе задачу нанести последний удар гнезду контр-революции, и 28-го ноября началось формирование специального отряда для ликвидации Ставки. Из Минска для этой цели должен был быть двинут особый полк под командой Ремнева, сформированный из освобожденных из Минской тюрьмы большевиков.

К командующему западным фронтом полковнику Каменщикову послан тов. Тер-Арутюнянц, чтобы понудить его направить войска к Орше, Гомелю и Бобруйску, дабы изолировать Ставку. С тов. Крыленко из Петрограда направлен сводный отряд под командой Сахарова (начштаба Сиверс), два эшелона Литовского полка и отряд моряков балтийцев под командой тов. Павлова.

Деятели в ставке всполошились, узнав об этих приготовлениях. Они подтянули к Ставке две сотни Оренбургских казаков, 4 Сибирский казачий полк и 1 Ударный полк. Но 4-й Сибирский казачий полк высказался за большевиков, остальные части также были ненадежны, кроме Ударного полка, определенно монархического. Должны были также подтянуться к Ставке ударные батальоны из окрестностей Могилева, но их задержали известия о наступлении большевиков из Минска (отряд Берзина).—С Юго-Западного фронта прибыл, по собственному почину, в Ставку 2 Оренбургский ударный батальон.

Обще-Армейский Комитет пытался войти в соглашение с Петроградом, предложил приостановить движение «большевистских»

целенов, назначить Верховного Главнокомандующего по соглашению, Ставку объявить нейтральной и устранить ее от политической деятельности. Переговоры о мире должно вести министерство иностранных дел. Обще-Армейский Комитет обратился далее к Викжелю с предложением принять меры, чтобы не допустить столкновений, и выслал трех своих представителей для переговоров с Крыленко о приостановке движения «большевиков» на Ставку.

1-го декабря, на совещании чинов Ставки, выяснилась полная невозможность сопротивления. Представители союзных держав выехали в Киев.

Левое крыло Могилевского Исполкома развило усиленную деятельность, созвало экстренное собрание Исполнительного Комитета и на этом заседании было решено признать Советскую власть и создать Военно-Революционный Комитет.

Соглашатели проявили тут полную приспособляемость.

Тем временем, предупрежденные Духониным, в ночь на 2-ое декабря Быховские узники — генералы Корнилов, Деникин, Лукомский, Марков, Эрдели и другие бежали на юг, сопровождаемые сторожившими их текинцами.

2-го декабря ударники покинули Могилев, а 3-го утром в Ставку вступили Советские войска. Захватить комиссарверха Станкевича и других членов Обще-Армейского Комитета не удалось, — они, за полтора часа до появления большевиков, уехали на автомобиле из Ставки.

Как известно, Духонин был убит моряками, несмотря на все усилия Крыленко помешать этому убийству.

На следующий день в Могилев прибыли эшелоны гвардии Литовского полка и броневики, но затем они были отозваны в Петроград, отряд матросов направлен к Быхову.

24-го декабря в Могилеве был созван Обще-Армейский съезд, на котором господствовали большевики и отсутствовали только представители от Румынского и Кавказского фронтов. На съезде был избран Центральный Комитет действующей армии и флота — «Цекодарф».

Верховным Главнокомандующим единогласно избран Крыленко.

Таким образом, дело проведения мира и ликвидации войны окончательно перешло в руки Советской власти.

Занятие нами Ставки во времени почти совпало с выступлением «демократии» в защиту Учредительного Собрания. Это выступление было приурочено к намеченному еще Временным Правительством дню созыва учредилки. Вопрос о том, что ответить на предполагаемую демонстрацию «демократии», обсуждался и на гарнизонном собрании Питера, и здесь было нами решено, что надлежит противопоставить ей контр-демонстрации за Советскую власть; Ц. К. партии на это не согласился, а предписал принять меры к тому, чтобы войска в демонстрации не принимали участия. Был отдан приказ «из казарм не выходить дежурным ротам быть в боевой готовности». Всюду были усилены караулы, и войска участия в демонстрации учредилковцев не приняла (только какая-то рота электротехников шла в их толпе).

К вечеру поступило донесение, что большая толпа демонстрантов направляется к Таврическому дворцу. Уверенный в надежности его охраны (рота латышей), я особых мер не принимал, когда был вызван в Совнарком. Здесь я увидел группу ответственных товарищей сильно взволнованных. Особенно запомнились мне озабоченные лица Володарского и Урицкого. Ленин отозвал меня в другую комнату, куда пришли также Троцкий и Сталин:

«Как вы допустили, что 100-тысячная толпа идет к Таврическому! Дворец занят?!»

Я изумился; мои сведения не говорили о таком размахе демонстрации.

«Моя жена проезжала, — поддержал Троцкий, — там не менее 20 тысяч».

«Что вы можете сделать? Нельзя допустить толпу к Смольному, надо выгнать их из Таврического».

«Сейчас дам приказ самым надежным частям, сам пойду с латышами».

«Но что вы сделаете против такой толпы?» — изумился Лев Давыдович.

«Справляюсь!».

«Торопитесь!»

Приказания были немедленно отданы матросам и Белгородскому (кажется, так он звался) полку. Я лично поехал к латышам. Они собирались ужинать. Дежурный офицер не сразу по-

лял, чего от него хотят. Командир полка только тогда согласился исполнить мой приказ, когда я заявил, что пойду лично с полком.

Через 10 минут полк выстроен. Я говорю ему коротко, что в то время, когда революционный народ взял дело войны и мира в свои раскрепощенные руки, жалкие последыши керенщины пытаются вернуть власть империалистам и вот захватили Таврический дворец, чтобы оттуда провозгласить новую керенщину. Выслушана моя речь была в молчании. К Таврическому дворцу мы подошли быстрым шагом. Но в нем и вокруг него все было уже спокойно. Учредилловцы пришли, патетически полумели и ушли, как китайские тени, а всего демонстрантов было не более пяти тысяч.

Гораздо больше хлопот, чем учредилловцы (с городской сумой во главе), мне лично доставил самый гарнизон, начавший совершенно разваливаться. До сих пор толком не выяснено, не было ли тут и хитроумной провокации, но только никогда невиданное бесчинство разлилось в Петрограде. То там, то сям появлялись толпы громил, большей частью солдат, разбивавших винные склады, а иногда громивших и магазины. Караульная служба замучивала немногих сохранявших дисциплину солдат и красную гвардию. Никакие увещания не помогали. Особенно остро встал вопрос с погребами Зимнего дворца. К этому времени сохранявший ранее свою дисциплину, Преображенский полк, несая караул у этих погребов, спился окончательно. Павловский, — наша революционная опора, — также не устоял. Посылались караулы из смешанных частей — перепивались. Ставились «комитетские» караулы — не выдерживали. Посылались броневики разгонять толпу, — команда их после некоторого променада, также начинала подозрительно шататься. Как только наступал вечер, разливалась бешеная вакханалия. «Допьем романовские остатки» — этот веселый лозунг владел толпой. Пробовали замуровать входы — толпа проникала сквозь окна, высадив решетки, и грабила запасы. Пробовали заливать погреба водой, — пожарные во время этой работы напивались сами. Только когда за борьбу с пьяницами взялись Гельсинфоргские моряки, погреба Зимнего были обезврежены. Эта была своеобразная титаническая борьба. Моряки держались стойко, связанные свирепым товарищеским

обетом — «смерть тому, кто не выполнит зарока», и, сами в другое время великолепные «питухи», они победили николаевское зелье. Борьба на этом не кончилась. Пьяный угар заразил весь город. Совнарком, наконец, выделил специальное лицо, снабдив его исключительными полномочиями и дав ему сильный отряд. Но это лицо тоже оказалось мало состоятельным... На Васильевском Острове борьба была поведена твердо. Финляндский полк, руководимый элементами, тяготевшими к анархо-синдикализму, объявил остров на осадном положении и заявил, что будет расстреливать грабителей на месте, а виновные погреба взрывать. Лишь с большим напряжением удалось преодолеть это пьяное безумие. Итоги борьбы были жестокими. Пришлось истребить массу ценнейших вин и чистого спирта. Гарнизон почти целиком развалился. Красногвардейцы надорвались на караульной службе.

Среди этой окаянной темной борьбы, не дававшей совершенно покоя ни днем ни ночью, продолжалась большая организационная работа.

На заседаниях гарнизонного совета обсуждались положения нового военного устава, вопросы о взаимоотношениях между командованием и солдатами, вопросы караульной службы и т. д.

Особенное значение приобрел вопрос о национальных частях. Еще при Временном правительстве этот вопрос был поставлен достаточно остро, и уже тогда началась некоторая украинизация частей.

Национальные стремления среди частей вызывались в значительной степени искусственно, теми элементами, которые старались прикрыть национальной оболочкой свою антисоветскую сущность, но, поскольку такие стремления проникали в солдатскую массу, мы шли им навстречу, ставя себе задачей овладеть этими стремлениями и устранить антисоветские влияния.

Признающие себя украинцами сводились в особые части с выборным командованием. Им выделялось определенное, в процентном отношении, количество вооружения, и они, в состав новых Украинских полков, отправлялись к себе на родину. Конечно, мы старались добиться, чтобы во главе этих частей стояли советские комиссары. Мы, сверх того, брали с них торжественное обещание действовать в духе советской власти и в ряде случаев мы могли впоследствии убедиться, что сол

цаты-украинцы оставались по меньшей мере нейтральными в разгоревшейся борьбе.

Работой по формированию украинских частей руководила в Петрограде «Украинская Войсковая Рада», состоявшая из украинских шовинистов.

Для противодействия националистическому уклону среди украинцев, действовал особый революционный комитет украинцев, который подбирал большевистские украинские части. Штаб этого комитета был в Царском Селе.

Другие национальности и в том числе белоруссы поставили также вопрос о выделении своих воинских частей. Последним мы были готовы идти навстречу, ибо в белорусских частях видели известный противовес польским легионам, расположенным недалеко от Революционной Ставки и представлявшимся чрезвычайно ненадежными.

Особенное значение приобрела, однако, непосредственно боевая работа.

Надо было обеспечить связь Петрограда с промышленными хлебобродными районами, надо было содействовать распространению советской власти на всю территорию страны.

В виду поступивших сведений об угрозе Челябинску со стороны казачьего атамана Дутова (из Оренбурга), была снаряжена экспедиция на Урал, которая выступила в составе 17-го Сибирского стрелкового полка и отряда матросов мичмана Павлова при комиссаре Щекине.

Попытка придать этой колонне подкрепление из Архангельских моряков не удалась. Беломорский флот, хотя и выразил полное сочувствие Советской власти, однако не смог выделить боевых сил. Отряд Павлова впоследствии превосходно работал против Дутова и содействовал занятию нами Оренбурга к концу января 1918 года.

Почти тотчас же за ликвидацией Керенского-Краснова, пришлось думать о том, чтобы обезопасить столицу со стороны продолжавших двигаться, по указаниям Ставки, на Питер фронтовых войск.

Особенно много хлопот причинила 3 Финляндская дивизия, которая была направлена Керенским с фронта, в расчете на ее антибольшевизм. Мне пришлось выехать навстречу этой ди-

визии и вести переговоры с ее комитетом, а также наблюдать ее полки в Луге и т. д.

Очень быстро удалось установить, что дивизия в целом, т.-е. ее солдатская масса, не имеет никаких контр-революционных намерений, а тянется в Питер исключительно для отдыха. Мы столковались с дивизионным комитетом о посылке квартиреров в окрестности Петрограда и о размещении в них дивизии.

Положение в Москве нас озабочивало в крайней степени. Борьба в Москве уже затихала, когда мы, наконец-то, оказались в состоянии послать серьезную поддержку московским товарищам. Туда выехал отряд под общей командой полковника Потапова, командира стрелкового Финляндского полка с одним батальоном этого полка, частью матросов с тов. Ховриным и т. Женевским во главе, отрядом красногвардейцев с Путиловского завода с изготовленной на этом же заводе бронеплощадкой под командой т. Зайцева. Этот отряд нагнал у ст. Бологое бронированный поезд ударников, действовавший в свое время против Петрограда. Поезд этот, перед которым рабочие разобрали путь, сдался без сопротивления, и, восстановив путь, весь отряд проследовал в Москву. Впоследствии, этот бронированный поезд сослужил большую революционную службу на Юге. В Москву отряд тов. Потапова прибыл уже к окончанию борьбы с юнкерами. Тов. Потапов со своим полком отбыл обратно в Петроград, а остальной отряд, несколько пополненный в Москве, направился на Юг к Харьков. Это движение частей отряда Потапова к Югу имело связь с общим планом действия против контр-революционных сил, группировавшихся на Дону.

По широко задуманному мною плану, предполагалось действовать как непосредственно частями с юго-западного и западного фронтов, пробиваясь через Украину, так и частями из Петрограда, Москвы в общем направлении к Донецкому Бассейну.

К этому времени, было точно известно, что на Дону группируются силы контр-революции, что туда пробирается Корнилов, бежавший из Быхова, вместе с другими контр-революционными генералами.

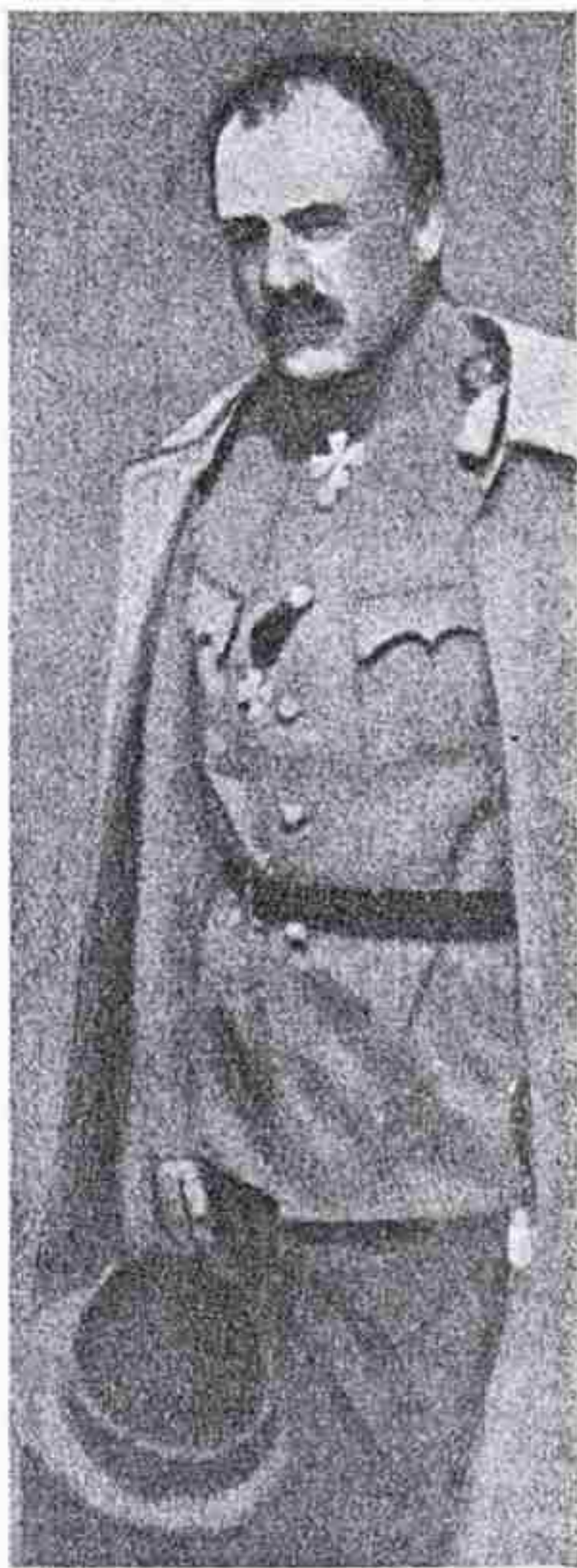
Тайная разведка моего штаба к концу ноября напала на след целой организации, вербовавшей пополнения на Дон к генералу Алексееву и ловко наладившей отправку их из Петро

града. На Николаевском вокзале арестовано несколько десятков переодетых юнкеров и офицеров. Захвачен и руководитель всей организации — офицер одного из ударных батальонов, правый эсер, державшийся на допросе довольно нахально. Одновременно был захвачен и адъютант Керенского, Петров, за которым по пятам следили два наших разведчика, надеясь разыскать через него убежище «Главковерха». След привел на Украину, где и пришлось арестовать Петрова, из боязни, что он укроется под крыло Рады или Каледина.

Было известно, что Каледин группирует у себя большие силы, стягивая Донцов с фронта, и что он, вместе с терским, кубанским и астраханским казачьими атаманами, затеял создание единого «юговосточного союза», намереваясь противопоставить это контр-революционное объединение Советской власти севера.

Каледин действовал, при явном попустительстве, а может быть и при тайном сговоре с Украинской Центральной Радой, которая открыто проявляла вражду к Советской власти и готовила определенный разрыв с нею.

Было ясно, что в случае, ежели бы мы дали окрепнуть этому контр-революционному движению, оно в благоприятной обстановке казачьих областей, могло основательно отрезать нас от Кавказа и Бакинской нефти, лишая Советский центр также и угля Донецкого бассейна, марганца Криворожья, хлеба Украины. Было вместе с тем очевидно, что это контр-революционное объединение не остановилось бы перед союзом с иностранными империалистами и превращением юга в плацдарм для развития иностранной интервенции, на предмет удушения Советской власти и превращения России в колонию иностранного капитала.

Генерал Каледин

Таким образом все будущее нашей страны зависело от успехов калединской затеи.

Совет Народных Комиссаров не мог смотреть спокойно на контр-революционную работу Каледина.

6-го декабря Совнарком издал следующее обращение ко всем советам:

«В то время, как представители рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, ведут переговоры, чтобы обеспечить стране мир, — враги народа, помещики и банкиры с их союзниками генералами предприняли последнюю попытку сорвать дело мира и вырвать власть из рук советов и землю из рук крестьян и заставить солдат, матросов и казаков истекать кровью за барыши русских и союзных империалистов. Каледин на Дону и Дутов на Урале подняли знамя восстания, кадеты и буржуазия дают им необходимые средства для борьбы против народа; Родзянко, Милюковы, Гучковы и Коноваловы хотят вернуть себе власть при помощи Калединых, Корниловых и Дутовых и превращают трудовое казачество в орудие для действий в преступных целях; Каледин ввел на Дону военное положение, препятствует доставке хлеба на фронт и собирает силы, угрожая Екатеринославу, Харькову и Москве. К нему на помощь прибыл бежавший из заключения Корнилов, тот самый, который в июле ввел смертную казнь.

«Буржуазная Центральная Рада Украинской республики ведет борьбу против украинских советов, помогает Калединым оттягивать войска на Дон, мешает Советской власти направлять необходимые военные силы через землю братского украинского народа для подавления калединского мятежа. Кадеты, злейшие враги народа, подготовлявшие вместе с капиталистами всех стран нынешнюю мировую бойню, надеются изнутри Учредительного Собрания притти на помощь генералам Калединым Корниловым и Дутовым, чтобы вместе с ними задушить народ: рабочих, солдат и крестьян.

«Революция в опасности.

«Нужно народное дело довести до конца. Нужно смести врагов народа. Нужно, чтобы контр-революционные заговоры и казачьи генералы и их кадетские вдохновители почувствовали железную руку революционного народа.

«Совет Народных Комиссаров распорядился двинуть необходимые войска против врагов народа. Контр-революционное восстание будет подавлено. Виновники понесут кару, отвечающую тяжести их преступления.

«Совет Народных Комиссаров постановляет:

1) Все те области на Урале, Дону и в других местах, где обнаружатся контр-революционные отряды, объявляются на военном положении.

2) Местный революционный гарнизон обязан действовать со всей решительностью против врагов народа, не дожидаясь никаких указаний сверху.

3) Какие бы то ни было переговоры с вождями контр-революционного восстания или попытки посредничества воспрепятствуются.

4) Какое бы то ни было содействие контр-революционерам со стороны местного населения или железнодорожного персонала будет караться по всей тяжести революционных законов.

5) Вожди заговора объявляются вне закона, и всякий трудовой казак, который сбросит с себя иго Калединых, Корниловых и Дутовых, будет встречен братски и найдет необходимую поддержку со стороны советской власти».

Немедленно, по получении известий о замыслах контр-революции, мною был разработан такой план:

1) Опираясь на черноморцев, провести вооружение и организацию красной гвардии в Донецком бассейне.

2) С севера и из Ставки двинуть сборные отряды к югу в исходные пункты — Гомель, Брянск, Харьков, Воронеж.

3) 2-й гвардейский корпус, особенно активно настроенный, двинуть из района Жмеринки-Бара к востоку, для сосредоточения в Донбасе.

Для проведения этого плана, в Севастополь посланы несколько матросов-балтийцев, во главе с тт. Шерстобитовым и Любицким, которые должны были побудить черноморцев дать оружие и организаторов для рабочих Донбаса.

Революционный штаб Ставки (во главе его Тер-Арутюнянц и комиссар Склянский) получил от меня определенные указания и начал действовать (в общем) в их смысле.

14 декабря я имел следующий разговор по прямому проводу со Ставкой:

У аппарата Антонов; что нового, тов. Склянский?

Склянский (из Ставки). Здравствуйте. По сообщениям, полученным мною от главного комиссара Романеса, Ростов, Нахичевань, Таганрог в руках революционных войск и черноморской флотилии. Командующий контр-революционными войсками генерал Потоцкий и его штаб арестованы и находятся на тральщике. Из Одессы посылается новый отряд из 3.500 человек, соединенных сил матросов, солдат и рабочих гор. Одессы. Вчера адъютант Московского Военного Округа передал следующие сведения относительно Дона. Фамилия адъютанта Грицман. В Новочеркасске находятся Каледин, Лукомский, Родзянко, Деникин и Алексеев. В трех Новочеркасских полках до 16 тысяч винтовок и громадное количество патронов, имеется также и артиллерия. Кругом Ростова — кольцо казаков Донской Области. Казаков под ружьем 50 тысяч. Происходит мобилизация стариков. Ежедневно прибывают новые казачьи части. В некоторых казачьих частях — брожение по поводу этой мобилизации, так как пехотинцев увольняют. В каменноугольных копях уголь вырабатывается. Москвичи двинули туда блиндированный поезд и Белгородский польский полк, представители которого выразили полное подчинение революционной власти и который отныне назван первым польским революционным полком. Кроме того из Борисоглебска обещают двинуть одну батарею легкой артиллерии и кавалерию. У кубанцев идет сильная борьба с ингушами, которые делают набеги на станицы. Третьего дня Московский отряд взял без боя Калугу, ударники разоружены и арестовываются. Арестован Дударов. Местный гарнизон восстанавливается и вооружается. Передаю вам состав северного отряда, о котором вам вчера говорил в общих чертах тов. Тер и отправка которого задерживается из-за ремонта паровоза блиндированного поезда. Ремонт закончится на днях. Кроме блиндированного поезда, входят 60-й Сибирский стрелковый полк, 3 пулеметных команды, две броневых машины, вторая батарея, 132-й отдельный артиллерийский дивизион, Брянский отряд красной гвардии — 800 штыков, 17-й стрелковый полк, 37-й запасный полк — 500 штыков, 19-й Стрелковый полк, еще одна

легкая батарея, противоаэропланная, 10 орудий и еще одна батарея, итого 20 орудий. Эти части находятся в районе Гомель-Брянск.

Распоряжения, данные на южный фронт, повидимому, исполняются. В Орше есть 500 легких орудий, вполне снабженных всем, не достает людей. Людей можно взять из запасных артиллерийских частей, расположенных кругом Петрограда. Отряд пошел из Новгорода эшелонами, 10 тысяч кавалерии и пехоты на Брянск».

Указанный в конце этого разговора отряд, на деле значительно меньший по количеству, был сформирован тов. Кудинским.

Выдвинувшийся еще в Октябрьские дни, как комиссар Литовского и 6-го саперного полков, с-р. максималист Кудинский был мною послан в Новгородскую и Петроградскую губернии для формирования боевых сводных отрядов тотчас же после ликвидации Краснова (из Старой Руссы ко мне явилась делегация от тамошнего запасного драгунского полка, который весь примыкал к Советской власти с предложением двинуть весь этот полк на контр-революционеров, и тов. Кудинский был поставлен в связь с этим конным полком). Кудинскому, назначенному мною начальником северных Советских отрядов, был подчинен и отряд тов. Сахарова, имевшего нач. штаба тов. Сиверса (быв. редактора «Окопной Правды»). Тов. Кудинский получил задание, организовав несколько таких сводных отрядов, сосредоточить их в Брянске, откуда установить связь с нашими военными силами в Гомеле, а также с отрядом тов. Потапова, который должен был продвигаться из Москвы к Туле.

Для содействия колонне тов. Потапова, был направлен вслед ей особый поезд снабжения № 1 революционных войск штаба Петроградского Ревкома, с начальником тов. Толкачевым.

22-го ноября этот поезд прибыл в Москву, 2-го декабря — он в Туле грузит оружие, через четыре дня вышел из Тулы в Харьков с оружием для тамошних рабочих и Донбаса. В эту пору была получена телеграмма от комиссара отряда тов. Павлуновского одвигающихся на Белгород эшелонах ударников. В этих эшелонах продвигался сводный отряд в составе — «первого ударного революционного» полка, бежавшего из Ставки при приближении наших войск, 4 и 8 ударных батальонов,

2 Оренбургского батальона (прибывшего в Ставку с юго-западного фронта) и Финляндского штурмового батальона.

Потерпев под Жлобиным неудачу в столкновении с 60-м Сибирским полком (полком командовал капитан Андреев), ударники пытались прорваться через Белгород, Купянск на Дон, но отрядом Ховрина, двигавшимся из Москвы, были остановлены 7-го декабря у ст. Тамаровка (в 28 верстах от Белгорода). Ударников было до 3000 при 50 пулеметах.

С нашей стороны действовали два бронепоезда, 60 матросов балтийцев, 93 человека команды блиндированного поезда, 8 рабочих на путиловских платформах, 95 штыков 251-го пехотного запасного полка из Москвы, 35 — школы прапорщиков, 43 — команды Петроградского бронедивизиона, 29 ч. Московских артиллеристов, 46 ч. команды поезда снабжения — всего 391 человек. Бой не был особенно упорным. После серьезной, неоднократно возобновлявшейся перестрелки, наш отряд отошел к Белгороду. Сюда подоспел вскоре отряд черноморцев — до 500 ч., под начальством Гусельгорского, и эшелон 30-го пех. полка из Харькова (т. Руднев). Ударники начали было наступать к Белгороду, но, узнав о подошедших к нам подкреплениях, решили, бросив эшелоны, идти на Дон походным порядком. Наши потрепали их в 4 арьергардных боях; многие разбежались, остальные почти окружены нами у Белое (17-го декабря) и разоружены, а частью перебиты.

Отряд Ховрина застрял было в Белгороде, смущенный неопределенным настроением расположенного там польского запасного полка и слухами об угрожающем положении в Харькове (из Харькова прибыл к отряду представитель тамошнего «Ревштаба», рисовавший всяческие ужасы и предложивший Ховрину не входить в город).

Отряд Гусельгорского, впрочем, вскоре после боя с ударниками отъехал обратно в Крым, вызванный из Севастополя.

К 14-му декабря подошел к Белгороду с севера через Смоленск-Орел, Сиверс. Несмотря на устрашающие известия из Харькова, он решил продолжать движение к югу и 19 декабря прибыл в Харьков.

В это время боевая работа разворачивалась и со стороны Ставки (Могилев). Сейчас же, по занятии Ставки революцион-

ными войсками, отряд матросов был двинут к югу для прикрытия Ставки со стороны Гомеля. Мною уже сообщалось о стычке 60-го Сибирского пехотного полка под Жлобиным с отрядом ударников. Стычка эта кончилась поспешным бегством ударников в эшелонах.

Особое значение имело столкновение с корниловцами у ст. Унечи. Здесь первый Минский революционный отряд, под начальством Андреева, имел короткую перестрелку с конвоем Корнилова, бродившим по Украине в поисках эшелонов для отправки на Дон. Корнилову удалось скрыться, а текинцы и из них несколько офицеров сдались. Всего сдались 264 человека. Впоследствии, по доставке их в Брянск, они были освобождены, кроме офицеров, направленных, по приказанию Ставки, в Могилев.

Настроение рядовых текинцев было отнюдь не антисоветское, — они хотели лишь одного — добраться скорее домой.

Из Ставки целый ряд товарищей был послан к югу, а также в Гомель и Брянск для проведения необходимых организационных и оперативных мер. Тов. Фейерабенд и Лысяков направлены были в Жмеринку в штаб 2-го гвардейского корпуса, имея в виду, во исполнение моих указаний из Петрограда, воздействовать на корпус для направления его через Украину на Дон, тов. Чудновский и Рошаль на юго-западный фронт.

Положение в Ставке представлялось тогда неопределенным и опасным. Прежде всего, держали себя подозрительно польские части, расположенные вблизи Рогачева, Жлобина и т. д. Затем на Украине в Киеве и вплоть на север до Гомеля, все находилось в неустойчивом состоянии. Рада вела двойственную политику, готовясь к разрыву с Советской властью и усиленно украинизируя фронт и тыловые части. Это положение требовало твердых и решительных действий со стороны Ставки.

15-го декабря в Ставке было решено назначить командиром 1-го Минского отряда тов. Берзина, а начальником штаба его Андреева, и был принят план, предложенный тов. Берзиным (этот план не был особенно согласован со мной и входил в некоторый разнбой с отдававшимися мной распоряжениями).

По приказу от 15-го декабря за № 9, Военно-Революционный Комитет при Ставке передает в Минский отряд, состоявший

до сих пор из 60-го стрелкового полка и 132-го — отдельного артиллерийского дивизиона, еще 17 — 19-й стрелковые полки, 2 аэроплана, первую революционную батарею, противозаградную батарею и отряд красногвардейцев из Брянска в 700 человек.

Берзину и его отряду давалась следующая «диспозиция»: Вверенному вам отряду направляться по двум направлениям: 1) Гомель, Бахмач; 2) Брянск, Орел, Курск, Воронеж, Лиски; занять опорный пункт для сосредоточения войск в Харькове.

В Харькове создать Полевой штаб, подтянуть войска и направить их на юг к Ростову и т. д.

Одновременно тов. Берзину сообщалось из Ставки, что, по переговорам со мной, Кудинский направляется из Новгорода с большим отрядом пехоты и кавалерии и, кроме того, из Петрограда идут отряды солдат и моряков («до 6.000 человек») на Дон.

Берзину предлагалось координировать свои действия с Кудинским — «вы продвигаетесь с северо-запада, а они идут с севера к Ростову, с юга и юго-запада двинутся черноморцы. Отряд Фейерабенда направляем с запада».

Этот приказ оказалось чрезвычайно трудно выполнить — ни одна из частей не была пригодна для немедленной борьбы с контр-революцией. Некоторые отказались выступить, все предъявляли требования на дополнительное обмундирование, денежное снабжение и т. д.

14-го декабря тов. Берзин издал в Гомеле свой приказ № 1 по Минскому отряду. Он разбил свой отряд на две колонны, по названию входящих в него номеров полков. 17-я колонна полковника Зайцева — 17-й стрелковый полк с 3-мя пулеметными командами, 2 бронированные машины, — должна была 15-го декабря выступить со ст. Почеп, двигаться через Брянск, Курск, Воронеж, Лиски к Миллерово, где ждать дальнейших распоряжений. 19-я колонна, с полковником Волобуевым и комиссаром Алистратовым — в составе 19-го полка, трех пулеметных команд одной шестиорудийной легкой батареей, 37-го запасного пехотного полка в 500 штыков и блиндированного поезда — должна была 15-го декабря выступить со ст. Клинцы и Унеча и следовать через Гомель, Бахмач на Харьков, где ждать дополнительных распоряжений.

«Резерву» под командой Розенберга, командира 60-го Сибирского полка, — 3 батареи, 3 пулеметных команды, одна легкая артиллерийская батарея и 2 батареи 132-го арт. дивизиона — приказывалось 15 декабря выступить из Гомеля на Бахмач, Ромны, Кириковка, Харьков, где ждать дальнейших распоряжений.

В приказе относительно продовольствия частей говорилось просто, — «организовать реквизицию продовольствия», для чего каждому полку выделить реквизиционную комиссию с полковым комиссаром, которые, отправляясь вперед, заготавливают эшелону продукты. От каждого полка выделяются представители в отрядный комитет.

Ни при одной колонне не было организовано штаба. Дисциплина отсутствовала. Связь действовала до крайности слабо.

Тов. Берзин, во многочисленных переговорах со Ставкой, дает знать о своих больших затруднениях. Затруднения эти — из-за недостатка продовольствия, из-за самоуправства частей. 37-й полк, оказавшийся совершенно небоеспособным, самочинно прибыл из Клинцев в Гомель с намерением отправиться в Минск. 2-ю батарею пришлось отправить обратно, за полной непригодностью.

Тов. Берзин отмечает также массовую перевозку спирта и вина по железным дорогам. Это вино распространяется с явно провокационной целью. Эшелоны солдат разбивают вагоны, напиваются, и части разлагаются. Идут грабежи...

К этому времени, на всех фронтах было заключено перемирие с немцами.

Надо было использовать перемирие для спешной организации новых революционных сил. Представилась возможность двинуть с фронта серьезные части против контр-революции на Дону, и энергичная подготовка к отправке этих частей началась.

Но лишь с большим опозданием, тов. Берзину удалось двинуть свои 2 колонны по назначению.

Вокруг этих колонн кипела контр-революционная работа как со стороны некоторых элементов железнодорожников, так особенно со стороны офицеров, ведших линию «нейтральности» и игравших на стремлении солдат к демобилизации.

Тов. Берзину приходилось действовать очень решительно и он, властью Революции и, как представитель Военно-Революционного Комитета Ставки, предписывал переизбрание Советов

и создание Военно-Революционных Комитетов как в Почепе, так и в Гомеле.

Лишь 20-го декабря первые эшелоны 17-й колонны прибыли в Брянск, а остальные еще находились в Гомеле. 19-я колонна к этому времени уже отправилась по своему маршруту (к Лискам).

20-го декабря прибыл в Брянск Кудинский и сразу разграничил свои действия с Берзиным. Сейчас же начинается работа по созданию Красной Гвардии в Брянске. Использованы были и 17 пулеметов, которые вынуждены были бросить ударники, пробивавшиеся на Белгород.

Но особенно значительные осложнения проявились при попытке Берзина продолжать движение вглубь Украины. Вся 19-я колонна оказалась ненадежной, когда пришлось действовать против Украинских частей, занявших Бахмач и отказавшихся пропускать дальше эту колонну.

Тщетно тов. Берзин, действуя по указанию Ставки, требовал от начальника колонны Волобуева решительных действий. Волобуев вступил в переговоры с украинским полком, занявшим Бахмач и разобравшим впереди путь. Украинцы заявили, что ни в коем случае не пропустят наш отряд и будут стрелять. Волобуев при таких обстоятельствах не решился действовать. Полки 19-й колонны, устроив митинг, высказались против наступления на Бахмач, заявили, что будут бороться только против Каледина и что готовы ехать на Харьков только через Брянск. Волобуеву пришлось выехать обратно в Гомель, куда начинали стягиваться в эшелонах части его колонны.

Ставка требовала самых решительных действий для прорыва через Бахмач и указала на то, что Рада на предъявленный ей Ставкой ультиматум ответить отказалась.

Но внутри 19-й колонны было не мало солдат, считавших себя украинцами, и было очень мало революционных сознательных элементов, понимавших контр-революционность Рады. Только командир блиндированного поезда тов. Пролюгин был готов действовать более решительно. В самом Гомеле свободно выходили антисоветские газеты, велась определенно контр-революционная агитация, разлагавшая части первого Минского полка. Берзин приказал закрыть буржуазные газеты. Исполком отказался это приказание выполнить.

18-го декабря Берзин предписал Розенбергу, начальнику своего резерва, закрыть газеты, в течение 5 дней, произвести переизбрание Гомельского Совета и создать Военно-Революционный Комитет.

Командующий западным фронтом, Каменьщиков и штаб Ставки требовали в свой черед от Берзина самых решительных действий против Рады. Но, после переговоров с Волобуевым, Берзину пришлось согласиться на задержку всей 19-ой колонны в Гомеле, и он сам выехал в Гомель для того, чтобы на месте принять меры против разложения своего отряда. В этих целях, им был издан приказ о выделении из частей всех тех, кто не согласен исполнять приказы революционной власти. В каждом полку должен быть выделен отряд человек в 200 надежных людей.

18-го декабря Кудинский в Брянске издал характерные приказы, показывающие одновременно и размах его первоначального замысла и немудренность тогдашней военной организации.

Он разделил свои войска на четыре колонны, каждая силами не свыше батальона при батарее и десятке пулеметов. Первая должна была продвинуться к Лиски, откуда вместе с войсками Военно-Революционного Комитета действовать против Новочеркасска.

Вторая — занимает Купянск, чтобы отсюда, «совместно с В.-Р. Комитетом» действовать в направлении к Новочеркасску.

Третья — занимает Белгород и также совместно с «ВРК» действует в том же направлении.

Четвертая — резервная — отправляется в Воронеж.

17-й отряд (посланный Берзиным) Кудинский предполагал послать уже в Миллерово.

Надо отметить, что военно-революционных комитетов в указанных пунктах не только не имелось, но Купянск был занят гайдамаками.

В тот же день этот приказ был изменен приказом № 3. От движения к Лиски и Купянску Кудинский отказался. Первой колонне (Сиверса) предписано занять Белгород. Второй колонне (Соловьева) и остальным частям ждать распоряжений в Брянске.

В двадцатых числах декабря дислокация отрядов, подчиненных Кудинскому, была такова:

1. В направлении Гомель — Бахмач отряд тов. Берзина (численность уже была указана), находившийся в периоде реорганизации и усиленный матросами (500 ч.) под командой тов. Яковлева.

2. В направлении Орел — Белгород «Северный летучий отряд» Сиверса — в составе 178-го пехотного запасного полка (из Старой Руссы) под командой Шимановского — 889 штыков; 18-й гусарский Нежинский полк — 47 сабель, 76 штыков, 10 пулеметов, 40 чел. прислуги ¹⁾; Дновский гарнизон 200 штыков, 50 сабель, 3 броневика (из 2-го бронедивизиона), кроме того одна 6-орудийная батарея 17-го корпуса; сборная Петроградская самокатная команда — 14 самокатов, 9 мотоциклов, 4 пулемета. Всего 1165 штыков, 97 сабель, 14 пулеметов, 6 орудий, 3 броневика, 14 самокатов, 9 мотоциклов.

3. В Смоленске формировалась «вторая колонна» Соловьева. Сборный отряд из 17-го корпуса — 600 штыков, 10 пулеметов — и Рославльский отряд — 500 штыков, 10 пулеметов и 2 орудия.

4. В Белгороде — вне связи с Кудинским, — отряд Ховрина до 300 человек с бронеплощадкой тов. Зайцева.

5. В резерве — Брянский и Великолукский отряды 300 штыков, 50 сабель, Смоленская батарея, части 17-го корпуса и на ремонте в Брянских мастерских бронепоезд, отбитый в Бологое.

6. По дороге к станции Лиски — Чертково — «17 отряд», направленный Берзиным.

Колонны Кудинский организовал различным образом. Набранные на добровольческих началах из фронтовиков и тыловых гарнизонов, эти отряды сводились по-ротно в более высшие соединения, во главе каждого отряда стоял выборный комитет для содействия штабу. Командир был большей частью и организатор данного отряда; в штабе находился заведующий передвижением и заведующий довольствием. Довольствие шло из местных складов.

22-го декабря Кудинский доносил мне из Брянска: «В Смоленске обезоружен 3-й бронедивизион, 3 броневика переданы в отряд Сиверса, начато формирование 6-орудийной батареи.

¹⁾ П р и м е ч а н и е. Очевидно, отдельная пулеметная команда этого полка.

В Рославле сформирован в один день отряд в составе 500 штыков, 2 орудий и 10 пулеметов.

В Брянске Советская власть неорганизована. Врачебная комиссия распустила до 75% солдат по домам (это тогда было обычным явлением)».

Кудинскому удалось вооружить в Брянске до 10 тысяч рабочих. Из Гомеля направлены в Брянск 50 тысяч винтовок. В Брянске формируются трехорудийная батарея и легкий артиллерийский парк. Там же подготавливается база для всего революционного фронта.

Сухарный завод поднят и вместо 150 пудов дает 1.000 пудов сухарей в день. С ревкомками различных городов Кудинский вошел в соглашение об известной поддержке революционному фронту и о добровольном обложении себя данью в пользу этого фронта.

21-го декабря на станции Липовская Риго-Орловской ж. д. разоружен эшелон украинцев из 121-й дивизии, в числе 840 человек при 2-х пулеметах, шедший на Жмеринку, где будто бы формируется «31-й Украинский корпус».

В Смоленске этот эшелон пытался арестовать член Военно-Революционного комитета. В Рославле произошло вооруженное столкновение с этим эшелом. Среди рядовцев убито 2 и ранено 4. Эшелон удалось задержать, разобрав путь у станции Липовской. Сюда направлен из Брянска бронепоезд с отрядом в 400 штыков. Украинцы сдались; были разоружены и отправлены в Красное Село в распоряжение Украинского Военно-Революционного комитета. Офицеры арестованы.

21-го декабря в Орле задержан эшелон казаков, шедший с позиций на Дон (360 человек, 2 орудия). Казаки разоружены и отпущены. 22-го декабря у Брянска разоружена партия казаков (16 человек, 50 винтовок), направлявшихся в Ростов. Того же числа в Смоленске разоружены 3 эшелона украинцев «полуботковцев» и пропущены домой.

Тут же Кудинский сообщает об отправке им на подкрепление 1-го Минского отряда (Гомель-Бахмач) сводного морского отряда Яковлева и о вступлении Сиверса в ночь на 22/хл в Харьков.

Кудинский выработал следующий план: Отряды разбиваются на 6 колонн; первая и вторая занимают Купянск и организуют

оттуда снабжение оружием Донбаса. 3-я колонна из Воронежа идет на Лиски, где ставит заслон со стороны Царицына, продвигается до Миллерова, а затем занимает Лихую.

4-я колонна из Гомеля занимает Бахмач и далее Круты, Котоп и Гребенку, также вооружая здесь рабочих.

По выполнении этих задач, в зависимости от обстановки, сосредоточение либо против Ростова - Новочеркасска, либо против Киева.

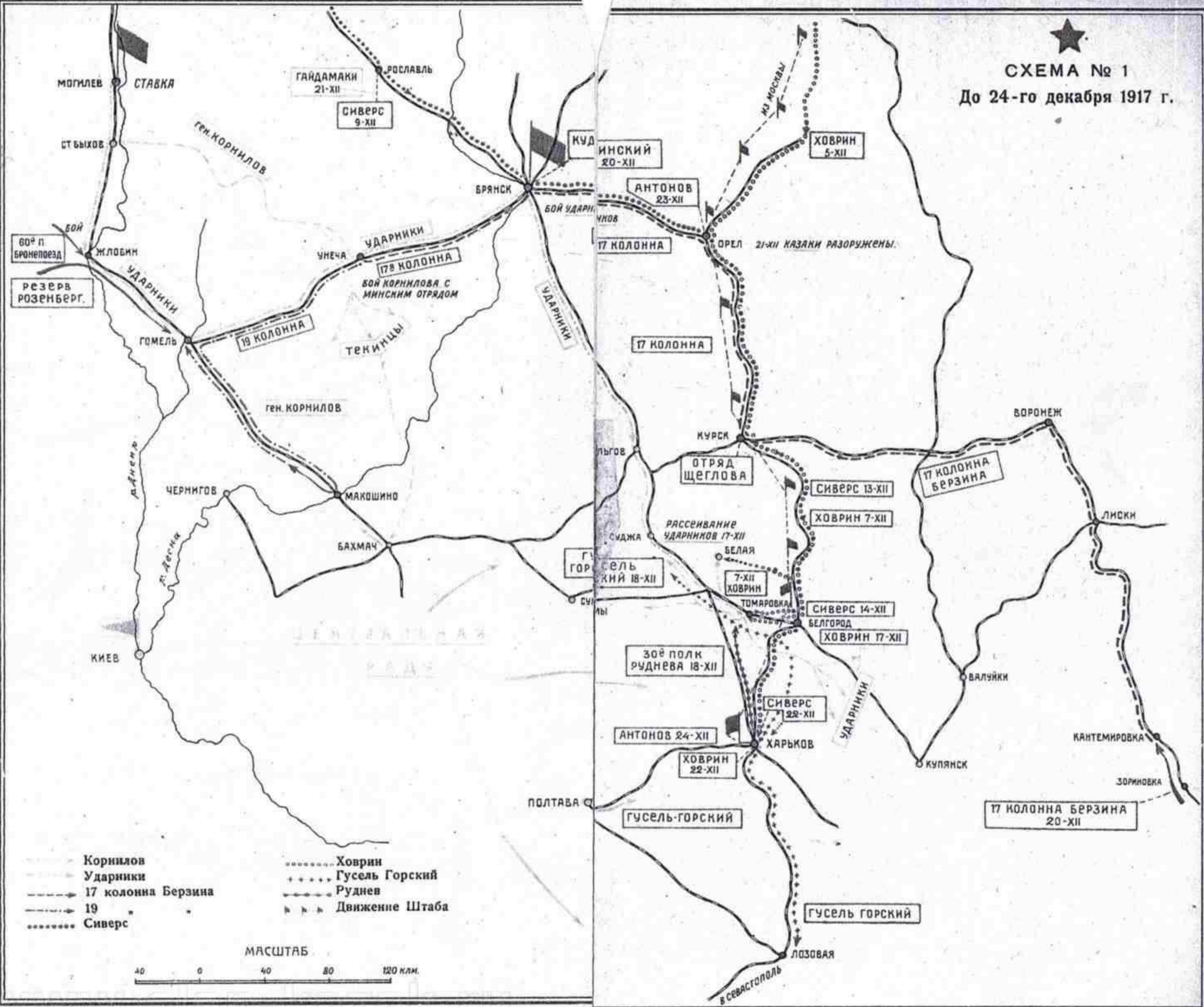
Кудинский считал ближайшей задачей вооружение рабочих Криворожского и Донецкого бассейнов и организацию тыла, а затем уже широко активные операции.

Но он шел слишком далеко в замыслах на счет продвижения вглубь Украины со стороны Гомеля. Это продвижение было мною приостановлено, в виду необходимости накопления сил и подготовки широкого охвата Украины со стороны частей Юго-западного и Румынского фронтов.

В подготовительный период, Кудинский находил необходимым общее руководство вести из Брянска, а не из Харькова, как не имеющего, по его мнению, надежного тыла. В Брянске он начал организацию продовольственной базы, с месячным постоянным запасом на 10 тысяч человек.

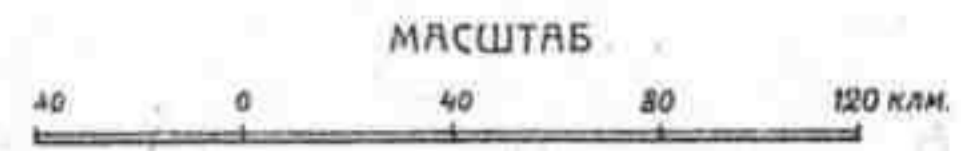

СХЕМА № 1
До 24-го декабря 1917 г.

60^е п. бронепоезд
резерв Розенберг.

- Корнилов
- Ударники
- 17 колонна Берзина
- 19
- Сиверс
- Ховрин
- Гусель Горский
- Руднев
- Движение Штаба

СТАВКА
МОГИЛЕВ
СТ БЫХОВ
ЖЛОБИМ
Гомель
ЧЕРНИГОВ
КИЕВ
УДАРНИКИ
ген. КОРНИЛОВ
УНЕЧА
ТЕКИНЦЫ
МАКОШИНО
БАХМАЧ
БРЯНСК
КУДИНСКИЙ 20-XII
АНТОНОВ 23-XII
17 КОЛОННА
ОРЕЛ 21-XII КАЗАКИ РАЗОРУЖЕНЫ.
КУРСК
ОТРЯД ЩЕГЛОВА
РАССЫВАННЕ УДАРНИКОВ 17-XII
СИВЕРС 13-XII
ХОВРИН 7-XII
7-XII ХОВРИН
ТОМАРОВКА
СИВЕРС 14-XII
ХОВРИН 17-XII
БЕЛАЯ
ГОРЬСКИЙ 18-XII
30^й ПОЛК РУДНЕВА 18-XII
СИВЕРС 22-XII
АНТОНОВ 24-XII
ХОВРИН 22-XII
ХАРЬКОВ
ПОЛТАВА
ГУСЕЛЬ-ГОРСКИЙ
ЛОЗОВАЯ
В СЕВАСТОПОЛЬ
БОРОНЕЖ
ЛИСКИ
КАНТЕМИРОВКА
ЗОРИНОВКА
17 КОЛОННА БЕРЗИНА
17 КОЛОННА БЕРЗИНА
ВАЛУЙКИ
КУЛЯНСК

ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА К СХЕМЕ № 1-й

(главы I и XI).

1) Корнилов, бежавший из Быкова с текинцами, при движении на юг, встречен минским отрядом. После небольшого боя, генерал, бросив свой конвой, спасается один в крестьянском платье. Текинцы рассеялись в разных направлениях.

2) Ударники в стремлении на юг из Могилева, в Жлобине выдержали бой с бронепоездом и 60-м полком Андреева, после чего направились в Гомель-Брянск, с намерением прорваться на Дон через Белгород-Купянск, но у ст. Тамаровка были разбиты Московским отрядом Ховрина и другими 7 декабря и начали рассеиваться.

3) Неопределенная позиция польских легионеров, усиленная украинизация войск и Донская опасность побудили тов. Берзина разбить свой минский отряд на 2 колонны: 17 и 19-ю, для овладения подозрительными районами. В исполнение директивы Берзина (стр. 49) 17-я колонна, изредка вступая в бои, проследовала Брянск-Орел-Курск-Воронеж-Лиски и Миллерово. 19-я колонна с полк. Валобуевым, получив приказание выступить со ст. Унеча, двигалась Гомель-Бахмач-Харьков; дойдя до Макошина и не желая в Бахмаче вступать в бой с украинцами, замитинговала и частично вернулась в Гомель.

4) Резерв обеих колонн обосновался в Гомеле.

5) Отряд, созданный из разных частей под ком. Сиверса, из Смоленска, имея столкновение в Рославле с гайдамаками, проследовал Орел-Белгород. Приняв здесь участие в конце столкновения Ховрина с гайдамаками, направлен в Харьков 12 декабря.

6) Начальник «Северных советских отрядов» тов. Кудинский занялся организационной работой в Брянске (стр. 62).

7) Отряд черноморцев из Севастополя под командой Гусель-Горского, приняв участие в разгроме ударников Харьков-Белгород, — отозванный Крымским ревкомом, отбыл обратно в Севастополь 18 декабря через Харьков.

8) Отряд Ховрина, двинутый из Москвы через Орел-Курск-Белгород после боя с ударниками в районе Тамаровки, застрял в Белгороде до прибытия Сиверса, с которым вместе вступил в Харьков 22 декабря.

9) 30-й пех. полк из Харькова под ком. Руднева принял участие в разгроме ударников под Тамаровкой.

10) Штаб тов. Антова в соответствии с развертывающимися действиями продвигается из Москвы (21/xii) в Орел (23/xii) и, наконец, в Харьков 24/xii.

ГЛАВА II

Казачьи настроения. Совет казачьих войск и Казачий Комитет при ВЦИК. Совнарком и казачество. Мое назначение. В Ставке. Центральная Рада и Советская власть. Ультиматум 17 декабря. Из Питера — в Харьков. Общая обстановка. Первые распоряжения.

В это время, как заканчивалось, в описанной суматошной обстановке, накопление в исходных пунктах революционных войск против контр-революционного юга, я вел в Петрограде попутно определенную работу среди казачьих частей.

Донцы 1-го, 4-го и 14-го полков, расположенных в Питере, соблюдавшие в эти дни полный нейтралитет, добивались от нас согласия на отъезд на Дон, но не получали такого согласия до окончания их внутренней перестройки на основах выборного командования.

Одновременно я имел сношения с расположенной в Финляндии 5-й Кубанской казачьей дивизией, которая также не получала согласия на свой пропуск на Кубань, пока не была переорганизована и пока не были в ней выбраны желательные для нас командиры и признан комиссаром тов. Мирошниченко, член казачьего отдела ВЦИК'а (этот отдел образован из подотдела 23 сентября 1917 г.).

В Питере еще существовал «Совет союза казачьих войск», во главе с определенными контр-революционерами. Казачий отдел ВЦИК задумал противопоставить ему объединение революционного казачества. 17 ноября он устроил совещание с представителями расположенных в Петрограде и Финляндии казачьих частей ¹⁾. На этом совещании решено создать выборный казачий комитет для защиты интересов трудового казачества (председателем избран Лагутин 14-го полка). Комитет должен содействовать выводу с фронта в родные области казачьих частей.

¹⁾ От 5-й Кавк. Кубанской дивизии, от Кубанской каз. батареи, 3 линейного казполка, 1-го Кавк. кавалер. корпуса 1, 4 и 14-го Донполков.

На одном из заседаний, с моим участием, разработан проект обращения Совнаркома к казачеству об устранении тягот казачьей военщины, о признании права трудового населения казачьих областей на внутреннее разрешение земельного вопроса и о желательности созыва съезда трудового населения казачьих областей. Этот съезд предполагается созвать к 1 — 14 января.

«Совет союза казачьих войск», однако, не уговорился. По поводу обращения Совнаркома (от 6 декабря) ко всем совдепам о контр-революционных восстаниях Дутова и Каледина он принял на заседании 7 декабря следующую резолюцию:

«Казачество издавна представляет демократическую земельную общину, где проведено полное народовластие. Казачество не делится на классы угнетателей и угнетенных. В казачестве вся земля с ее недрами принадлежит всему войску, как целому. Установившийся казачий общественно-экономический быт с его идеями подлинного демократизма не должен возбуждать агрессивных действий со стороны центральной государственной власти, кому бы она ни принадлежала, хотя бы как ныне, представителям большевизма. Казачество, направившее всю свою энергию в данное время на устроение краевых дел, не питает намерений вторгаться в область борьбы за государственную власть и никаких шагов вне своих областей в этом направлении не делает. Введение военного положения в области Войска Донского еще 25-го октября, т. - е. до свержения Временного Правительства, было вызвано, несомненно, целями безопасности и сохранения общественного порядка в хлебородном и углепромышленном районе юга и в интересах обеспечения нормального подвоза к армии и к центру продовольственных и угольных грузов, но отнюдь не стремлением к борьбе за центральную власть. Вместе с тем, отсутствие центрально-государственной власти, всенародно признанной и правомочной действовать от имени всей страны, казачество считает недопустимым, как считает недопустимым и заключение мира с германцами без согласия на то союзных с ними держав.

В виду изложенного, совет союза казачьих войск, как объединенный орган всероссийского казачества, обсудив вопрос о непрекращающихся толках о посылке военно-революционным

комитетом воинских эшелонов, для тех или других действий большевиков, в казачьи области и, присоединяясь к резолюции Донского правительства Донской области, а также фронтового казачьего съезда, заявляет:

1. Что казачество ничего для себя не ищет и ничего себе не требует вне пределов своих областей; но в то же время, руководствуясь демократическими началами самоопределения народностей, оно не потерпит на своей территории иной власти, кроме народной, образуемой свободным соглашением местных народностей без всякого внешнего и постороннего давления.

2. Что посылка карательных отрядов против казачьих областей, а в частности против Дона, перенося гражданскую войну на окраины, где идет энергичная работа по водворению общественной безопасности и общественного порядка и по беспрепятственной доставке грузов, угля и нефти к городам России, вызовет расстройство транспорта и тем ухудшит продовольственное дело, приведя к расстройству житницы России.

3. Что казачество протестует против всякого введения посторонних войск в казачьи области без согласия войсковых или краевых казачьих правительств.

4. Что казачество, неисчислимо жертвуя по защите отечества, не может принять на себя последствий такого мира, который будет заключен без согласия народа в лице Учредительного Собрания».

Эта насквозь лицемерная резолюция была представлена 8 декабря делегацией «Совета Союза казачьих войск» военно-революционному комитету и председателю Совнаркома тов. Ленину.

Тов. Ленин и Военно-Революционный Комитет прямо заявили делегации казачьего совета, что Совнарком действительно посылает войска на юг, для защиты Донецкого бассейна от казачьих банд и ликвидации контр-революционного заговора на Дону. Эта экспедиция не только ни в чем не умаляет прав трудового казачества, но прямо является поддержкой ему в его борьбе с контр-революционным атаманством, втягивающим Дон в бунт против рабоче-крестьянской власти.

Делегаты казачьего совета держались весьма двусмысленно, усиленно подчеркивали нейтралитет Совета в гражданской войне, но не смогли скрыть своих явных симпатий калединщине.

Тотчас же я поставил в Казачьем Комитете ВЦИК'а ребром вопрос об этом совете.

13 декабря на совещании казачьего комитета, по моему предложению, было решено казачьей рукой арестовать Совет союза казачьих войск. Этот арест, однако, не совсем удался, ибо большинство членов совета, кем-то предупрежденных, разбежалось. Всего из 33-х арестованы семь человек; они впоследствии были выпущены и выбрались на Дон.

В результате работы Казачьего Комитета, появился впоследствии декрет Совнаркома (от 25 декабря):

«Ко всему трудовому казачеству.

Властью революционных рабочих и крестьян Совет Народных Комиссаров объявляет всему трудовому казачеству Дона, Кубани, Урала и Сибири, что рабочее и крестьянское правительство ставит своей ближайшей задачей разрешение земельного вопроса в казачьих областях в интересах трудового казачества и всех трудящихся на основе Советской программы, принимая во внимание все местные и бытовые условия и в согласии с голосом трудового казачества на местах.

«В настоящее время Совет Народных Комиссаров постановляет:

1) Отменить обязательную воинскую повинность казаков и заменить постоянную службу краткосрочным обучением при станицах.

2) Принять на счет государства обмундирование и снаряжение казаков, призванных на военную службу.

3) Отменить еженедельные дежурства казаков при станичных правлениях, зимние занятия, смотры и лагеря.

4) Установить полную свободу передвижения казаков.

5) Вменить в обязанность соответствующим органам при народном комиссаре по военным делам по всем перечисленным пунктам представить подробные законопроекты на утверждение Совета Народных Комиссаров».

Советом Народных Комиссаров было также выпущено особое обращение к трудовым казакам:

«Братья казаки, вас обманывают. Вас натравливают на остальной народ. Вам говорят, будто Советы Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов — ваши враги, будто они хотят отнять вашу казацкую волю, вашу казацкую «вольность».

«Не верьте, казаки, вам лгут. Вас преступно обманывают. Ваши собственные генералы и помещики обманывают вас, чтобы держать вас во тьме и в кабале. Мы, Совет Народных Комиссаров, обращаемся к вам, казаки, с этим словом.

«Прочитайте его внимательно и судите сами, где правда, а где злой обман.

«Жизнь и судьба казаков была всегда неволей и каторгой. По первому зову начальства, казак обязан был садиться на коня и выступать в поход. Всю воинскую «справу» казак должен был создавать на свои кровные трудовые средства. Казак — в походах, хозяйство расстраивается и падает.

«Справедлив ли такой порядок? Нет, он должен быть отменен навсегда. Казачество должно быть освобождено от кабалы.

«Новая народная Советская власть готова прийти к трудовому казачеству на помощь.

«Нужно только, чтобы сами казаки решились отменить старые порядки, сбросить с себя покорность крепостникам — офицерам, помещикам, богачам, — скинуть с своей шеи проклятое ярмо.

«Поднимайтесь, казаки! Объединяйтесь!

«Совет Народных Комиссаров призывает вас к новой, более свободной, более счастливой жизни.

«В октябре и ноябре происходил в Петрограде Всероссийский Съезд Советов Солдатских, Рабочих и Крестьянских Депутатов. Этот Съезд передал всю власть на местах в руки Советов, т.-е. в руки выборных от народа людей. Отныне не должно быть на Руси никаких правителей и чиновников, которые сверху командуют народом и помыкают им. Народ сам создает свою власть. У генерала не больше прав, чем у солдата. Все равны.

«Рассудите, казаки, дурно это или хорошо.

«Мы призываем вас, казаки, присоединиться к этому новому народному порядку и создавать ваши собственные Советы Казацких Депутатов. Этим Советам должна принадлежать на местах вся власть. Не атаманам в генеральских чинах, а выборным представителям трудового казачества, своим доверенным, надежным людям.

«Всероссийский Съезд Солдатских, Рабочих и Крестьянских Депутатов постановил все помещичьи земли передать в пользование трудового народа.

«Разве же это несправедливо, казаки? Корниловы, Каледины, Дутовы, Карауловы, Бардины всей душой стоят за интересы богачей и готовы утопить Россию в крови, только бы отстоять земли за помещиками.

«Но вы, трудовые казаки, разве же вы сами не страдаете от бедности, гнета и земельной тесноты! Сколько есть казаков, у которых не больше 4 — 5 десятин на двор? А рядом с ними казаки-помещики, у которых тысячи десятин своей земли и которые, сверх того, прибирают к рукам войсковые земли и угодья.

«По новому Советскому закону, земли казаков - помещиков должны без всякой платы перейти в руки казаков-тружеников, казачьей бедноты.

«Вас пугают тем, будто Советы хотят отнять у вас ваши земли. Кто вас пугает? Казаки-богачи, которые знают, что Советская власть хочет помещичьи земли передать в ваши собственные руки.

«Выбирайте же, казаки, за кого вам встать: за Корниловых и Калединых, за генералов и богачей, или же за Советы Крестьянских, Солдатских, Рабочих и Казачьих Депутатов».

«Избранный Всероссийским Съездом Совет Народных Комиссаров предложил всем народам немедленное перемирие и честный демократический мир без обиды и ущерба для какого-либо народа. Все капиталисты-помещики, генералы-корниловцы восстали против мирной политики Советской власти. Им война давала барыши, власть, чины. А вам, рядовым казакам? Вы гибли без смысла и без цели, подобно вашим братьям солдатам и матросам. Вот уже скоро 3¹/₂ года, как тянется эта проклятая бойня, которую капиталисты и помещики всех стран затеяли из-за своих выгод, из-за мировых грабежей. Трудовому казачеству война принесла лишь разоренье и гибель. Из казачьего хозяйства война высосала все соки. Единственное спасение для всей нашей страны и трудового казачества — в частности это — скорый и честный мир.

«Совет Народных Комиссаров заявил всем правительствам и всем народам: «Мы не хотим чужого и не хотим отдавать свое. Мир без аннексий и контрибуций. Каждый народ должен сам решать свою судьбу. Не должно быть никакого притесне-

ния нации над нацией». Такой именно честный, демократический, т.-е. народный мир предлагает Совет Народных Комиссаров всем правительствам, всем народам союзным и враждебным. И первый результат налицо: на русском фронте уже установлено перемирие. Там уже не льется солдатская и казачья кровь.

«Теперь, казаки, решайте сами: хотите ли вы дальше вести эту пагубную, бессмысленную преступную бойню. Тогда поддержите кадет, врагов народных, поддержите Чернова, Церетелли, Скобелева, которые бросили вас в наступление 18-го июня, поддержите Корнилова, который ввел на фронте смертную казнь для солдат и казаков. А если хотите скорого и честного мира, тогда становитесь в ряды Советов и поддержите Совет Народных Комиссаров.

«Ваша судьба, казаки, в ваших собственных руках. Наши общие враги: помещики, капиталисты, корниловцы, офицеры, буржуазные газетчики обманывают вас и толкают на путь гибели. В Оренбурге Дутов арестовал Совет и разоружил гарнизон. Каледин угрожает Советам на Дону. Он объявил там военное положение и стягивает туда войска. Караулов расстреливает туземцев на Кавказе. Кадетская буржуазия снабжает их своими миллионами. Их общая цель: задушить народные советы, подавить рабочих и крестьян, ввести снова палочную дисциплину в армии и увековечить рабство трудового казачества.

«Наши революционные войска двинулись на Дон и на Урал, чтобы положить конец преступному восстанию против народа. Начальникам революционных войск отдан приказ: ни в какие переговоры с мятежными генералами не входить, действовать решительно и беспощадно.

«Казаки, от вас зависит теперь, будет ли дальше литься братская кровь. Мы вам протягиваем руку. Объединяйтесь со всем народом против его врагов. Объявите Каледина, Корнилова, Дутова, Караулова и всех их сообщников и пособников врагами народа, изменниками и предателями. Арестуйте их собственными силами и передайте их в руки Советской власти, которая будет их судить гласным и открытым революционным судом.

«Казаки, объединяйтесь в Советы Казачьих Депутатов. Берите в свои трудовые руки управление всеми делами казачества. Отбирайте земли у ваших собственников помещиков-богачей.

Передавайте их зерно, их инвентарь на обработку земель трудового казачества, разоренного войной.

Вперед, казаки, на борьбу за общенародное дело!

Да здравствует трудовое казачество!

Да здравствует союз казаков, солдат, крестьян и рабочих!

Да здравствует власть Советов Казачьих, Солдатских, Рабочих и Крестьянских Депутатов!

Долой войну. Долой помещиков и генералов-корниловцев!

Да здравствует мир и братство народов!»

Казачий Комитет, в свой черед, выпустил такое воззвание: «Граждане-казаки!

В феврале народ, недовольный царской властью, сверг ее, передав затем власть капиталистам и помещикам, которые избрали из своей среды министров. Восемь месяцев эти министры затягивали войну, чтобы больше выиграть для себя и своих заграничных союзников-капиталистов немецких, английских, французских и австрийских. Народ увидел, что он обманут, что капиталисты не могут быть его друзьями, и потому в Октябре сверг этих правителей и взял власть в свои руки.

Представителями народной власти теперь являются на местах Советы Рабочих, Солдатских, Крестьянских и Казачьих Депутатов.

Уже изданы законы о переходе земли трудовому народу.

Война, затеянная царями, генералами, банкирами, помещиками, чтобы увеличить свою власть, силу, свои богатства, а народную кровь превратить в золото своих барышей, не нужна трудовому казачеству, солдатам и крестьянам.

Все народы жаждут мира, только правителям он страшен и невыгоден. Народная власть уже обратилась ко всем воюющим государствам с предложением приостановить бойню, вступить в переговоры и заключить мир без земельных и других приобретений и контрибуций (расходов на войну). Врагам бедного трудового народа невыгоден такой мир, и они всячески тормозят переговоры, стараются вызвать гражданскую войну внутри страны, между собой: приверженцы старого режима, генералы и другие разные высшие чины, из желания сохранить за собой старые права и положение, мобилизуют темных казаков и направляют на народ, заставляя их так же, как и царь, отстаивать свои интересы.

Станичники! Не верьте этим лицемерам. Они говорят вам: «Советская власть заключает сепаратный мир только с Германией». Неправда. Предложено одинаково как врагам, так и союзникам, всем. Они запугивают нас союзниками, говоря, что союзники нас разобьют, это тоже обман, так как против свободного народа никакой народ не пойдет. С свободным народом воевать трудно, ибо тогда будет война не по приказу, а по сознанию самого народа, а народная война страшна и могуча, и русский народ не раз это доказал, спасая свои земли. Вина и расходы падут на тех, кто будет затягивать войну. Земли казачьи принадлежат казакам, никто их отбирать не будет, а за утраченное имущество на войне каждый казак получит вознаграждение.

Враги народа, чтобы разъединить дружную работу и вызвать междоусобие, начали устраивать казачьи и другие национальные республики, а сами забирают власть, вводят военные положения и закабаживают вновь казачество.

Не ошибитесь, казаки, теснее сплотитесь со всем русским народом, соединитесь в гражданском управлении и политической жизни. В единении—сила, один за всех, а все за одного, а узурпаторов власти, загребающих народную власть да деньги, гоните прочь. Не смотрите враждебно на рабочих: они на фабриках вырабатывают вам материю для одежды, военные и сельскохозяйственные орудия, а в шахтах добывают эти материалы. Снабжайте их хлебом и всеми питательными продуктами. Всеми мерами старайтесь, чтобы не прерывались дружные работы, в этом залог свободы и блага. Земля наша богата, и все есть в избытках, нужна только дружная работа.

Да здравствует власть трудового народа!»

После того, как 5-я Кубанская казачья дивизия выполнила предъявленные ей требования, я разрешил ей двинуться на Кубань через Царицын, дабы прочистить дорогу нашим войскам и поддержать Советскую власть на Кубани. Это движение организовывалось, однако, крайне медленно.

С дивизией Краснова были также изрядные хлопоты. Эту дивизию сначала было решено перевести на северный фронт, под надзор латышей и сибирских стрелков, но фуражные условия побудили от этого отказаться, и дивизия, к которой был

приставлен надежный комиссар по выбору казачьего отдела ВЦИК'а, была передвинута в район В. Лук, где она вскоре настолько «разложилась», что генерал Краснов вынужден был ее покинуть (отправился с Советского разрешения в Пятигорск), а ее полки, сдав оружие, получили разрешение на отъезд к родным полям.

В разгаре этих подготовительных мероприятий, я получил от тов. Ленина предложение указать, по соглашению с тов. Крыленко и Подвойским, лицо для непосредственного командования против Каледина и «его пособников» (под «пособниками» подразумевались поддерживающие Каледина контр-революционные украинцы). Я предложил самого себя для этой работы, что и было принято.

Тов. Ленин настаивал на немедленном отпращивании моем в Харьков; но, в целях лучшей ориентировки и сговора о необходимых для меня военных силах, я решил предварительно съездить в Ставку.

В Ставку я прибыл 16-го декабря. Здесь застал комиссара северного фронта тов. Позерна, г. Мясникова (ком. западным фронтом) и других. Ревштаб, сформированный в Ставке, во главе с бывшим прапорщиком Тер-Арутюнянцем, показался мне чрезвычайно слабым. Аппарат ставки совершенно не был использован; специалисты почти не привлечены. Связь между отдельными фронтами поддерживалась не столько через технический аппарат Ставки, сколько особыми курьерами и комиссарами.

Положение вещей обрисовалось в следующем виде. С немцами до 14-го января по всем фронтам установлено перемирие (генерал Щербачев с румынского фронта еще 2-го декабря заявил о своем согласии приступить к переговорам с немцами).

С первых дней Октябрьского переворота, Рада заняла по отношению к Советской власти враждебное положение. Она находилась в сношениях с так называемым Обще-Армейским Комитетом в Ставке, предлагая ему взять на себя почин в создании нового, в противовес большевистскому, государственного аппарата.

20-го ноября Рада выпустила так называемый 3-й универсал, который начинается такими словами: «Настал тяжелый час для Российской Республики. В северных столицах идет кровавая междоусобная борьба. Центрального Правительства нет, и в стране

водворяется беспорядок, безвластие, анархия»..., а заканчивается так: «Мы, Центральная Рада, призываем вас к решительной борьбе с захватами, безвластием и анархией».

Чрезвычайно внимательно относясь к правам наций на самоопределение, Советская власть с первых же шагов признала безоговорочно право на государственную самостоятельность украинского народа, согласилась не задерживать вывода украинизированных частей с фронта на Украину, согласилась возвратить все национальные украинские памятники, вывезенные с Украины, и т. д. И все же Рада продолжала держаться вызывающе-враждебно по отношению к Совнаркому.

В начале декабря, тов. Троцкий передал по прямому проводу тов. Крыленко в Ставку: — «Предлагаем принять представителя Украинского штаба при вашей Ставке. Равным образом предлагаем включить представителя Центрального Секретариата в состав Общероссийской Мирной Делегации. Что касается создания единого украинского фронта из нынешних юго-западного и румынского, то вопрос этот остается открытым. Вполне одобряем вашу политику; не чинить никаких препятствий передвижению украинских частей с севера на юг, поскольку это допускается общим положением фронта и состоянием транспорта. Украинские трудящиеся массы должны на деле понять, что Общероссийская Советская власть не будет чинить никаких затруднений самоопределению Украины, в какие бы формы это самоопределение окончательно ни вылилось, и что признание народной Украинской Республики со стороны Российской власти самое полное».

Разговор этот происходил 7-го декабря.

Уже после того, как выявилось определенное враждебное настроение Центральной Рады, Ставка запретила отъезд украинских войск с северного и западного фронтов и отклонила притязания Рады на выделение Украинского фронта. Тогда Центральная Рада обратилась с приказом по всем частям возвращаться домой без разрешения местных командующих и объявила юго-западный и Румынский фронт слитыми в единый Украинский фронт, под командованием генерала Щербачева.

Это был открытый разрыв Рады с Совнаркомом.

Продовольственное положение на фронте было крайне тяжелым, Рада же не пропускала продовольствия на фронт.

В начале декабря закончился съезд юго-западного фронта, на котором в большинстве были представлены соглашательские, до революции избранные, элементы. На Съезде произошел раскол. Выделился большевистский ревком, который однако не смог овладеть властью. Рада и поддерживающие ее соглашатели вели борьбу за власть и использовали также контр-революционное офицерство, во главе с командующим генералом Володько. Ревкому не удалось уговорить ни одного из высших офицеров взять на себя командование фронтом, и фронт остался неорганизованным в своем центральном командовании. Борьба за украинизацию велась Радой с чрезвычайным напряжением, и одновременно Рада совершенно беспрепятственно пропускала на Дон вооруженные казачьи части, шедшие на поддержку Каледину, и явным образом поддерживала тягу контр-революционного офицерства на Дон.

Столкновение с Радой представлялось совершенно неизбежным, и при мне тов. Крыленко, по указанию Смольного, отправил в Киев следующий ультиматум:

«Исходя из интересов единства и братства союза рабочих и трудящихся эксплуатируемых масс в борьбе за социализм, исходя из признания этих принципов многочисленными решениями органов революционной демократии советов и особенно 1-го Всероссийского Съезда Советов, социалистическое правительство России, Совет Народных Комиссаров, еще раз подтверждает право на самоопределение за всеми нациями, которые угнетались царизмом и великорусской буржуазией, вплоть до права этих наций отделиться от России.

«Поэтому мы, Совет Народных Комиссаров, признаем народную Украинскую республику, ее право совершенно отделиться от России или вступить в договор с Российской Республикой о федеративных или тому подобных взаимоотношениях между ними.

«Все, что касается национальных прав и национальной независимости украинского народа, признается нами, Советом Народных Комиссаров, тотчас же, без ограничений и безусловно.

«Против Финляндской буржуазной республики, которая остается пока буржуазной, мы не сделали пока ни одного шага в смысле ограничения национальных прав и национальной не-

зависимости финского народа, и не сделаем никаких шагов, ограничивающих национальную независимость какой бы то ни было нации из числа входящих и желающих войти в состав Российской Республики.

«Мы обвиняем Раду в том, что, прикрываясь национальными фразами, она ведет двусмысленную буржуазную политику, которая давно уже выражается в непризнании Радой Советов и советской власти и на Украине (между прочим, Рада отказывается созвать, по требованию советов Украины, краевой съезд Украинских советов немедленно). Эта двусмысленная политика, лишаящая нас возможности признать Раду, как полномочного представителя трудящихся и эксплуатируемых масс Украинской республики, довела Раду в самое последнее время до шагов, означающих уничтожение всякой возможности соглашения.

«Такими шагами явилась, во-первых, дезорганизация фронта.

«Рада перемещает и отзывает односторонними приказами украинские части с фронта, разрушая таким образом единый общий фронт до размежевания, осуществимого лишь путем организованного соглашения правительств обеих республик.

«Во-вторых, Рада приступила к разоружению советских войск, находящихся на Украине.

«В третьих, Рада оказывает поддержку кадетско-калединскому заговору и восстанию против Советской власти. Ссылаясь заведомо ложно на автономные будто бы права «Дона и Кубани», прикрывая этим калединские контр-революционные выступления, идущие в разрез с интересами и требованиями громадного большинства трудового казачества, Рада пропускает через свою территорию войска к Каледину, отказываясь пропустить войска против Каледина.

«Становясь на этот путь неслыханной измены революции, на путь поддержки злейших врагов как национальной независимости народов России, так и советской власти, врагов трудящейся и эксплуатируемой массы — кадетов и калединцев, Рада вынудила бы нас объявить, без всяких колебаний, войну ей, даже если бы она была уже вполне формально признанным бесспорным органом высшей государственной власти независимой буржуазной Республики Украины.

«В настоящее время, в виду всех вышеизложенных обстоятельств, Совет Народных Комиссаров ставит Раде, перед лицом народов Украинской и Российской республик, следующие вопросы:

1) Обязуется ли Рада отказаться от попыток дезорганизации общего фронта.

2) Обязуется ли Рада не пропускать впредь, без согласия верховного главнокомандующего, никаких войсковых частей, направляющихся на Дон, на Урал или в другие места.

3) Обязуется ли Рада оказывать содействие революционным войскам в деле их борьбы с контр-революционным кадетско-калединым восстанием.

4) Обязуется ли Рада прекратить все свои попытки разоружения советских полков и рабочей красной гвардии на Украине и возвратить немедленно оружие тем, у кого оно было отнято.

«В случае неполучения удовлетворительного ответа на эти вопросы в течение срока сорока восьми часов, Совет Народных Комиссаров будет считать Раду в состоянии открытой войны против Советской власти в России и на Украине. Совет Народных Комиссаров».

Из Ставки я дал в Питер распоряжение распустить Революционный штаб Украинской Рады. Мои переговоры со Ставкой были короткими и чисто деловыми.

Я сговорился с тов. Крыленко относительно направления в мое распоряжение в Харьков частей с фронта. Позерн обещал при этом дать одну пехотную дивизию, два латышских полка, кавалерийскую дивизию, дивизион легкой горной и дивизион тяжелой артиллерии, а также вспомогательные части. Тов. Мясников обязался выделить соответствующие силы на Гомель-Бахмачское направление. С Тер-Арутиньянцем было условлено, что наступление к Киеву произойдет после предварительного сосредоточения достаточных сил, в основном направлении Гомель-Бахмач-Гребенва, отрезывая Киев с востока. Одновременно с запада революционные войска наступают к Киеву от Шепетовки, Житомира, Жмеринки. 2-й гвардейский корпус (штаб в Баре) должен отправиться в мое распоряжение южными дорогами через Екатеринослав.

Я сговорился далее с тов. Крыленко о том, чтобы никакое продвижение войск в восточном направлении от фронта не производилось без моего согласия.

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ
НАРОДНЫХЪ КОМИССАРОВЪ.

Петроградъ.

8 декабря 1917 г.

№ 322
76.

УДОСТОВѢРЕНІЕ.

Дано сіе удостовѣреніе тов. Антонову въ томъ, что онъ, съ согласія Главковерха Крмленко, Комиссара Подзолковаго и всей Коллегіи по военнымъ дѣламъ уполномочивается для общаго руководства операціями противъ каледнскихъ войскъ и ихъ пособниковъ.

Председатель Совѣта Народныхъ
Комиссаровъ *В. Урицкий (Ленин)*

Ла Управляющій Дѣлами Совѣта *И. Тамбовъ*

Секретарь *Шуринъ*

СОВѢТЪ НАРОДНЫХЪ
Комиссаровъ.

Петроградъ.

8 декабря 1917 г.

№ 321.

Товарищъ Антоновъ отъѣзжающій въ Москву и оттуда на фронтъ для военныхъ дѣйствій противъ Каледина, обязуется ЕЖЕДНЕВНО по прямому переводу (лично или черезъ адъютанта) информировать Совѣтъ Народныхъ Комиссаровъ о томъ, КТО именно назначаетъ онъ, или другія военныя власти, ОТВѢСТВЕННЫМИ лицами по распоряженію отдельными частями, особенно по передвиженію и сбору войскъ и по конвоированію.

Председатель Совѣта Народныхъ
Комиссаровъ *В. Урицкий (Ленин)*

Ла Управляющій Дѣлами Совѣта *И. Тамбовъ*

Секретарь *Шуринъ*

Вернувшись из Ставки, я имел вновь разговор с Владимиром Ильичом; сообщил ему о своих намерениях, получил от него некоторый выговор за медлительность, хотя не задерживался в Ставке ни на один лишний час. На вопрос Владимира Ильича, кого я беру с собой в Харьков, я сказал, что намерен взять начальником штаба бывш. подполковника Муравьева. Владимир Ильич отнесся с большим сомнением к целесообразности этого выбора. — «Смотрите — на вашу ответственность» — сказал он. Я условился также с Владимиром Ильичом сообщать ему обо всех назначениях и всю информацию давать с определенной условной отметкой, дабы гарантировать более или менее ее подлинность.

Взяв с собой несколько человек из моего полевого штаба, передав командование округом б. штабс-капитану Казанцеву, я выехал в Харьков через Москву.

В Москву я выехал вместе с Муравьевым и еще несколькими работниками из Петроградского штаба (денег взяли с собой 20.000 руб.).

21-го декабря приехали в Москву. Были весьма приветливо приняты революционным командующим Мураловым, сразу сдружившимся с Муравьевым. Москва, к этому времени, почти ничего еще не сделала для борьбы с контр-революционным югом. Выделен был лишь небольшой отряд, усиливший отряд Ховрина и Сиверса; а, судя по описанию гарнизонов, сделанному Муравьевым, Округ мог бы выставить до 30 тысяч бойцов.

Предварительный план наших действий в Москве наметился, по совету Муравьева, так: накопление сил в Харькове, Купянске и Воронеже; из Харькова и Купянска руководство работой по организации сил в Донбасе, главный удар по магистрали Воронеж-Новочеркасск.

Оставив в Москве для связи одного товарища, мы с Муравьевым, преисполненные наилучших ожиданий от энергии Московского Округа, поспешили к югу.

В Орле застали довольно неустойчивое настроение. Ревком не знал, как быть с вооруженными украинцами, пробиравшимися к Киеву, и казачьими эшелонами, спешившими на Дон. 23-го декабря мною оставлен Орловскому Ревкому приказ — украинские части, следующие в распоряжение Центральной

Рады, разоружать; приступить к организации поддержки борьбы против Каледина. Для последней Орел должен выделить в Харьков, в мое распоряжение, особый отряд с одной батареей и взвод конно-горной артиллерии, присоединив последний к отправляющемуся из Тулы в Белгород-Купянск «1-му Революционному отряду» (600 штыков, 16 пулеметов).

В Курске наводил «революционный порядок» и соответственную панику на обывателей посланный Кудинским «Рославльский отряд» тов. Щеглова.

Ревком вел себя нерешительно. Допустил украинизацию mortarной батареи, согласился пропустить на Украину, по требованию радовцев, 8 орудий, растерялся перед вызывающим поведением персонала бронепарка Английской военной миссии (бронепарк обслуживал империалистский фронт).

«Команда выздоравливающих», для которой Муралов выслал до 1.000 винтовок, оказалась совершенно непригодной.

Курский Ревком через члена тов. Садикова получил от нас твердые задания, — орудий украинцам не давать, украинцев из mortarной батареи распустить по домам, батарею доформировать и прислать в Харьков, бронепарк Английской миссии захватить и использовать по моему дополнительному заданию.

В Белгороде — «первый польский революционный полк» был вооружен из поезда снабжения тов. Толкачева (7 тысяч винтовок, 14 пулеметов и миллион патронов).

По отзыву комиссара полка Бабянского и председателя местного ревкома Мандревала, этот полк вопреки отзыву Муралова оказался не боеспособным. Однако Мандреваль обещал выполнить данные ему жесткие приказы — выделить из полка до 4.000 штыков для Харькова и отряд в поддержку тверичанам для занятия Купянска.

В Харьков мы прибыли в 16 часов 24-го декабря. На вокзале — полный хаос. Бесчисленное число составов, между которыми затеряны эшелоны Сиверса и Ховрина. Связь этих эшелонов с городом крайне слаба. Отряд Ховрина — так называемый 1-й Петроградский сводный отряд, почти совершенно разложился на почве реквизиций, обысков и арестов.

Отряд Сиверса представлялся вполне стойким. Сейчас же по его прибытии в Харьков (в ночь на 22 декабря), у него пошли

нелады с местным ревкомом ¹⁾). К отряду на вокзал прибыли члены местного Комитета большевиков, во главе с т. Артемом, добивавшиеся от отряда отказа от каких бы то ни было враждебных действий против Харьковских радовцев. С последними местные большевики объединенно работали в «Ревштабе» и не находили возможным стать в конфликт с Центральной Радой, физиономия которой представлялась им еще неопределившейся. Но, осмотревшись в городе, Сиверс сейчас же осознал необходимость решительными действиями обезвредить радовцев.

На следующую же ночь по прибытии отряда, Сиверс решил захватить у радовцев бронедивизион. О решении отряда извещен Комитет большевиков. От имени Комитета, тов. Мартьянов потребовал отказа от выступления, чтобы не срывать начавшихся переговоров с радовцами о пересмотре отношения к Совнаркому. Тов. Волынский ответил за весь отряд, что выступление состоится, и оно состоялось. Под угрозой орудий, взявших на прямой прицел ворота бронедивизиона, казармы броневиков были захвачены и все бронеавтомобили вывезены нашим отрядом. Одновременно были арестованы комендант города Чеботарев и член войсковой рады Павленко. «Радовцы» не посмели и шелохнуться. Но наши соглашатели возмущенно суетились. Они в разгаре операции приехали во главе с тов. Артемом к казармам бронедивизиона и вызвали Волынского, как представителя отряда, на заседание «демократических организаций». Волынский передавал, что более гнусного отношения к революционным войскам он нигде до той поры не встречал. Все собрание, в ответ на сообщение им, что захват бронедивизиона будет произведен и все контр-революционные силы будут разоружены, яростно шумело, требовало вывода отряда из Харькова. Этим требованиям, сформулированным председателем Городской Думы, аплодировали и некоторые большевики. Лишь немногие из последних поддерживали Волынского. Резкие объяснения с местными лидерами партии продолжались и на вокзале, после окончания операции.

¹⁾ Примеч. автора. Дальнейший инцидент мною изложен со слов тов. Волынского, бывшего тогда начштаба отряда Сиверса.

Тов. Артем и другие, ссылаясь на особое положение на Украине в связи с национальным вопросом, требовали от отряда Сиверса прекращения всяких действий против радовцев и подчинения городскому ревштабу. Кончили соглашением — держать контакт с организуемым ревкомом (большевики с эс-эрами, без украинцев). По настоянию парткомитета, Сиверс выпустил арестованных радовцев.

Однако, благодаря этой внушительной демонстрации наших сил, местные радовцы согласились изменить свое отношение к «москалям» и, в нарушение приказа Центральной Рады, не препятствовать вывозу продовольствия из Украины на север.

Отношения были очень натянутыми, когда приехали мы с Муравьевым.

Отряд Сиверса пытался вести некоторую борьбу с бандитизмом, каковые попытки превратили штаб отряда в судилище. Председателем суда был Клейман, человек весьма подвижной, а членом суда входил прямолинейный матрос Трушин, который считал всякого белоручку достойным истребления.

В этот суд за советом и с жалобами обращались многие рабочие и служащие, не встречавшие должной поддержки со стороны местных властей. Суд жестоко расправлялся с грабителями.

«7-я верста» памятна обывателям Харькова. Но обывательская фантазия до чрезвычайности преувеличивала происходившие на ней расстрелы. По приговору Революционного отрядного суда, действительно, произведено было несколько расстрелов, но в общем их было крайне мало в сравнении с той разрухой, которая царила в городе.

Помню, например, один случай такого расстрела нескольких человек бандитов — по требованию самих рабочих одного завода.

Гарнизон в Харькове был в самом расхлябанном состоянии. Лучшее всего сохранился 3-й запасный полк под командой поручика Руднева. Он мог выделить до 500 человек. 252-й запасный полк мог дать до 150 человек боеспособных.

Автомобильные запасные мастерские смогли выделить только 3 броневика, которые несли охрану города. Саперный полк совершенно распылен. 4-й запасный артиллерийский дивизион — без людей, с попорченными орудиями.

В городе — сильное украинское влияние. 28-й полк украинизирован. Переименован во 2-й украинский. В нем до 3-х тысяч солдат, 427 офицеров, 40 пулеметов; гарнизон только что пополнен также украинизированным Чигиринским полком с большим количеством украинского офицерства.

Эти полки стоят за Центральную Раду, но нерешительны. По сведениям местных товарищей, в городе существует белогвардейская организация «вольное казачество» — до 300 человек. 19-й бронедивизион был также настроен весьма ненадежно, — Рада сильно рассчитывала на его поддержку, но Сиверс, как я сообщал, захватил этот бронедивизион почти тотчас по своем прибытии. В этом дивизионе — 4 вполне исправных машины.

По сообщению Муралова, в Харькове имелось до 10 тыс. красногвардейцев; на деле оказалось вооруженных рабочих не более 3-х тыс. человек (тов. Толкачев перевез в Харьков на своем поезде снабжения 2 тыс. винтовок и несколько пулеметов, а также через Харьков отправил в Донбас к Никитовке до 2-х тыс. винтовок и 4 пулемета).

Из этих красногвардейцев — годных к боевым действиям — не более 1¹/₂ тыс. человек. Наиболее сильная дружина — на паровозостроительных мастерских и в ВЭК (Всеобщая Электрическая Компания).

В городе продолжает действовать городская дума. Рядом с ней — беспомощный совет, в котором засилие соглашателей. При совете ревком, в который входят и меньшевики и эс-эры. Ревком крайне раздражительно относится к действиям наших частей и не оказывает им никакого содействия, а только преисполнен обиды на их самоуправство.

В штабе красной гвардии — тов. Рухимович, равнодушно относящийся к нуждам наших отрядов, но также и несколько бравых товарищей, вроде тов. Белянковича (вскоре перешел в мой штаб в качестве его коменданта). Местные большевики в большой нерешительности, ищут коалиции с соглашателями и не решаются ни на какие серьезные меры. Не хотят и не пытаются оказать никакой помощи нашим отрядам. А городская дума старательно саботирует продовольственную работу, и в городе ощущается серьезная продовольственная нужда.

Во главе большевистской организации — член Ц. К. Артем (Сергеев). Сидит на проводах, разговаривая с «центром». Поменьку соглашается с буржуазией. «Областной комитет» — с ростовскими товарищами, Васильченко и его неизменным спутником Жаковым — с большой претензией на руководство всем и с полным отсутствием влияния на что-либо.

А кругом все враждебно или неопределенно. В самом Харькове — подпольная работа белогвардейцев, время от времени провокаторски постреливающих в городе и на вокзале; несколько разных белых или анархистских организаций.

Через Харьков свободный проход-проезд подозрительных эшелонов. Станция забита солдатами, едущими с фронта самовольно; никакого наблюдения ни в одном из направлений не установлено, между тем, как в Белгороде стоит ненадежный, польский полк, в Сумах — украинизированный дивизион 12-дюймовых орудий (а туда тов. Муралов послал 3 тыс. винтовок), в Чугуеве — Юнкерское училище, в Купянске — Запорожский украинский полк с 120 офицерами. Оттуда замышлялось радцами движение к Харькову. Об этом определенно говорили перехваченные нами телеграммы «начальникам отрядов украинцев» Чугуева и Купянска. И эти телеграммы давались свободно из Харькова.

В Полтаве — Совет под пятой гайдамачины. Через Лозовую свободное продвижение казачьих эшелонов. По Северо-Донецкой ж. д., путь из Харькова в Донбас отрезан украинизированным 5-м запасным кавалерийским полком (несколько тысяч человек), — в Изюме и Балаклее. В Павлограде, Синельникове — гайдамаки. В Александровске Совет разогнан гайдамаками. В Константинограде тоже — гайдамаки.

Южная часть Донбаса занята казачьими бандами, оттеснившими в Юзовке и Никитовке отряд рудничных партизан до 2-х тысяч человек. В Луганске совет наш, но сильное влияние Рады, ведущей темную игру с казаками, подбирающимися к патронному заводу.

Отряд Черноморцев под командой Гусельгорского, дравшийся против Корнилова у Белгорода, к 23 декабря пытается пробиться через Александровск, занятый гайдамаками, в Крым, куда его зовут тревожные вести о контр-революционном выступлении

Татарского корпуса, вернувшегося с фронта. В Екатеринославе — власть Рады, поддержанная отрядами гайдамаков, ненадежность прочих частей, в том числе так наз. Сердюковского полка (сведенного из Петроградских гвардейских полков) и нерешительность местных большевиков.

Обстановка требовала прежде всего:

- 1) установления строгого порядка в городе и на вокзале,
- 2) организации наблюдения за надлежащими направлениями,
- 3) сосредоточения достаточных боевых сил.

Мною сейчас же отдано было распоряжение тов. Сиверсу об организации заслонов и наблюдения в сторону Полтавы и Лозовой, а Муравьев отправлен в Москву получить от Московского Округа необходимые подкрепления.

24-го декабря Муравьеву была послана в догонку телеграмма о том, чтобы он побудил Воронежский Ревком занять Лиски и Елец, а также Валуйки. Того же числа в Ставку отправлен тов. Павлуновский, возвращавшийся после ликвидации ударников у Белгорода и ему даны были полномочия и указания по командованию из Ставки революционными частями против Центральной Рады.

Для установления связи с Ревкомом Никитовки, направлен Григорьев (матрос балтфлота). И оттуда получено следующее красноречивое заявление:

«28 дек. 17 г. Представитель горных районов — Боковского, Картушанского, Говенецкого, Хрустальского и Чистяковского товарищ Гриднев, от имени районов, заявил, что, если мы не дадим им вооруженной силы против казаков, которые там убивают рабочих, то все рабочие бросят рудники и разбегутся. Необходимо вооружение рабочих и дальше вам видно, какие меры принять для защиты районов».

Отряду Гусельгорского послано предписание задержаться у Александровска и ждать дальнейших распоряжений (предписание не дошло по назначению).

Комитету 2-го гвардейского корпуса (в Жмеринку-Бар) направлен с нарочным приказ, в развитие отданного из Ставки предписания, двигаться через Екатеринослав в Донбас для очищения его от Калединских банд, для связи выслать своего представителя в мой штаб в Харьков.

Дано распоряжение направить из Тулы в Саратов большевистскому ревкому 5.000 винтовок с соответствующим количеством патронов, и этому же Ревкому просьба — содействовать прочистке пути к Царицыну.

В развитие плана, намеченного в Москве, мною поставлены такие ближайшие задачи:

1) Овладение южной магистралью, пересекая все пути, ведущие из Украины на Дон, разобщая Дон от фронта и от непосредственной связи с Украинской Радой, контролируя все движение между Украиной и Донбасом.

2) Расчистка пути в Донбас, прежде всего в обход Северо-Донецкой ж. д. через Лозовую-Славянск.

3) Одновременно установление связи Харьков-Воронеж через Купянск-Лиски.

4) Налаживание связи с Царицыным и Северным Кавказом.

Красногвардейцы

Последняя задача поручалась Муравьеву, который должен был пытаться наладить эту связь из Москвы и, если возможно, побудить Кавфронт к активным действиям против контр-революционного Дона-Кубани. Посланный к этому же времени на Кавказ из Петрограда полковник Шереметьев должен был закрепить эту связь. Было известно, что в Трапезунде образован Ревком, сносящийся с Новороссийском и подготавливающий эвакуацию наших войск из Турции.

Штабу Горлово-Макеевского района 24-го декабря предписано через Константиновку и Дружковку войти в связь

с Славянском, куда мы рассчитывали через Лозовую направить эшелон с оружием (8.000 винтовок, 9 пулеметов, 300.000 патронов).

Для занятия Лозовой, собран был сборный отряд из красногвардейцев Харькова (латыши из ВЭК) и 30-й полк, под общим командованием Руднева, всего до 700 штыков. Впоследствии к нему придан также бронепоезд тов. Зайцева.

Настроение у этого хваленного «большевистского» полка не было особенно устойчивым.

Этот отряд 26-го декабря занял Лозовую, вытеснил почти без боя гайдамаков, но ночью в панике бежал, не выдержав пустякового нападения противника. 30-й полк в эшелонах прибыл в Харьков, где был с почетом встречен музыкой, а красногвардейцы прислали ко мне делегацию, требуя подкрепления и одежды. Пристыженные моей отповедью, делегаты вернулись и, перейдя в наступление, красногвардейцы вновь заняли Лозовую, а оттуда стали искать связи с Славянском, где, по нашим сведениям, стоял отряд рудничных партизан. На деле Славянск оказался занят гайдамаками силой до 200 штыков.

В Люботине, выделенный Сиверсом отряд обезоружил в первый же день 2 эшелона украинцев и захватил много украинских офицеров.

Наряду с этой боевой работой, большая работа велась и по организации штаба.

Вопросами продовольственного снабжения частей очень удачно начал распорядиться прибывший от Кудинского тов. Степанов, энергичный, но склонный к выпивке человек. Он сумел не только наладить продовольствие наших отрядов, но и организовать серьезное хлебопечение в самом городе Харькове к большой пользе населению. В помощь Степанову, даны прибывшие со мной матросы Бабкин и Новиков, честно работавшие по вещевому довольствию отрядов. Артиллерийским снабжением ведал вызванный мною из Питера штабс-капитан Лукин с помощником Гусевым. Санитарная помощь организована при помощи местных военных врачей.

Для политической работы среди прибывающих в Харьков частей, выделен Политотдел, во главе с толковым и смелым тов. Маурером.

С Ревкомом я пытался сразу наладить правильные отношения, сговорился, что непосредственных реквизиций производить не будем, но будем предъявлять Ревкому определенные требования, которые он обязуется выполнять без промедления.

Но эти обещания Ревкомом выполнены были лишь отчасти, и мне приходилось все же применять самостоятельные реквизиции, что вскоре до крайности вновь обострило наши взаимоотношения.

Слабее всего в Штабе была, конечно, его оперативная часть.

Здесь у меня не было никаких серьезных помощников и, до возвращения Муравьева, я действовал исключительно сам, имея всего двух комиссаров для поручений.

При содействии местных почтово-телеграфных служащих, особенно старшего механика И. С. Кожевникова, налажена телеграфно-телефонная связь, во главе которой поставлен питерцев тов. Шишаев. Борьба с почтово-телеграфными служащими, саботировавшими нашу работу — одна из интереснейших страничек в развитии революции на юге. Она связана с именем тов. Кожевникова, который, поддержанный сильной группой революционных телеграфистов, сломил саботаж по всей телеграфной линии от Харькова до Москвы. Особенно упорно держались Орловские саботажники.

На центральный телеграф в Харькове, а также и на железнодорожную телеграфную станцию, были назначены наши комиссары.

Серьезная работа проведена по наведению порядка на станции Харьков. Коменданта его, полковника Чаплина, я сместил, назначив нашего человека.

Для передвижения по узлу, мы пользовались ревкомаами соответствующих железных дорог.

Нам удалось настоять на установлении своей комендатуры, но строгого порядка в узле так и не удалось добиться.

Такое же недружелюбное отношение мы встретили и со стороны высших служащих Екатерининских и Южных желдор. 29-го декабря мною послана такая, составленная т. Бакинским, телеграмма:

29 декабря 1917 г.

Всей сети ШН, ШЧ, ШТ, Ко, Ш, ЛН, ЛМ, ЛЧ.

Товарищи, долг гражданина требует в настоящее время от всех нас самой напряженной борьбы с контр-революцией

и мы не сможем складывать оружие и переходить к строительству мирной жизни, пока не раздавим Калединского восстания, заговора буржуазии против революции. Работа требует напряжения и в ваших руках один из важных нервов работы. Учтите, насколько важна в настоящее время исправность, быстрота и точность работы телеграфа, и напрягите все усилия к поддержанию всей сети в наилучшем состоянии. Вследствие отсутствия инициативы и руководства со стороны, организуйте сами работу по восстановлению повреждений. Обо всех повреждениях и восстановлениях сообщайте по прежнему с копиями мне. 1533. Нарком Антонов.

На это мое обращение к ним о содействии, я получил от «Комиссара» Екатерининской дороги Плевако заявление, что «дороги Украины признают власть только Центральной Рады», что они-де готовы пропускать хлеб на север, но что это мы, наоборот, начинаем нежелательную войну. И при этом — ссылка на поранения, нанесенные матросами телеграфистам в Александровске, ссылка явно недобросовестная, ибо в Александровске матросы выдержали бой с гайдамаками, не пропускавшими матросов в Крым.

27-го декабря в Харькове закончился съезд Советов Украины, который вынужден был перебраться сюда из Киева, где Рада в противовес Съезду Советов собрала Съезд волостных представителей и пыталась этим покрыть рабочий съезд. Съезд Советов в Харькове избрал Центральный Исполнительный Комитет Украины (ЦИКУ²ку), у которого тотчас же начались конфликты с Военно-Революционным Комитетом Харькова.

У меня сразу же установились дружественные отношения с «Цикукой», который прислал в мой штаб своего представителя для постоянной работы в штабе, тов. Сергея Бакинского. Тов. Бакинский взял на себя обязанности Начальника военных сообщений.

Съезд шахтеров Донбаса, также работавший в ту пору в Харькове, имел для нас большое практическое значение. Он выделил из своего состава «Бюро Связи» с Донбасом и Доном. Во главе этого Бюро были анархо-синдикалисты Петровский и Коняев. Бюро связи развило серьезную работу, и я получал через него не малое сведений о положении в Бассейне и на Дону.

ГЛАВА III

Противоречия на Дону. Казачество и иногородние. Сложная игра Каледина. Разложение казачьих частей. Партизанские отряды. Алексеевская армия. Наши действия в Купянском, Екатеринославском и Донецком направлениях. Вступление Сиверса и Саблина в Донбас.

Из сообщений различных товарищей и из Новочеркасских газет выяснились следующие подробности о положении и на Дону.

При первых известиях о восстании в Питере, уже 8-го ноября Каледин объявил Донскую область на военном положении, окружным атаманам дал приказ — образовать советы обороны. 13-го ноября начдиву 7 Каледин приказывает «помочь» верным «правительству» войскам в Москве — «первая задача взять Воронеж». 21-й и 40-й Донполки, 15-я конная и 4-я пешая батареи должны двигаться через Поворино-Лиски на Воронеж. Этот поход, однако, не состоялся.

К Каледину обращаются за помощью атаманы Астраханского войска и Саратовский губкомиссар (эс-эр), Каледин отвечает — «помочь не можем».

Новочеркасск становится центром тяготения всех контр-революционных сил. 14-го ноября Каледин проводит чрез «Объединенное Донское Войсковое Правительство» идею создания «Юго-Восточного союза казачьих областей и свободных народов Кавказа», — в противовес «большевистскому» Совнаркому.

Каледин вступает в конфликт с Украинской Центральной Радой, претендуя на присоединение к автономной Донской области Таганрогского и Ростовского районов, которые Рада, по 3-му универсалу, считает украинскими.

Но этот конфликт не нарушает дружественных отношений Донской контр-революции с Центральной Радой. Центральная Рада оказывает Каледину массу услуг, — содействуя перевозке с фронта на Дон казачьих частей и контр-революционного офи-

царства. Более того, Рада посылает с казачьими эшелонами и вооружение на Дон. Киевская Войсковая Рада, узнав о решении черноморцев действовать против Каледина, дала распоряжение — «воспрепятствовать этому силой оружия украинского флота».

Чтобы закрепить свою власть в рудниках, Каледин добился к 8 ноября от Керенского отмены приказа о движении к Ровенки-Грушевску 3 кавал. дивизии, направленной Ставкой для охраны шахт. Дивизия остановилась в районе Гришино. «Охрана рудников — дело самих казаков», — определил Каледин и послал казачьи части в помощь рудовладельцам, в рабочие районы. Под общим начальством генерала Балабина, казаки стали наводить «порядок» в Макеевском и Горловском районах. Аресты, разгон советов и профсоюзов, расстрелы красногвардейцев. Особенно усердствует отряд есаула Чернецова.

Стремясь упрочить свое влияние среди фронтового казачества, Каледин предложил общешироковому казачьему съезду, открывшемуся в Киеве 4-го ноября, перебраться, для большей безопасности, под его атаманское крыло. И казачий съезд возобновил свои заседания в Новочеркасске 19 ноября. Каледин употребил все свое влияние и власть, чтобы направить этот съезд по руслу непримиримой борьбы с «большевиками». Но как ни слабо отражал этот съезд настроения казачьих масс, а и на нем выделилась «левая группа», ставшая в разрез с планами атамана. Эта группа требовала, чтобы казачество соблюдало «нейтралитет» в гражданской войне и чтоб контр-революционным силам не было доступа на Дон. Большинство съезда пошло с Калединым и постановило, что казачество, «во имя спасения государства», должно идти с фронта «разрушенного большевиками» домой с оружием; политика Каледина была одобрена. Съезд закрылся 9-го декабря, выделив Областной Военно-Казачий Комитет. Закрылся при начале серьезных осложнений на Дону. В рабочих районах нарастало сильное брожение — казачьи банды, наводя в них «порядок», лишь обостряли положение. В Таганрогском и Ростовском Округах — аграрные волнения, разгром помещичьих усадеб. В северных районах Дона — особенно в Хоперском, голод и сыпной тиф. Прибывающие с фронта казачьи части оказывались ненадежны. В нескольких полках вынесены резолюции против Каледина, требования сбли-

жения с крестьянством — создания единой демократической власти. Несколько станиц (в их числе Малодельская, Усть-Медведицкого окр.) отказались формировать пешие дружины против «большевиков». Брожение проникало в запасные полки, расположенные в Новочеркасске. По приказу Каледина, эти полки (272-й и 275-й) были разоружены. Но разоружены руками... алексеевских добровольцев. Особенно обострился конфликт с Ростовом. Образовавшийся в Ростове ревком (незначительным большинством) провозгласил себя областной властью. На поддержку ростовцам подоспели черноморцы. Двинутые против Ростова Калединым казачьи части поколебались, некоторые прямо отказались выступать. Каледину пришлось вновь обратиться за помощью к «Алексеевцам». Только при поддержке офицерских и юнкерских добровольческих отрядов Каледин (15-го декабря) сломил восставших рабочих Ростова, вначале имевших успех.

Противоречия внутри казачества, которые вскрывались в этих столкновениях, не были, однако, ни особенно глубоки, ни особенно обострены.

Еще в Питере, на казачьих совещаниях, я убедился, насколько ревниво относятся даже передовые «революционные» станичники к вопросу о распоряжении землей казачьих областей. Они прямо ставили вопрос о том, что распорядителем этих земель должно быть само казачество; на участие в этом распределении неказачьего населения этих областей они соглашались с колебанием.

Казачья вообще были богаты землей и землей хорошего качества. Расслоение в казачью среду проникло не особенно глубоко. Конечно, по определенным округам были сильные различия. Наиболее богатым был Сальский округ, где до $\frac{1}{5}$ дворов пользовались наемным трудом. Всего беднее были северные округа, примыкавшие к Воронежской губернии. Крупные помещичьи усадьбы были относительной редкостью. Порядочная доля земли числилась «войсковой» и «гуртовой» (станичной). Казачество центральных и южных районов Дона, в основной своей массе, было не столько заинтересовано в земельном вопросе (в смысле прирезки земли), — сколько в освобождении от казачьего служилого тягла.

Гораздо острее земельный вопрос стоял перед неказачьим населением Донобласти. На Дону неказачьего населения было до

половины, из них большая часть крестьянства. Из них — давнишнего, прочно осевшего, до $\frac{2}{3}$, остальное — переселенцы нескольких последних лет. Среди первых была сильно представлена довольно зажиточная группа с крупной земельной собственностью и солидным инвентарем, до 60% из них пользовались наемным трудом. Остальные были париями на Дону. Безземельные, они вынуждены были арендовать землю у богатых казаков или батрачить у них. «Иногородние» не несли казачьей службы, но не пользовались и казачьими правами. Между ними и коренным казачеством происходили на этой почве постоянные трения. Возраставшую активность иногородних вынуждены были учитывать и верхи казачества и, во имя сохранения внутреннего порядка на Дону, идти им навстречу.

Уже происходивший в середине апреля 1917 г. съезд Донцов, выступивший против «большевистского влияния» и добивавшийся сохранности за казаками всей «гуртовой» и «войсковой земли», признает и права неказачьего населения на участие в самоуправлении Дона, но лишь в решении вопросов, специально «иногородних». Но крестьянство Дона, конечно, не удовлетворилось этими «уступками». На своем съезде в мае, оно, под руководством эс-эров, высказалось за решение земельного вопроса в общероссийском духе и за полноту своих прав в самоуправлении. Донской казачий круг первого созыва (21-го июня), созванный на основе всеобщего голосования (без женщин и неоседлых менее 2 лет жительство элементов), установил примирительные камеры для разбора споров между казачеством и крестьянством. В сентябре произошли (особенно в Таганрогском Округе) некоторые «беспорядки» — иногородние пытались захватить и поделить земли, отказывались платить аренду. На втором созыве Войскового Круга, в конце сентября, решено войти в сношения с крестьянскими организациями и выработать новое положение о принятии иногородних в казачье сословие.

18-го ноября, на заседании областного Войскового Комитета (вскоре распавшегося, так как солдатская секция уехала в Ростов), Каледин еще заявляет, что хозяин на Дону казак и что привлечение иногородних к власти является преждевременным, а уже в конце ноября он же созывает экстренное совещание Войскового Правительства с представителями крестьян, город-

ского самоуправления и других общественных организаций и здесь заявляет, что необходимо привлечение к управлению Дону казачьего населения, с целью объединения против большевиков; при этом Дон должен быть самостоятелен.

Конечно, крестьянское население Дона не могло удовлетвориться этим заигрыванием со стороны верховодов казачества. И в нем мы имели вполне надежную опору для своей борьбы с Донской контр-революцией.

20-го декабря, на новой сессии Войскового Круга, Каледин требовал себе всей полноты власти. Круг согласился на его требования. 22-го декабря, при избрании Наказного Атамана, Каледин получил почти 90% всех голосов (всего 35 было подано за других кандидатов, в том числе 4 за старшину Голубова, известного своими «левыми» взглядами, 37 воздержались).

Круг послал Совнаркому требование освободить арестованных нами членов Совета союза казачьих войск и «приказал» казакам расположенных в Питере Донских полков поддержать это требование.

Продолжая игру с «иногородними», Круг постановил образовать высшую власть на Дону на «паритетных основаниях» по 7 представителей от казачества и от остального населения, а 15-ым — наказной атаман. Областной казачий комитет и фронтовая казачья секция этим не удовлетворялись и требовали, чтобы законодательная власть принадлежала областному Учредительному Собранию, созданному на основе всеобщего избирательного права.

Войсковое Правительство, под этим давлением, решило созвать на 11 января Войсковой Круг и отдельно съезд представителей неказачьего населения.

Войсковому Кругу пришлось озаботиться и настроением внутри казачьих частей — все пешие батальоны оказывались мало надежны, 35-й, 39-й и 44-й Донполки выносили враждебные Каледину резолюции. Круг постановил — арестовывать «агитаторов» и предавать их военному суду, как «изменников Дону». В некоторых батальонах (напр., в расположенном в Александровске-Грушевском) был произведен поголовный опрос казаков — «согласен ли сражаться за Дон». И находились смельчаки,

отвечавшие и в этой обстановке, — «нет» (в указанном батальоне их набралось 100).

Каледин имел прямую поддержку всех влиятельных капиталистов юга. В Новочеркасске действовало отделение Союза горнопромышленников Юга России, отсюда исходило руководство тем саботажем, который проводился, со стороны заводоладельцев и рудничных компаний в Донбасе, Криворожье, Екатеринославе и Харькове. В Новочеркасске же собирались совещания Монотопа (орган, созданный Временным Правительством для осуществления «монополии» государства на топливо). Капиталисты создали в Новочеркасске свой орган — «Экономический Совет», который держал Правительство Каледина от себя в финансовой зависимости и руководил его политикой.

Сообщениями наших разведчиков была установлена также почти полностью дислокация Калединских частей.

Выяснилось, что главные свои силы Каледин держит по линии Владикавказской жел. дор., особенно прочно занимая станции Миллерово, Глубокую, Каменскую, Лихую.

Царицын отрезан от Лисок двумя казачьими полками, верными Каледину.

Каледин так рассредоточил ненадежные части, что уже по этому одному нам рассчитывать на них не приходилось.

Силы Каледина постоянно пополнялись приходящими с фронта казачьими полками, но внутри этих полков — ненадежно. Молодежь стоит против старых порядков на Дону. Старики держатся за эти порядки.

20-го декабря Таганрог прошли первые эшелоны казачьей гвардейской бригады. Они направлены в район Лихая-Каменская.

В виду малой надежности фронтовых частей, Каледин широко поощряет формирование добровольческих отрядов. У Царицына действует отряд «Степана Разина» (до 200 ч.). На севере — отряд подъесаула Бикадорова, в рудничном районе отряд есаула Чернецова (от 200 — 300 ч.), специальные отряды организует сотник Семилетов.

В Новочеркасск в начале декабря прибыл генерал Алексеев и начал формирование контр-революционной армии «Комитета Общественного спасения». Его агентура работает во всех круп-

ных центрах и на фронте, добывая средства и людей для этой «армии». В Новочеркасск же прибыли Корнилов и Деникин, которые усилили работу Алексеева.

«Алексеевцы» уже оказали ряд услуг Каледину (при разоружении двух запасных полков в Новочеркасске и при взятии Ростова).

Казачьи банды и регулярные части (в их числе 58-й Донполк) под общей командой полк. Балабина, занимают Горлово-Макеевский район, вытеснив из него красногвардейцев. К началу января, в Новочеркасске до 16 тыс. офицеров и юнкеров не организованных и до 2-х тыс. сформированных в полки, кроме того казачьи части. В городе есть группа большевиков во главе с хорунжим Алешиным (кандидат в Учредительное Собрание). Мобилизация, объявленная Калединым, не удалась.

В Ростове до 2-х тыс. вооруженных юнкеров и белогвардейцев — студенты, гимназисты, некоторая артиллерия.

В станицах — Константиновской, Цымлянской — казаки вооружаются против большевиков. В Усть-Белокалитвенском горном районе расположена 8-я казачья дивизия, которая не допускает разгрома солдатской организации. Рудники работают. В Несветаевском районе Совет разогнан, рабочие разбегаются.

Особенно обстоятельные сведения доставил тов. Толоконенко (один из наших разведчиков). Между прочим, он сообщал, что фронтовые казаки настроены по-большевистски и выражаются в том смысле, что если бы им была малая поддержка, то они бы эту банду разбили, — «но мы ничего не можем сделать, против кадетов и юнкеров и молодых казаков, которые не были на фронте. Если будет на Дону наступление, то получится раскол».

Положение в Донбасе тревожное. Многие из шахт остановлены — в виду прибытия казаков, мастеровые бросают работу.

Остановлена работа в районе между станциями Иловайское и Харциск. Здесь стоит «дивизия» молодых казаков с 36 орудиями. Они ведут все время разведку и находятся в боевом напряжении.

Тоже «бюро связи» мне много помогло в установлении сношений с красной гвардией Юзовки и Никитовки, а также с рабочими организациями Ростова, Александровска и Екатеринослава.

В Александровске нашлась связь только с анархистами. Ко мне явилась от их имени известная Маруся Никифорова, впоследствии стяжавшая себе печальную славу своими похождениями с Махно. Выяснилось, что в Александровске совет разогнан, что господствуют там белогвардейцы, Крымский конно-татарский полк и гайдамаки, захватившие 8-й бронедивизион и 18-е бронеполное отделение. Попытка совета 25-го декабря взять власть не удалась, несмотря на поддержку черноморцев (командовал ими тов. Толстов), совет потерпел поражение от гайдамаков, поддержанных казаками (части 53-го и 17-го полков и пулеметная команда 49-го полка), возвращавшимися с фронта.

Из Екатеринослава прибыли для связи несколько товарищей, во главе с начальником красной гвардии тов. Бондаревым и Мокиевской-Зубок (посланной в свое время Подвойским в качестве комиссара продсволствия). Тов. Мокиевская — еще совсем молодая девушка, с большим революционным темпераментом и твердой волей; ее последующая работа на боевом фронте заслуживает быть особенно отмеченной, как и ее геройская смерть во время борьбы с Деникиным в начале 1919-го года.

В Екатеринославе такая же нерешительность и соглашательство, как и в Харькове. На Брянском заводе до 8-ми тысяч вооруженных рабочих. Оружие было доставлено в Екатеринославу из Москвы (тов. Ройземаном) в середине декабря. Гайдамаки тщетно пытались перехватить его на вокзале, брянцы отбили гайдамаков и перевели весь эшелон к себе на завод. В самом городе — один сочувствующий нам полк, украинский гвардейский («сердюки») нейтрален, артдивизион колеблется, стоит еще до 1¹/₂ тыс. гайдамаков. Без нашего воздействия, рабочие не решаются тронуться. С екатеринославцами я разработал подробный план захвата ими власти.

К этому же времени получены были следующие сведения из Николаева (Херсонской губ.). В городе 840 красногвардейцев, вооружены: 500 трехлинейными, 150 берданами; организация создается недавно; товарищи не обучены. Настроение бодрое. Рада авторитет теряет. Совет — большевистский.

Всего рабочих до 40.000; вооружить можно до 5.000. Одно время были гайдамаки, теперь нет. Украинских войск нет. Стоит 45-й республиканский пехотный запасный полк, больше-

вистский, около 3.000 человек; будет драться. Рабочие жалования получают.

Установить связь с Крымом не сразу удалось. От посланных мною из Питера в Севастополь товарищей сведений не приходило. 5-го января я послал в Севастополь тов. Мокроусова, прибывшего из Питера, матроса, человека исключительной энергии, дав ему поручение организовать из черноморцев отряд для действий к Таганрогу.

Сведения из Украины приходили неопределенные. Замечалось сосредоточение враждебных нам войск в Полтаве, где солдатская секция Совета была против нас и куда продвинут был Радою полк Богдана Хмельницкого и бронепоезд из Киева (об этом мы узнали из перехваченных нами телеграмм «начальника штаба обороны Украины»).

Через Полтаву и дальше Лозовую шло густое движение казачьих эшелонов. До середины декабря прошли: 2 Таманский, Полтавский, Запорожский, 1-ый Екатеринодарский, Уманский, 1-ый линейный и Волжский полки, штаб 5-й дивизии, 13 и 12-ая донбатарей, 1 и 8-я Оренбургские батареи, 29-й Донполк (2 сотни) штаб 4-го казачьего корпуса, 19-я Донсотня.

Надо было, во что бы то ни стало, преградить поскорее этот поток.

27 декабря Рудневу вновь предписано занять Лозовую.

Отряд Ховрина, подкрепленный тверчанами (300 ч.) и одной батареей, взятой у Сиверса, двинут в тот же день на Чугуев, для обезоружения юнкерского училища и для дальнейшего движения на Купянск, на соединение с ожидавшимися из Москвы и Воронежа нашими силами. Сиверс после проведения 28-го укр. полка к «демократизации» (под ультиматумом офицеры «обеспогонены» и введено выборное начало), 28 декабря направлен пробивать путь к Никитовке по Северо-Донецкой ж. д.

У меня оставалось в Харькове всего несколько броневиков да батарея, прибывшая из Орла, командир которой плакался на свою инвалидность. Было еще человек 100 прикрытия

Женщина-воин
Мокневская-Зубок

к этой батарее и к броневикам, когда вечером 28-го получена была из Белгорода от Меронвиля телеграмма: «Немедленно вышлите Белгород 3 орудия с прислугой и прикрытиями», а ночью он сам, полумертвый от перепуга, примчался из Белгорода на паровозе. «Польский полк восстал, захватил арсенал, грозит уничтожить Ревком». Сейчас же я издал предписание по линии эшелонам, направлявшимся из Москвы в Харьков, задержаться в распоряжении Меронвиля для разоружения восставшего польского полка. Один из отрядов Москвичей 30 декабря разоружил этот полк, причем убит командир полка, подстрекавший солдат к неповиновению.

Впоследствии, был отдан приказ, распустить полк на 3 месяца в отпуск, оставив до 10 человек от каждой роты по жребию для охраны имущества. Комиссар полка Бобянский ездил в Москву, где у Муралова и других товарищей добивался реабилитации полка, и я получил от т. Подвойского и т. Муралова запрос относительно дальнейшей судьбы полка, с предложением восстановить его и вернуть ему оружие. Это я отказался выполнить, заявив, что полк совершенно ненадежен.

28-го декабря Ховрин после «одиннадцатичасовой перестрелки», как он доносил, а на деле — после четырех орудийных выстрелов и переговоров, — принудил к сдаче Чугуевское юнкерское училище. 900 юнкеров в эшелонах были отправлены в Москву.

Но отряд Ховрина оказался совершенно небоеспособен, — его матросы предались грабежу и, вместо дальнейшего движения на Купянск, куда должны были также направиться части Московских отрядов через Белгород (для проталкивания из Белгорода к Купянску этих частей был мною послан специальный комиссар), тверчане покинули Ховрина под предлогом возмущения реквизициями.

В Харькове, при содействии штабной команды и броневиков, они были, большею частью, разоружены и отосланы с соответствующей аттестацией обратно в Тверь, а часть из них, изъявившая согласие продолжать борьбу, была послана на усиление отряда в Лозовую.

29-го декабря в подкрепление Ховрина была выслана Брянская батарея взамен возвращенного т. Сиверсу орудийного

взвода, но отряд Ховрина, ослабевший из-за отъезда тверчан и напуганный показавшимся со стороны Балаклеи разъездом (5-й украинизированный кавполк), а также слухами о движении гайдамаков из Купянска (на деле гайдамаки, узнав о нашем решении наступать на Купянск, бежали из него), самовольно вернулся в Харьков.

Отряд Ховрина пришлось ликвидировать, так как он совсем разложился.

В виду ненадежности отряда Ховрина, еще загодя мною было предписано Воронежу через Москву направить в Купянск батальон пехоты на соединение с нашими, двигающимися из Белгорода.

Это предписание никогда выполнено не было, и вообще все указания на наличие вполне боеспособных отрядов в районе Листки-Чертково оказались вздором.

30-го декабря прибыли в Харьков сильные отряды Московских красногвардейцев, под общим командованием тов. Егорова. Того же числа в 12 час. дня тов. Егорову мною дано следующее предписание:

«Гайдамаки занимают силами не свыше полка при пулеметах станцию Лозовую. В Полтаве полк Богдана Хмельницкого и блиндированный поезд только что разгромили Совет депутатов и готовы к действиям против нас.

«В Павлограде — неизвестной численности части гайдамаков. В Екатеринославе 3 тыс. красногвардейцев с 10 пулеметами и до 1¹/₂ тысячи гайдамаков. Военские части нейтральны.

«По линии Лозовая-Никитовка, в Славянске — 2 сотни гайдамаков, в Дружковке и Константиновке — хорошо организованные отряды Красной Гвардии. В Никитовке отряд 1.300 красногвардейцев и 3-я кавдивизия наполовину наша, наполовину нейтральная. К югу от Никитовки — в Авдеевке казачьи отряды.

«Вам предписывается вступить в командование всеми силами сводного отряда у Лозовой. В ваше распоряжение переходят: отряд Харьковских красногвардейцев — 500 человек, команда 30-го полка — 300 человек, отряд путиловцев — 60 человек, Московских красногвардейцев — 500 ч., 3-орудийная Брянская батарея и блиндированный поезд тов. Зайцева. Сформировав отряд в составе Московских и путиловских красногвардейцев

и Брянской батарее; вы двинетесь к Лозовой на соединение с отрядом тов. Руднева (красногвардейцы, 30-й полк и блиндированный поезд).

«Заняв станцию Лозовая, наблюдайте направление на Полтаву секретной разведкой и заставами с подрывным материалом; при первом подозрительном движении, взрывать мосты на дороге. По направлению на Синельниково, Александровск, Екатеринослав, войдите в связь с красной гвардией Екатеринослава и прочно займите Синельниково. В направлении на Никитовку, займите Славянск силами до 2-х рот, выдвинув заставу к Лиману и войдя в связь с красногвардейцами в Дружковке и Константиновке. В дальнейшем следовать особым указаниям».

30-го декабря в 9 час. вечера Лозовая была занята без боя, гайдамаки бежали, услышав о приближении новых наших сил. 30-й полк был смещен тверчанами (остатками от вернувшихся самовольно из Чугуевского отряда, посланных 31 декабря).

Вернувшийся из Москвы тов. Муравьев писал Егорову:

«Дорогой тов. Егоров! В Ваше распоряжение посылаю Тверской Революционный отряд при 8-ми пулеметах. Обращаю серьезное внимание на этот отряд. Дело в следующем: первоначально тверцы назначены были для взятия Чугуева, что они совместно с матросами и сделали, но там не поладили с ними что-то, самовольно бросили город и потребовали отправки в Тверь. Несмотря ни на какие уговоры, часть их всетаки уехала обратно, правда, были обезоружены. Присланные вам люди, хотя и согласились поехать, но среди них много скрылось притаившихся, которые могут вести пропаганду, а потому за ними надо иметь надзор. Пусть рабочие зажгут их революционным пламенем—вообще обработают их политически. Немедленно пошлите их и прикажите им занять Славянск, придайте им сто человек своих красногвардейцев, дабы во что бы то ни стало занять Славянск и там закрепиться. Дорогой, пожалуйста, наблюдайте за несением сторожевой службы, и Лозовую ни в коем случае не отдавайте никому. О занятии Вами Лозовой телеграфировал в Москву и там будет опубликовано о работе красногвардейцев. Скоро поведем решительное наступление. Организуйте хорошенько свой штаб. Уверен, что будете действовать решительно».

Егоров повел дальнейшее наступление по магистрали южных дорог, и 31-го бронепоезд Зайцева врывается в Павлоград, занятый гайдамаками. Растерявшиеся гайдамаки не оказывают сопротивления бронепоезду и сдаются. Несколько пленных было доставлено ко мне в Штаб, они выражали свое раскаяние и обещали нам содействовать.

Но развить наступление Егоров не решался. Его смущало положение в Подтаве и он тянулся в Донбас. Эти его тяготения были решительно прекращены мной указанием наступать к югу, для связи с Екатеринославом и Крымом.

Тем временем, Сиверс продвигался к Никитовке с большой медлительностью, в день по 10 раз взывал о поддержке, хотя почти не встречая активного сопротивления. Украинизированный 5-й полк, расположенный, главным образом, в Изюме и Балаклее, не способен был к активной борьбе. Лишь отдельные его разъезды разбирали пути перед эшелонами Сиверса. Представители от полка вели затяжные переговоры, Сиверс эти переговоры, с своей стороны, тянул, не чувствуя за собой надлежащих сил. В переговорах представителям полка указывалось, что борьба идет только с Калединым и его приспешниками, а не с теми, кто Каледину не помогает. В отряде Сиверса было неблагополучно. Главным врагом оказалось «зелье». В Змиевке люди 2-х его эшелонов разбили винные склады и, несмотря на обстрел, подвергли их разгрому и перепились. Их пришлось обезоружить, и я получил обратно в Харьков 2 эшелона мертвецки пьяных людей. Из них до 300 человек были отправлены с позором в Москву.

31-го декабря 5-й кавполк наконец согласился сдать оружие и пропустить Сиверса (впоследствии ликвидация этого полка поручена Военному отделу Харьковского Совета).

3-го января Сиверс хотел вернуться в Харьков из-за отсутствия подкреплений, но получил от меня категорический приказ продвигаться вперед, с угрозой предания суду «за измену делу революции».

4-го января состоялось, наконец, наше соединение с рудничными красногвардейцами. С Сиверсом доставлены в Донбас несколько тысяч винтовок и несколько пулеметов. Мной послано ему в Никитовку следующее предписание:

«Тов. Сиверсу. — Начальнику первого северного отряда. — Вы являетесь командующим всеми отрядами у Никитовки. К Родаково направлен Московский революционный отряд (Саблина). Воронежская армия (Петров) получила предписание прервать перемирие, прочно занять Чертково и нажимать на Миллерово. Отряд Егорова в Лозовой занял Синельниково и действует к Александровску и Екатеринославу.

Т. Сиверс

«Вам следует, организовав красную гвардию, держать связь с Юзово и, закрепивши за собой район Никитовки - Горловки и Дебальцево, продвигаться в связи с отрядом Саблина, который пойдет к Лихой по направлению к Звереву, послав разведку и заслон к Иловайской.

«Мы посылаем отряд красной гвардии в Никитовку для укрепления этого района. Движение ваше произведите лишь после тщательной разведки».

Тов. Кротов, матрос, посланный мною из Харькова в Никитовку для организации красной гвардии, сообщает уже 5-го января, что формирует полк в 1200 человек.

Еще раньше, 2-го января в 10 час. в Купянск вступил Московский отряд Саблина 3-мя эшелонами — 55-й полк, 193-я, команда добровольцев 85-го полка, 8 пулеметов, одна батарея, 192-й полк и 251-й полк — всего до 1.900 штыков.

По дороге Саблин ликвидировал восстание польского полка и оставил в Белгороде некоторую часть своего отряда. В Купянске им разоружены объявившие «нейтралитет» запасные части и гайдамаки. Отобрано 3000 винтовок.

Из Купянска Саблин снесся с командующим на Воронежском направлении тов. Петровым и имел свидание с ним. Выяснилась

Из Купянска Саблин снесся с командующим на Воронежском направлении тов. Петровым и имел свидание с ним. Выяснилась

небоееспособность отряда Петрова, жаловавшегося на отсутствие обмундирования и под этим предлогом заявившего о невыполнении данного им же раньше обещания выделить Саблину батарею и 3000 штыков.

В Купянске Саблина также постиг кризис. Солдаты начали пьяный кутеж, разбежались; ему удалось с трудом удержать половину отряда, остальных пришлось разоружить.

Следственной Комиссией отрядов Саблина было арестовано 20 человек. С трудом был успокоен 192-й полк, требовавший освободить полкового командира, арестованного за пьянство.

Правление Екатеринославской жел. дор. (из Екатеринослава) приказало не давать эшелонов Саблину, но Саблин заставил местных железнодорожников предоставить ему эшелоны.

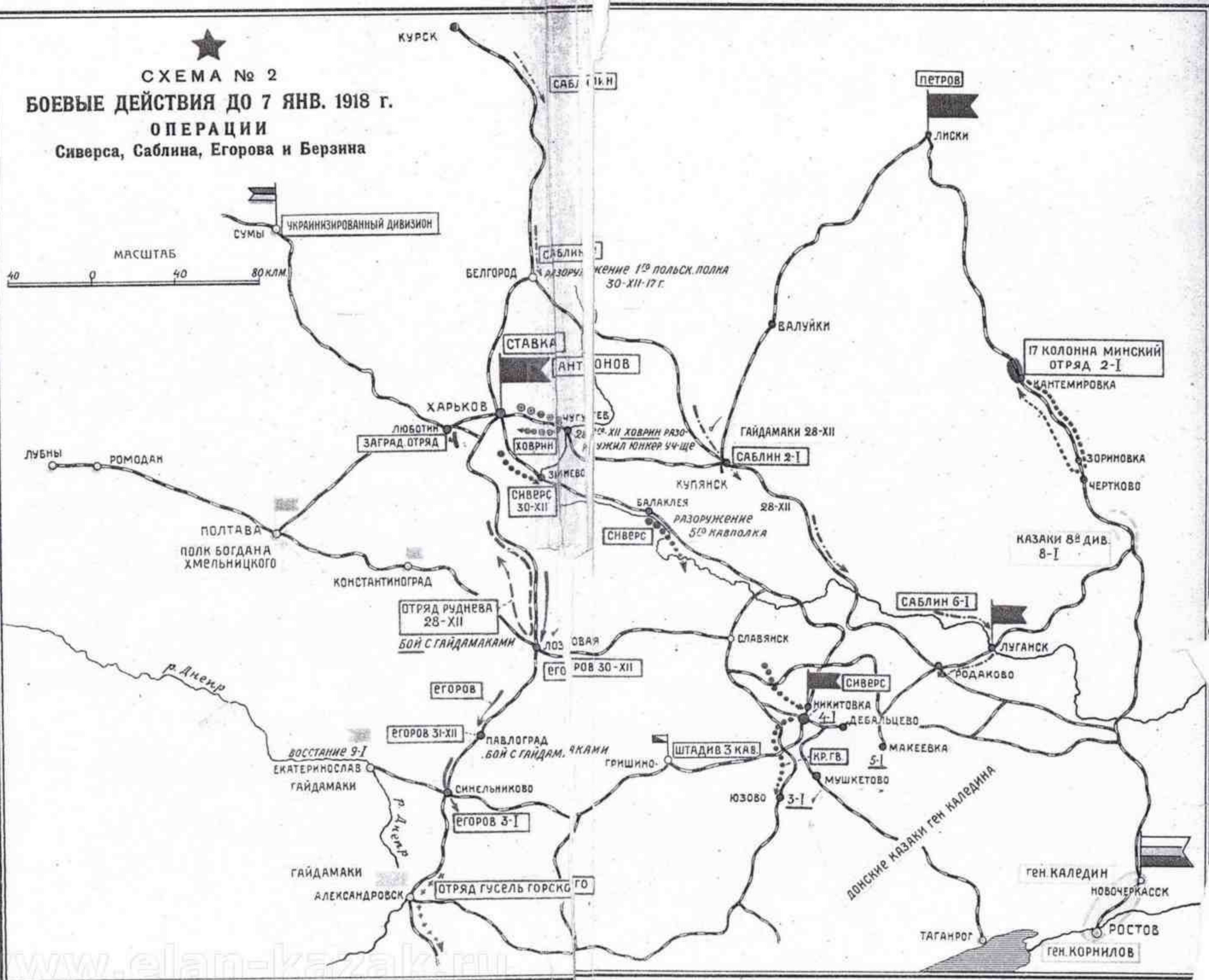
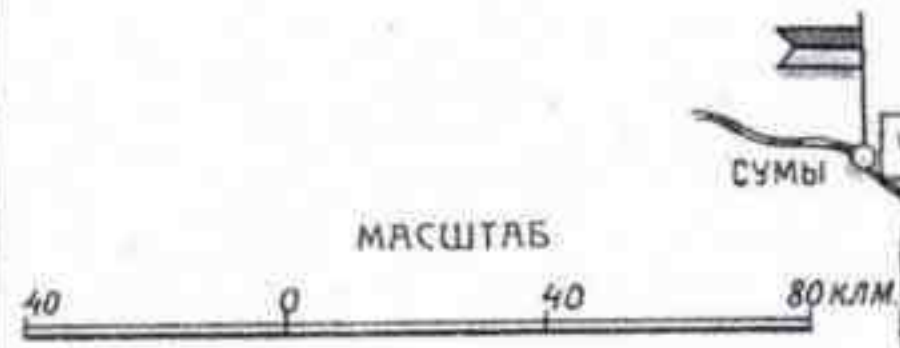
Оставив в Купянском гарнизоне отряд в 200 человек 53-го полка, он выступил по указанному мною направлению — Попасное-Родаково, Дебальцево-Луганск и вскоре его передовые части вступили в Луганск и Дебальцево. Но всего привел он с собою не более 500 человек...

Первый период — установления связи с Донбасом и приступа к систематической организации вооруженных сил бассейна закончился.

В своем воззвании к рабочим Донбаса¹⁾, я извещал об этом прибытии революционных войск в помощь шахтерам и для борьбы с контр-революционными заговорщиками и призывал к вступлению в наши ряды.

¹⁾ Говорю о нем по памяти.

★
СХЕМА № 2
БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ ДО 7 ЯНВ. 1918 г.
ОПЕРАЦИИ
Сиверса, Саблина, Егорова и Берзина

ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА К СХЕМЕ № 2

(главы II, III, IV и V).

Обстановка на январь 1918 года.

1) Штаб Антонова—Харьков.

2) В Белгороде польский полк, поднявший восстание, разоружен 30/xii Московским отрядом Саблина, который, следуя по указанному штабом Антонова направлению Звереве-Иловайская, в Купянске разоружил гайдамаков и запасные части, после чего вернулся в Донбасс (Луганск-Родаково) 6 января (76 стр.).

3) Отряд Гусель-Горского (см. об. зап. № 1), отзываемый в Севастополь на пути туда из Харькова, имел бой 23/xii с гайдамаками, которыми был занят Александровск.

4) Сиверс, сидевший в эшелонах в Харькове, выделенным отрядом своих войск разоружил в Люботине 2 эшелона украинцев, а затем направлен со всеми силами в Донбасс для действий в связи с Саблиным (75 — 77). Продвигаясь с большими трудностями, имея перед собой украинцев, разбиравших путь, Сиверс в Балаклее разоружил 5-й украинский полк (в Змиеве его отряд разгромил винные склады и предался пьянству) и 4 января достиг района Никитовка-Дебальцево, имея перед собою казачьи части Каледина, а на фланге — держащую нейтралитет 3-ю кав. дивизию.

5) 30 декабря прибывшие в Харьков московские красногвардейцы, под командой Егорова, двинуты на Лозовую, занятую гайдамаками, против которых действует отряд Руднева (30-й полк, красногвардейцы и бронепоезд). В тот же день Лозовая занята Егоровым без боя (гайдамаки бежали). Руднев возвращен в Харьков, а Егоров повел дальнейшее наступление на Юг: 31/xii занял Павлоград (стр. 75); 3/1 — Синельниково и после этого получил приказание действовать в направлении на Екатеринослав, занятый гайдамаками.

6) Отряд Ховрина, полуразложившийся в Харькове, усилен 300 человек рабочего пополнения и 28 декабря двинут на разоружение Чугуевского военного училища, после чего разложился окончательно.

7) 17-я колонна Минского отряда после попыток овладеть Чертково, отступила и эшелонами Кантемировка (стр. 97).

ГЛАВА V

Оформление моего штаба. Переговорная канитель у Чертково. Пересмотр оперативного плана. Наступление Сиверса. Первые неудачи. Восстание в Екатеринославе. Подкрепления подходят. Организационная работа. Сведения из Царицына. Перелом в казачестве — новое наше наступление. Тревоги Александровска. Татарская контр-революция. Дислокация к середине января.

В виду слабого подхода подкреплений, я стремился приостановить развертывание действий, одновременно обращая внимание на организацию своего штаба и тыла.

Этот штаб оформлен приказом от 6 января. Все мы состояли на одинаковом снабжении — жалованья получали по 150 руб. в месяц.

Кудинский (Брянск) был назначен «комиссаром при Ставке» Главнокомандующего по борьбе с контр-революцией и для наблюдения за формированием отрядов. Клейман — начальником снабжения Северных отрядов, а Степанов — начальником тыловых Харьковских баз. Заведывающим службой связи — закреплен тов. Шишаев, Начальником разведки — Первухин, Комендантом штаба назначен Брянский (прибывший с Румынского фронта с известием об убийстве Рошаля черносотенным офицерством). Начальником охраны штаба — Беленкович, Начальником штабной канцелярии — Насилов, автомобильной команды — Суханов.

Тов. Суханов был связан с 3-мя тыловыми усиленными авторемонтными мастерскими. Сюда переброшено несколько машин, захваченных по моему приказанию у Английской военной миссии в Курске. Они успешно ремонтировались в Харькове.

Начальнику штаба — Муравьеву — было назначено 2 помощника, тов. Медведев и тов. Петровский, артиллерийским отделом заведывал Лукин, продовольственным — Степанов, вещевым довольствием — Бабкин и Новиков.

Помимо Клеймана, для связи с ним и Кудинским и более глубоким тылом, комиссаром по устройству продовольственных баз был утвержден тов. Толкачев.

К возвращению Муравьева, я приурочил пересмотр общего оперативного плана. К этому побуждала, помимо прочих соображений, и обстановка, сложившаяся на Воронежском направлении.

Выяснились следующие подробности о действиях отряда штабс-капитана Зайцева («17-я колонна»).

Прибыв 20 декабря к ст. Зориновка в 5 эшелонах, отряд Зайцева остановился. Путь на перегоне к Чертково оказался разобран. На ст. Чертково — расположен 35-й казачий полк, получивший приказ от Каледина воспротивиться силой оружия дальнейшему продвижению отряда. Отрядный комитет вступил в переговоры с казаками. Казаки охотно пошли на это.

О прибытии «большевистского отряда» Каледин сообщил на «Казачьем Круге», прибавив, что и «Большевики собираются наступать по единственному остающемуся у них направлению — Воронежскому».

Казачий Круг решил послать делегацию в отряд. Эта делегация выехала 22 декабря из Новочеркасска в составе Корнева, Макарова, урядника Долгова и двоих «крестьян».

В свой черед и «Минский отряд» послал делегацию на Казачий Круг — эти два делегата от отряда были выслушаны Кругом 23 декабря. Их всячески улаживали Донской сладкопевец Агеев (его называли «казачьим Керенским») и бывший председатель Всероссийского Крестьянского союза (кроме этого титула ничего не имевший за душой) Мазуренко. Предъявленные Минским отрядом требования были таковы:

- 1) Войсковое правительство обязуется соблюдать все гражданские свободы и прекратить притеснения всех общественных демократических организаций.
- 2) Освободить всех арестованных за политические убеждения и прекратить аресты последних.
- 3) Войсковое правительство должно распустить все карательные экспедиции, дружины и добровольцев и участников этих карательных экспедиций неказачьего населения не Донской области выслать из ее пределов.

4) Немедленный созыв краевого учредительного собрания на пропорциональных началах из населения всей Донской области.

5) Посылка на рудники Донской области делегации для призыва рабочих к дружной работе.

Делегаты отряда держались, повидимому, не очень твердо. Вначале они было заявили Кругу требование выдачи Корнилова и Каледина, но потом сбавили тон. Круг добился от них согласия на посылку в Питер к Совнаркому делегации для выяснения, почему идет война с Доном, и решил присоединить к этой делегации от себя нескольких представителей.

Между тем, на ст. Зориновка произошло заседание представителей Минского отряда с представителями от казачьих частей. Отряд предъявил такие требования:

«Дабы не проливать братской крови, военно-революционный комитет Минского революционного отряда предлагает казачьей делегации следующие условия:

1) Установить границу между отрядами, каковой будет граница области войска Донского; станция «Чертково» и прилегающие к ней селения являются нейтральной полосой и не должны быть заняты ни одной стороной.

2) Для общего прекращения народной бойни, военно-революционный комитет просит войско Донское выслать делегацию в Совет Народных Комиссаров.

3) Оставить заложников с обеих сторон по два человека заложники остаются до тех пор, пока их не потребует обратно одна из сторон, и с отзывом заложников прекращается перемирие:

4) Свободный пропуск безоружным людям как туда, так и обратно должен быть беспрепятственным.

5) Восстановить полное движение поездов по жел. дор. Председатель ВРК Зайцев, Секретарь Моруз.

Соглашение было достигнуто. Об этом говорит следующий «протокол»:

«Совещание происходило под председательством хорунжего Семенова и при секретаре хорунжем Чернецове: 1) из обмена мнений вышеуказанных делегатов с военно-революционным комитетом 17-го стрелкового полка выяснилось, что большевистский отряд, остановившийся на ст. «Зориновка», является аван-

гардом карательного отряда, командированного на Дон по распоряжению Совета Народных Комиссаров с целью добиться перевыборов войскового атамана и войскового правительства; 2) обсудив, по предложению военно-революционного комитета 17-го стрелкового полка, вопрос о заключении перемирия, постановили: признать перемирие желательным, но окончательное решение по этому вопросу принять на общем отрядном собрании войск, расположенных на ст. «Шептуховка», оставить в виде заложников двух членов делегации, с отзывом которых перемирие прекращается; 3) просить начальника дистанции ст. «Чертково» о скорейшем исправлении испорченного взрывом железнодорожного пути для восстановления движения, так как длительная приостановка движения может иметь губительные последствия для государства; 4) до окончания переговоров стороны остаются на местах настоящих стоянок; 5) предложение военно-революционного комитета 17-го стрелкового полка на занятие ст. «Чертково» доложить общему полковому собранию; 6) признать желательным командирование делегации на Войсковой Круг третьего созыва для подробного доклада о событиях, происшедших 8 и 9 (21 и 22) декабря на перегоне ст. Зориновка-Чертково, причем состав и окончательное решение от делегаций принадлежит полковому собранию; 7) безоружным людям гарантируем пропуск на юг и север по линии железной дороги; 8) заложниками остаются» (следуют имена).

Это предварительное перемирие было закреплено делегацией Войскового Круга, которая дополнительно добилась следующих условий:

1) Устанавливается нейтральная зона в районе между станциями «Зориновка» и «Шептуховка», в пределах которой всякое передвижение вооруженных частей запрещается.

2) В Петроград в Совет Народных Комиссаров посылается делегация для выяснения, почему была послана на Дон карательная экспедиция. В состав этой делегации входит равное число представителей от обеих сторон.

3) Обе стороны обязуются широко оповестить всех о заключенном перемирии.

4) Обе стороны обязуются также не пропускать через нейтральную зону вооруженных частей.

5) Железнодорожное движение продолжается беспрепятственно.

6) Условия перемирия, заключенного 35-м и 44-м полком, отменяются.

Казачи со своей стороны предъявили Минскому отряду, действующему у Чертково, следующие требования:

«От местного военно-революционного отряда требуем:

1) Отступить от Чертково на станцию Кантемировку или севернее. При настоящих условиях восстанавливается мир до возвращения делегатов из Петрограда.

2) Минский военно-революционный отряд обязан предъявить требование в Совете Народных Комиссаров об освобождении арестованных членов совета союза казачьих войск и арестованных за политические убеждения.

3) Обязан предъявить в Совете Народных Комиссаров требование о разоружении красной гвардии и о прекращении посылки на Дон карательных отрядов.

4) Обязан со дня принятия настоящих условий не предъявлять никаких требований, касающихся внутреннего устройства Донской области.

5) Обязан предъявить требование к совету народных комиссаров о скорейшем открытии дверей Всероссийского Учредительного Собрания.

И комитет Минского отряда не отверг категорически этих требований. Более того, он решил отвести отряд к ст. Кантемировке.

Тщетно Берзин из Брянска требовал от отряда решительных действий. Безрезультатны были и внушения воронежцев, пока я не потребовал ареста шт.-кап. Зайцева и подчинения отрядов Петрову. Лишь когда в отряд влились подкрепления из Воронежского гарнизона и подъехали некоторые агитационные силы из Москвы и Питера, он вернулся к более или менее активным действиям. 2-го января ст. Чертково была, наконец, занята двумя эшелонами пятого пулеметного полка (в составе до 700 чел.); осколки Минского отряда постепенно подтянулись также к Чертково.

Но уже в ночь на 4 января в Миллерово состоялось соглашение представителей от нашего отряда с представителями 8-ой

казачьей дивизии, расположенной в районе Миллерово-Глубокая,— постановлено немедленно вновь очистить ст. Чертково.

Однако, воздействие наших отрядников на казаков сказалось, в свой черед. 35-й и 34-й полки выразили недоверие Каледину, 35-й полк постановил установить выборность командного состава.

В виду непорядков в его дивизии, начдив 8-й Донской генерал Попов был Калединым смещен, взамен него назначен генерал Назаров.

Нецелесообразность задуманного в Москве плана — главный удар от Воронежа по магистрали — стала для меня вполне ясна. Главный удар мог исходить только со стороны Донбаса, так как лишь отсюда можно было его надлежащим образом подготовить. Южная ж.-д. магистраль должна быть надежно занята нами, чтоб прервать сообщения Украины с Доном. Основной удар должен быть нанесен — в направлениях к Ростову и ст. Лихой.

В связи с общим положением, мною был отдан к 8 января такой приказ:

«Егорову, удерживать линию южной жел. дор. и, закрепив все узлы, не допускать проникновения казачьих эшелонов с фронта на Донбас и контролировать все перевозки между Украиной и Донбасом, помочь Екатеринославу и Александровску справиться с гайдамаками, проложить дороги в Крым и, пополнившись добровольцами из рабочих районов, действовать, совместно с черноморцами и красногвардейцами Юзова, в направлении на Таганрог, Ростов.

«Сиверсу — прикрыться заслоном и разведкой со стороны Иловайской. Сохраняя связь с Юзовкой, закрепить район Никитовки, Горловки, Дебальцево и накапливать силы для совместного удара с Саблиным в направлении на Звереве, Лихая, Миллерово, на соединение с Петровым, который должен наступать на Миллерово».

Сиверсу я приказал, таким образом, подготовить выполнение флангового маневра, одновременно прикрыв Саблина, действовавшего от Луганска, Родаково на Лихую.

Егорову пришлось дважды напоминать его задачу:

«Тов. Егорову — начальнику Лозовского отряда. Раз навсегда — без моего распоряжения штаба не перемещайте и не меняйте

назначения отряда. К Славянску двинут из Харькова отряд Сиверса, который разоружил Украинский полк в Балаклее и должен быть сегодня днем в Славянске или Бахмуте, а затем в Никитовке, где он сольется с красной гвардией. Сиверс назначается командующим всеми силами Никитовки. Вам надлежит лишь держать с ним связь. Отряд Саблина сегодня занял Купянск и движется к Родаково, где через Дебальцево войдет в связь с Сиверсом. Вы останетесь со штабом в Лозовой, пока не придет для Вас смена. Вам надлежит зорко наблюдать за Полтавой, где 2 блиндированных поезда, артиллерия и 4000 враждебных нам войск, сдерживаемых 4500 нам сочувствующих. Вам следует из Синельниково подать руку Екатеринославу и произвести разведку в Александровск. В Екатеринославе 5.000 красной гвардии и нам сочувствующий Сердюковский полк. Против нас до 1.500 гайдамаков, артиллерия нейтральна. Надо поднять Екатеринослав и захватить там власть; восстановить власть Советов в Александровске и сформировать, в связи с формирующимися в Севастополе моряками — отряд против Каледина для действия на Мариуполь, Бердянск-Таганрог-Ростов. Пока эта задача не будет выполнена, необходимо прочно держать Лозовую. Явится преступлением, если Вы ее оставите без достаточной охраны. Я пошлю вам скоро смену».

В тот же день — 5-го января — Егорову дано подтверждение этой директивы особым приказом:

«Начальнику Лозовского отряда: В Никитовке сосредоточиваются наши войска. У Юзовки стычки красногвардейцев с казаками. В Александровске разрозненные части гайдамаков, казаков и татар; власть Советов уничтожена. В Екатеринославе рабочие ждут только толчка для восстания против гайдамацкого засиления. В Полтаве блиндированный поезд один и не выходит за пределы города. Гайдамаки уравниваются преданными совету войсками. Вам предписывается, наблюдая за Полтавой и удерживая Лозовую и Синельниково, войти в живую связь с Екатеринославом и поднять в нем восстание, содействуя также восстановлению власти в Александровске, затем, из сил Екатеринослава, Александровска и черноморцев (свяжитесь с ними) создать отряд для действий на Бердянск-Мариуполь, Таганрог-Ростов. Держите у Лозовой связь с Никитовкой».

Но Егоров не проявил достаточной активности и с 3-го января, когда он занял Синельниково (здесь и в Павлограде им взято до 10 орудий), он потерял целую неделю на всяческие колебания, вызванные расхлябанностью среди его частей из-за праздников.

Петров, командующий на Воронежском направлении, оказался еще менее активен. Это — левый эс-эр, бывший подполковник, молодой, поэтически настроенный и весьма воинственный человек и большой фантазер, постоянно одетый в черкеску. Его стратегические планы были грандиозны. Личная храбрость поразительна, но организовать самое пустяковое дело он не умел.

Вместо продвижения на соединение с Саблиным, как ему указывалось, по направлению к Миллерово, он продолжал переговоры с казаками на станции Чертково. Товарищ Сталин по прямому проводу от 15 января пишет мне: «Вчера были делегаты от Минского отряда. Они затеяли перемирие с казаками. У меня получилось впечатление, что их могут спутать. Отсюда просьба: — не выпускайте этого отряда из-под вашего руководства».

Но я не мог вплотную заняться отрядом Петрова, — необходимо было вначале укрепиться в Донбасе. Даже установить прямую связь между Воронежем и Харьковом через Валуйки, Купьянск нам удалось лишь с большим запозданием и исключительно по вине Воронежа, который оказался не в состоянии выполнить каких бы то ни было моих приказаний.

Между тем, появление Сиверса в Донбасе оживило надежды рудничных партизан. 3 января они завязывают серьезный бой с казаками в районе между Макеевкой и Юзовкой и Мушкетово, близ Прохоровского и Алексеевского рудников (в 8 вер. от Юзовки); наступление красногвардейцев из Юзовки заставило казаков несколько податься и заключить с красногвардейцами перемирие.

Сиверс, по собственной инициативе, начал немедленно наступать в поддержку Юзова, не закрепившись, как следует, в Донбасе и не установив прочной связи с Саблиным.

Саблин, задержавшись на пути из Белгорода в Донбас, в виду разложения своих отрядов, прибыл в Родаково-Луганск в столь расслабленном виде, что не смог прочно занять важную узловую станцию — Дебальцево, приходившуюся стыком между его и Сиверса отрядами. В Луганске Саблин имел перед собой, по доне-

сениям своей разведки, до 4-х казачьих полков с 4-мя батареями и не решался что-нибудь предпринять, а Петров у Чертково, хныча на отсутствие у него людей и обуви, мечтал добиться желанных результатов одними переговорами без особой драки. На требование от моего имени арестовать Зайцева, если он против наступления, он ничего не ответил, как и на повторение ему этого приказа. Точно так же он ничего не сделал для исполнения приказа об усилении Саблина батальоном с пулеметами.

Т. Петров

В то время, как Егоров мямлил у Синельникова и екатеринославцы приготавливались к восстанию, Сиверс ввязался в бой с казаками и наступал от Никитовки к югу. Мною были посланы к нему прибывшие 3 января из Финляндии 422-й и 423-й полки (до 1200 штыков), затем следом еще 4-орудийная Орловская батарея, с прикрытием Брянского отряда (2-й сводный пролетарский отряд, около 200 штыков). Я предполагал направить к нему также подходившие с Запфронта 19-й и 27-й пехотные полки, но их пришлось разоружить в Орле и Курске, так как, сфагитированные офицерами, они объявили «нейтралитет» и потребовали отпуска по домам. Офицеры были арестованы и направлены в Москву. Солдаты распущены. Оружие перешло к местным Ревкомам.

Северо-Донецкая жел. дорога жестко дала нам себя знать. У станции Соль на эшелон нашей артиллерии (Орловская батарея) был пущен без машиниста паровоз. Произошел взрыв, — много раненых, батарея окончательно расползлась. Брянцы пали духом и отозваны «для пополнения». Сиверс получил от меня

строгий выговор с предупреждением о предании суду за небрежность в организации тыла. Было предписано ему везде на станциях иметь своих комиссаров и т. д. Не дожидаясь проявления им в этом отношении инициативы, я, впрочем, сам из Харькова назначил таких комиссаров на главнейшие станции. К 7-му января Сиверс занял Ясиноватую и Макеевку. В Горловке мы разоружили 2 казачьих эшелона. Успешный бой он имел у Криничной.

7-го января я писал Ленину: «Саблиным заняты Луганск, Родаково, Дебальцево. Сиверс ведет бой у Криничной и Мушкетово. С фронта ждем латышей, из Финляндии матросов. Подтолкните их. Вооружение рабочих идет успешно».

За латышами и матросами я послал в Питер Пурвина, латышского товарища. Ему я вручил следующее послание к Исколату:

19/xii-17 г. Венден. Тов. Нахимсону.— На помощь рабочим Донецкого бассейна на борьбу с каледицами, разоряющими край труда, придите, братья латышские пролетарии. Два полка латышей через неделю здесь решали бы дело. Тыл дает и может дать только красную гвардию, гарнизоны уже полураспущены или слабы духом. Помогите нам, братья латыши. Голосом тысяч семей, обездоливаемых разбойничьими бандами, голосом борьбы поднятой Донецкими пролетариями призываю вас на помощь. Да здравствует пролетарская солидарность. Да сгинут враги революции. Народный комиссар Антонов. гор. Харьков».

В виду невозможности вырвать Сиверса из боя, ему дано было предписание, поддерживая связь с Саблиным, наступать к Иловайской, дабы закрепиться здесь. Развивая наступление, Сиверс, встретив незначительный отпор, занял Иловайскую, когда 422-й Луцкий полк отказался повиноваться и увлек за собою и 423-й. Сиверс был вынужден отправить эти полки в Харьков, где они были нами обезоружены, офицеры арестованы, но затем освобождены и отправлены с соответствующей аттестацией в тыл. Сиверс писал мне в своем донесении:

«Довошу, что после неудавшегося общего наступления моих отрядов, благодаря предательству 4-х пехотных эшелонов, красногвардейцы, в количестве 500 штыков при небольшом числе пулеметов, заняли сторожевой фронт (полукругом) около восточной окраины Макеевки, верстах в 2—4-х восточнее и южнее деревни. Рудник Буроз, в двух верстах от Криничной, покинутый вчера

солдатами 106-й дивизии, сегодня (11-го января) занят солдатами первого гвардейского Донецкого полка, станция Ларино занята сильным отрядом красногвардейцев. Мушкетово свободно от юнкеров. Туда назначен особый отряд. В решительное наступление сейчас перейти не могу, так как не имею ни одного регулярного пехотного солдата. Все уезжают из-за самых жалких побуждений, предавая интересы свободы. То же сейчас происходит на ст. Яма, где стоят два посланные вами эшелона и не желают упорно двигаться дальше. Положение создается критическое и, при дальнейшем подобном поведении, мы останемся у разбитого корыта. Нужно или выбирать соответствующих людей или вводить для войск репрессии и военно-полевые суды с применением смертной казни, иначе позор будет расширяться и расти. Прошу идущие к вам в тыл эшелоны не только разоруживать, но и раздевать с них сапоги, шинели и обмундирование, одевая изменников в рваный хлам и одевая красногвардейцев, которые в общем ведут себя геройски, но которые имеют, увы, ничтожную организацию для ведения полевой войны».

Около этого времени, Муравьев по прямому проводу говорил Муралову о нашем положении: — «Оно прекрасно. Наши войска с боем продвигаются на юг. Егоров делает чудеса храбрости и в настоящий момент завязал бои под Юзово ¹⁾. Саблин действует также молодцом. Одним словом, Московский гарнизон и Красная Гвардия нас очень утешают. Если бы весь ваш гарнизон был такие же молодцы... Спешите скорее с присылкой подкреплений. Но лучше пусть организуют отряды во всех отношениях боеспособные. Особенно, в командном. Жду вашу артиллерию. В каком положении находится формирование легкой и тяжелой батареи? До сих пор 2-ой отряд красной гвардии к нам не пришел. Также и авиаторы. Приказали ли формировать поезд снабжения и посланы ли снаряды и вещи? Наша ставка скоро будет в другом месте».

Так рисовалось положение нам в Штабе, когда последовала неудача Сиверса. Наступление Сиверса выдохлось, благодаря дезорганизованности Финляндских полков. А в эту пору удар последовал ему во фланг.

¹⁾ Примечание автора. Это оказалось неверным.

В ночь на 10-е января наш отряд в Дебальцево был застигнут врасплох партизанским отрядом Чернецова (до 600 штыков и сабель, 2 орудия). Удалось Чернецову совершить эту проделку, благодаря предательству железнодорожников, которые скрыли от нас приближение Чернецовских эшелонов и пропустили их под видом обычных следующих по расписанию «пассажирских 3 и 3 бис» (Мы не решились своевременно закрыть движение по линии, так как эта железная дорога обслуживала рабочий шахтерный район).

Партизаны Чернецова, высадившись у закрытого семафора, бросились к станции. Только несколько человек из наших отрядов, во главе с тов. Коняевым, за-

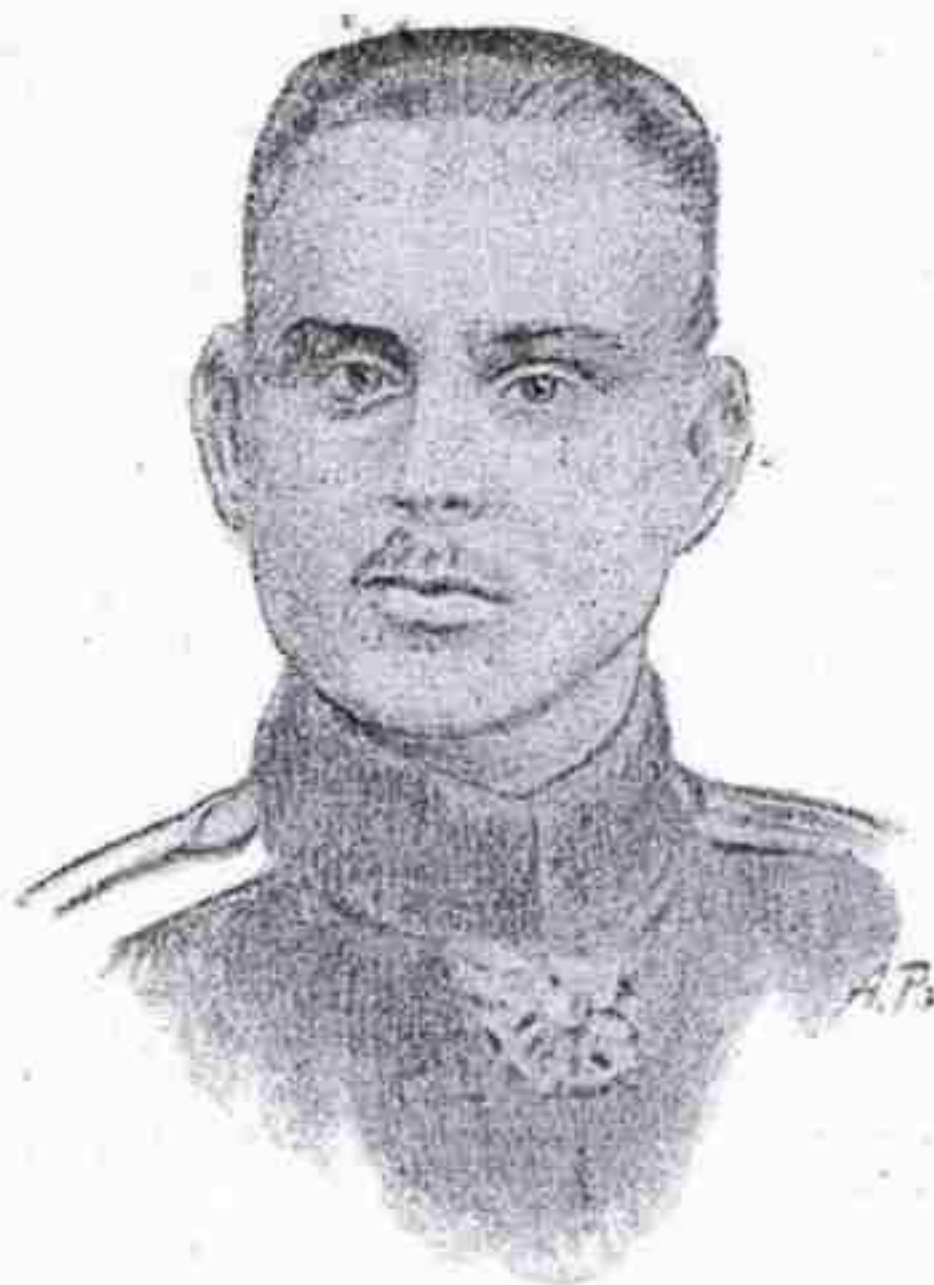
баррикадировались на вокзале и отстреливались. Каледицы подвергли вокзал артиллерийскому обстрелу, и наши сдались. 13 из них были расстреляны. Они встретили смерть, на глазах населения, спокойно без всякой дрожи.

Если бы Чернецов вздумал развить свой успех и действовал он в связи с отрядом генерала Балабина у Иловайской или с казачьими полками у Луганска, он мог бы свести на нет весь наш успех в Донбасе. Но Чернецов, очевидно, не имел этой связи и этих намерений, а может быть, не имел и возможности осуществить такой план

(впоследствии выяснилось, что казачьи полки под Луганском были совершенно небоеспособны).

Уже 10 января, как он приехал, так и уехал к станции Лихой в своих эшелонах, захватив у нас 5 пулеметов, вагон винтовок и значительное количество револьверов.

Налет Чернецова представился нам в Харькове частью серьезно задуманной операции, и Петрову было приказано, для поддержки Саблина, наступать к Миллерово, Саблину — отвести главные силы к Родаково-Попасной, куда, в подкрепление ему, кроме отряда ярославцев, посланного им еще 7 января,

«Усмиритель Донбаса» —
есаул Чернецов

отправлен отряд москвичей, а также одна батарея 4-го артиллерийского дивизиона из Купянска с прикрытием (командующий отрядом Горбунова заявил, что отряд выступать не хочет, я подтвердил приказание Саблина об этом выступлении и потребовал списки отказывающихся).

Саблину предписано, по получении подкреплений, попытаться вернуть Дебальцево, и к вечеру 11-го января Дебальцево было вновь занято нами.

Костромской отряд (200 штыков, 3 пулемета), вызванный Саблиным из Купянска, прибыл к станции Дебальцево вечером 10 января и каледицев уже не застал. Саблин получил сведения о наступлении со стороны Звереве казачьих эшелонов, которые к 11 января заняли ст. Колпаково; казаками также окружено Енакиево.

В связи с этим, Сиверсу было приказано отойти из Макеевского района.

12-го января он сообщал:

«Из Ясиноватой. Получил вашу депешу об очищении Макеевского горного округа, отдал соответственный приказ по войскам. Сегодня казаки после сильного артиллерийского обстрела выбили красную гвардию из Новоханженково, рудник горит, казаки проникли до Монахово. Мои войска после ураганного артиллерийского огня ведут контр - наступление на ст. Ханженково и Поворино. Из Волновахи проникли шесть казачьих эшелонов с артиллерией, что они предпримут, не выяснилось. Ваш телеграфный приказ начинаю выполнять, соответственно с сложившейся обстановкой».

На следующий день он доносит:

«12-го на рассвете каледицы-юнкера, гайдамаки, офицеры и казаки, сосредоточив крупные силы в районе Зуевки, перешли в наступление на Ханженково, обороняемое красной гвардией. Не имея артиллерии и запаса патронов, красногвардейцы были разбиты. Отсюда противник двинулся на Криничную, наступая густыми цепями, под ураганным огнем нашей артиллерии и многочисленных пулеметов. Юнкера понесли большие потери, были отброшены назад и наша пехота перешла в контратаку. Согласно вашего последнего приказа, я отдал распоряжение об отходе на фронт Дебальцево - Горловка, отход произ-

водится, оставленные пункты занимаются противником. Им занята сейчас Криничная. В виду значительных сил противника, убедительно прошу о скорейшей присылке подкреплений всех родов оружия, штаб отряда перевожу в Никитовку».

Неудачи, постигшие нас в этой первой операции в Донбасе, ясно говорили о необходимости упрочиться, прежде чем приступать к дальнейшим действиям.

Сиверсу и Саблину было категорически предписано не трогаться с места, не закрепившись в Никитовке - Попасной — Дебальцево-Родаково. Вести тщательную разведку и понемногу воспитывать в мелких стычках части для боя.

Для того, чтобы навести порядок в наших частях, в Донбас был послан Муравьев, который провел там большую организационную работу.

Одновременно, серьезные события разыгрались и на нашем правом фланге. В Екатеринославе готовилось, как я говорил уже, восстание. Прибывшие оттуда делегаты разработали со мною план этого восстания, причем он приурочивался к 10-му января; к этому времени должен был подоспеть наш бронепоезд и отряд Егорова. Но, как часто бывает, самая подготовка восстания вызвала наружу накопленную энергию, и события разыгрались значительно раньше. Провокационные действия со стороны гайдамаков вызвали рабочих Брянского завода на отважное выступление. Вечером 8-го января они захватили и угнали на завод гайдамацкий броневик.

Гайдамаки на следующий день предъявили ультиматум рабочим, требуя выдачи броневика и всего оружия. После отказа, в 8 часов вечера, они начали артиллерийский обстрел Брянского завода. Рабочие отчаянно сопротивлялись; положение их становилось критическим, когда начали подходить наши подкрепления.

Узнав о начале восстания в Екатеринославе, я отдал приказ Егорову о немедленном наступлении из Синельниково. К 2-м часам дня к Екатеринославу подоспел наш бронепоезд, прибывший под обстрелом и собирая разобранный путь. Начался бой в городе, в который вступили и Московские красногвардейцы отряда Егорова. Ударом в тыл гайдамакам, они захватили их артиллерию, и участь боя была решена. Уже на

следующий день город — наш. Всего отбиты у гайдамаков 12 орудий, из них 3 с замками.

У нас 10 убитых и до 20 раненых. Гайдамаки с 2-мя орудиями окопались за городом в лесу.

В ночь на 10-ое января удар на удар, мы в Харькове, после часового обстрела из броневигов, заставили положить оружие 2-й Украинский полк. Взяты 65 пулеметов и до 10.000 винтовок. В этом деле участвовали и прибывшие из Петрограда красногвардейцы. Мы с Муравьевым сопровождали отряд, и я любовался мужеством этого авантюриста.

Нам чрезвычайно сильно помогло наличие во 2-м Украинском полку большевистской солдатской организации. Она держала нас в курсе всех настроений полка, всех подготовлений офицеров и первая открыла огонь по окнам офицерских квартир, производя дезорганизацию в рядах комсостава, чем сильно содействовала нашему успеху.

Разоружение 2-го Украинского полка произвело такое сильное впечатление на Чигиринский Украинский полк, что и этот немедленно, по первому нашему требованию, также сложил оружие. Обезоружен был и отряд поляков, — 900 человек, несший караульную службу (этот отряд состоял из солдат 1-го «Польского революционного» полка).

Дабы Егоров через край не увлекался Екатеринославом, ему 11-го января повторено предписание — взять Александровск, установить связь с Крымом и Юзовкой и сосредоточить силы для действий в направлении Мариуполь - Таганрог - Ростов.

В подкрепление к нему послан еще первый отряд Петроградских красногвардейцев. К Сиверсу направлен второй отряд Петроградской красной гвардии (до 1.000 человек, 3 орудия) с комиссаром Трифоновым, прибывший в Харьков 9 января.

11-го января прибыл также третий Петроградский отряд (тов. Левинсона), состоявший из части солдат Гатчинского гарнизона и Петроградских красногвардейцев. Боевые и выдержанные ребята. Этот отряд послан был в подкрепление к тов. Саблину.

К 12-му января Мариуполь был занят изнутри восстанием рабочих.

Но Егоров завяз с Екатеринославскими делами. Он сообщал, что внутри не ладится. Гарнизон ненадежен. Есть надежда, что 271-й полк присоединится к нам.

С другой стороны, мною продолжались попытки втянуть в операции части Юго-Западного фронта.

10-го января был вновь послан курьер во 2-ой Гвардейский корпус и в 7-ую армию с предложением выслать представителей в Харьков и продвинуться к Знаменке. Комитету Румфронта предложено действовать в связи с 7-й и 8-й армиями и также послать представителей в Харьков. Тогда же была направлена просьба к Крыленко, чтобы он отдал соответствующий приказ указанным частям. 11 января Комитету 8 армии (Могилев-Подольский) предложено войти в связь с 7-ой армией и двигаться к станции Знаменке, не пропуская казачьих эшелонов.

Наступило некоторое затишье в операциях против Каледина. Мы вновь принялись накапливать силы и организационно закрепляться. К Саблину вышел сильный отряд Харьковской красной гвардии (до 400 чел.) во главе с тов. Рухимовичем.

С северного фронта начали прибывать серьезные подкрепления. Медленно протянулась 4-я кавалерийская дивизия, кроме гусарского полка, мало боеспособная. Ее проталкивание в Донбас прошло с трудом; пришлось посылать агитаторов и длительно убеждать солдат. Ее командир, Жуков, не проявлял особых военных способностей и не пользовался никаким авторитетом в дивизии, так же, как и начальник штаба дивизии, Давидов. Дивизия расквартирована так: Драгунский полк в Луганске, Уланский и Стрелковый полк и 4 батареи по 6 орудий — в районе Бахмут.

Что касается 3-й кавдивизии, расположенной в Донбассе, то к 18 января большая часть ее «признала власть Совнаркома», гусарский полк заявил «нейтралитет». Драгунский полк, три эскадрона и команда связи Уланского полка и шестая батарея выразили согласие вступить в ряды советских войск. На деле вошли в отряд Сиверса всего три эскадрона этой дивизии, батарея послана к Саблину, остальные рассеялись.

Удалось, наконец, добиться присылки из Брянска чинившегося там бронепоезда с начальником тов. Годлевским.

Орловская батарея, после катастрофы на ст. Соль, само-вольно вернулась в Харьков; но была возвращена на фронт. В прикрытие к ней послана была пулеметная команда 18-го Гренадерского Карского полка с 4-мя пулеметами.

Из Курска вывезено 8 орудий без артиллеристов и лошадей и порядочное количество броневиков, захваченных нами у Английской миссии. Броневики приводились в порядок в тыловых автомобильных мастерских.

Из привезенных орудий, а также из захваченных у казаков спешно, главным образом, давлением Муравьева и воздействием на Харьковских артиллеристов, формировались новые батареи.

В Обояни стоял дивизион 122-миллиметр. орудий. К этому дивизиону был послан тов. Крылов, для побуждения его прибыть в Харьков. Но дивизион отнекивался, ссылаясь на отсутствие распоряжения со стороны штаба Московского Округа. По моей телеграмме Муралову, это распоряжение было дано, и тов. Крылову удалось отправить все 12 орудий с некоторым количеством артиллеристов и упряжью к нам в Харьков. И здесь, в Обояни мы столкнулись с повсеместно разлившимся явлением, врачебные комиссии упорно демобилизовывали вполне здоровых солдат. Действуя по определенному приказу Старой Ставки, они старались обескровить все сколько-нибудь революционно настроенные войсковые части. Этот саботаж был нами несколько ограничен, лишь, после серьезной внушительной борьбы.

К 21 января из Обоянских орудий были сформированы 4-орудийная батарея и один взвод. Батарею послали Саблину.

Из Харьковского гарнизона, опять-таки главным образом усилиями Муравьева, удалось также выделить одну батарею, посланную Саблину. Была выделена также саперная рота, направленная к Сиверсу.

Были приведены в большой порядок связь, снабжение и санитарное дело.

11-го января прибыла и начала приспособляться сильная группа авиаторов из Москвы. Во главе ее оказавшийся впоследствии злостным шарлатаном, лже-летчик Гермашев (с помощником Сухановым). Летчиками были ученики Московской авио-школы.

Из Донбаса к Егорову подошел отряд рудничных партизан (до 300 человек), организованный бесшабашным смельчаком Жлобой.

После весьма настойчивых указаний, зашевелились и брянцы в Екатеринославе, но их руководители отвлекались мечтаниями о самостоятельных задачах. Они помышляли о движении к Знаменке и далее, вглубь правобережной Украины. Приходилось непрестанно напоминать им, что нельзя разбрасываться, что главные силы должны быть сосредоточены против главного врага, каковым является Каледин и Корнилов.

18-го января я телеграфировал в Екатеринослав тов. Серго¹⁾: «Не гонитесь за второстепенным, — это губительная стратегия. Шлите все способные к бою силы к Юзово. Победа в бассейне спасет рудники, сотни тысяч рабочих и могучие производительные силы, даст уголь северу. Поражение в бассейне — гибель для нас. Всем авторитетом советской власти требую — все боеспособное послать к Юзово, где войти в связь с Сиверсом у Криничной. Блиндированному итти немедленно к Авдеевке, где искать связи с Сиверсом и следовать его указаниям. Особенно важна связь. Никаких сепаратных действий, иначе мы будем разбиты по частям. Торопитесь поддержать горнорабочих, они близки к победе. Настоятельно требую главные силы направить к Юзово немедленно»²⁾.

Я потребовал от екатеринославцев дать в рудники не менее 2-х тысяч красногвардейцев. Но из Екатеринослава удалось выделить в то время, и то, лишь благодаря беззаветной энергии тов. Мокневской, к 24 января едва одну бронеплощадку при 300 штыках прикрытия. Начальником при ней был некий Гессе, совершенно бездарный человек и не совсем чистоплотный. Комиссаром — Мокневская, принявшая много мук с этим отрядом.

Особой, посланной мною, разведчице удалось установить связь с Царицыном и через него со Ставрополем. Из присланного ею доклада выяснилось, что в Царицыне до 2-х тысяч красногвардейцев с 20-ю пулеметами и батареей. Части 5-й Кубанской дивизии все еще не прошли Царицын.

Царицынский совет чувствовал себя довольно прочно. Используя свое положение на железнодороге, связующей северную и южную

1) Прим. ред. — Орджоникидзе.

2) Прим. автора. Вскоре развитие наших успехов в Донбасе и потребности наступления на Украину побудили меня, впрочем, отказаться от втягиванья екатеринославцев в борьбу против Каледина.

части Донской области, он причинял не мало забот и огорчений Калединскому правительству. Маршруты с зерном и мукой, посылаемые с юга, задерживались в Царицыне; воинские переброски у калединцев тормозились. Командующий войсками 2 Донского округа, генерал Максимов, пытался запугать Царицынский совет телеграфными угрозами. Председатель Царицынского совета тов. Ерман отвечал Калединскому генералу с большой твердостью, напоминая ему участь Николая Романова. Но, кроме неудачной военной экспедиции в Куберле (приблизительно 20 декабря), Царицын не предпринимал никаких наступательных операций. С близ лежащими станциями поддерживались дружественные сношения, и казачьи части, расположенные вблизи Царицына, были хорошо распропагандированы.

Тихорецкая и Торговая с 5 января были уже заняты частями 39-й дивизии, прибывшими из Ставрополя.

В связи с этими сообщениями, я решил к 23-му января начать общее концентрическое наступление на Каледина.

По линии Поворино-Царицын дорога расчищается движением в эшелонах 5-й Кубанской дивизии (была надежда, что 2 казачьих полка, пересекающих это направление, не смогут задержать продвижение кубанцев). Царицын нажимает через Чир и т. д. на Лихую. Частям 39-й дивизии послан приказ наступать к Батайску. Одновременно — Петрову из Чертково наступать на Миллерово; Саблин в связи с ним, из Луганска наступает также на Миллерово — Звереву — Лихую. Сиверс наступает к Иловайской и отряд Егорова — от Мелитополя движется к Таганрогу.

Пока же Сиверсу и Саблину 17 января поставлена скромная задача:

«Дебальцево командующему отрядом Саблину. — Усиленная разведка небольшими партиями. Не давайте застаиваться частям. Держите тесное соприкосновение с противником, организуйте партизанскую борьбу к Звереву. Поддержите дух рабочих — известия с Дона утешительны и час наш недалек».

«Никитовка — Комсев Сиверсу: — Ведите усиленную боевую разведку, поочередно пуская в дело небольшие отряды. Партизанскую борьбу не прекращайте, не давайте застаиваться людям, установите живую связь с Юзово и Мариуполем».

В Донбасе к этому времени развернул свою работу «Центральный штаб» красной гвардии, который из Никитовки, перебравшись в Юзовку—присылал иногда довольно панические телеграммы в роде телеграммы от 18-го января: «Противник наступает двумя дивизиями, с 5 батареями, 8 броневиками и находится в 2-х верстах от Юзовки».

Это было, конечно, чисто бредовым измышлением. У казаков уже началось к этой поре серьезное разложение, и они не были способны к сколько-нибудь значительным наступательным действиям.

Это расстройство неожиданно выявилось для нас при разговоре Муравьева с начальником штаба Сиверса, тов. Волынским.

18-го января Муравьев говорил из Харькова со штабом Сиверса.

«Х а р ь к о в. Сейчас отправляю в Никитовку шестиорудийную батарею, прибывшую с фронта, прошу вас дать ей возможность отдохнуть дней пять. Я им обещал это, конечно, если противник не помешает нашему сосредоточиванию. Советую, вообще, все войска, хотя бы на несколько дней разместить по квартирам, вычистить теплушки. Не стесняйтесь с обывателями, размещайте солдат, реквизируйте местную баню, вообще дайте всем войскам возможность привести себя в порядок и отдохнуть и подучите особенно красногвардейцев. Обязательно устраивайте занятия ежедневно всем родам оружия, примите самые энергичные меры к удовлетворению всех нужд войск фуражем, продовольствием, провиантом и т. д. Завтра вечером высылаю 40 чел. инструкторов для организации красной гвардии. 4-я кавалерийская дивизия продолжает сосредоточиваться, последние эшелоны чрезвычайно скверно настроены. Надо все меры принять к агитации среди них. Мы в свою очередь посылаем партийных работников. Хорошее снабжение всем необходимым и попечение о войсках на $\frac{2}{3}$ уменьшает капризы и придирки войск, вот почему я особенно настаиваю на их удовлетворении всем необходимым. Приучайте необстрелянные войска к боевым действиям, организуя малевькие отряды для партизанских набегов на казаков, этим развивается боевой дух и уверенность в себе. Одним словом, используйте эти несколько дней

по подготовке войск как в боевом, так и в хозяйственном отношении. Срочно потребуйте от Саблина передачу вам десяти миллионов патронов.

В о л ы н с к и й. — Сообщаю, — по точным донесениям разведки: Кривичная, Путепроводная, Ясиноватая свободны от казаков. По непроверенным показаниям, из Макеевки казаки уехали эшелонами на юг. Ст. Харцыск и Иловайская также очищены. Казаки, уезжая из Бурозового рудника, говорили: «пропало казачество». Эшелоны фронтовых казаков на ст. Иловайская арестовали и увезли с собой штаб генерала Орлова. На ст. Кривичной осталась груда трупов рабочих и военнопленных. Сведения эти проверяются глубокой разведкой. О четвертой дивизии имеются уже сведения. Просим принять меры к обеспечению Бахмута, еще не дошедшие эшелоны задержите.

М у р а в ь е в. Относительно 4-й дивизии мы не разделяем вашего опасения, самое большое, что они сделают, это вернуться обратно и не пойдут ни против нас, ни за нас. Мы пошлем к ним лучших партийных агитаторов и, в крайнем случае, расколем дивизию пополам. И худшую половину отправим обратно.

Если вы действительно уверены в том, что казаки покидают названные станции, то понемногу осторожно начните занимать их, наступая правым плечом. Свяжитесь с Саблиным, он поддержит вас своим правым флангом от Хацапетовки. Одним словом, если вы уверены, действуйте, но осторожно, пока ваша цель — ст. Иловайская. Согласно желания Сиверса, неподчинять ему отряд Саблина, — разрешаю, по приказу Наркома, быть обоим отрядам самостоятельными, но быть в полном контакте и поддерживать друг друга. Опять повторяю, что заходите правым флангом и займите прежде всего Авдеевку и Юзово. Из Авдеевки свяжитесь с Синельниково и Екатеринославом. Но это все в том случае, если казаки действительно оставили станции.

В о л ы н с к и й. — Буду действовать, согласно вашим указаниям».

Саблину, в связи с этим, мною послана тотчас же такая телеграмма:

«Дебальцево тов. Саблину. — Из отряда Сиверса получены следующие сведения, что казаки очистили ст. Ясиноватая, Кривичная».

ничная, и постепенно очищают весь район до Иловайской. Я дал предписание Сиверсу осторожно продвигаться вперед правым плечом и занять очищенные станции, кроме того приказано занять Авдеевку и Юзово. Поддерживать тесную связь с отрядом Саблина и стоящей в вашем общем резерве кавдивизией в Бахмуте. Ведите сильную разведку в сторону Иловайской от Дебальцево, а также к Звереву и Лихой. Усильте занятие Первозвановки и Щеглово, всякий занятый пункт закрепляйте, сторожевое и походное охранение усильте. Сообщайте каждый раз об изменении обстановки прежде чем предпринять решительный шаг. Помните, что не закрепясь вы подвергнетесь удару с левого фланга и со стороны Иловайской. Обеспечьте содействие дивизии в Бахмуте и заручитесь поддержкой ее кавалерии. Сохраните твердо Дебальцево, Родаково, Хацапетовку и связь с Сиверсом. Но прежде всего не торопитесь. Нарком Антонов».

Соответствующее предписание дано Начальнику 4-й кавдивизии в Бахмут.

Сиверс 20 января доносил:

«Казачи под давлением фронтовых кубанцев вынуждены были очистить часть района прежде ими занятого. Чтобы помочь ликвидировать стихийное бедствие, остановку рудников и бегство рабочих, я занял Ханженково, Макеевку и некоторые другие пункты. Операции развиваются. Держусь выжидательной тактики. Наштадив четыре из Бахмута обещает поддержку. Саблин сейчас сообщает, что на него наступают с востока и возможно с юга, если это подтвердится фактами — приму самые серьезные меры к его помощи. Жду поддержки Егорова с запада. Торопите его. Мой адрес Комсев Сиверс Криничная».

Саблин доносил 19-го января:

«В полночь на 19 января по 2 участку юго-восточного фронта на левом фланге на ж. д. Родаково-Лихая противник силою до одной роты, составленной из юнкеров и офицерства, вел наступление у станции Семейкино. Наступление было отбито нашим сторожевым охранением и красногвардейцами. По линии Дебальцево-Звереву наши войска заняли станцию Петровеньки в 20 верстах от Колпаково. По линии Хацапетовка-Криничная наши передовые части дошли до Монахова и Ясиновского рудника. Ночью Криничная занята войсками Сиверса».

20 января он дополнил:

«Из Дебальцево — Харьков ставка Муравьеву. — Поддерживая связь с Сиверсом, мой правый фланг двигается вперед. Рухимович занял Ясиновский рудник, Левинсон—Рассыпную. Из Дебальцево походным порядком наступал ночью батальон ярославцев на Алексеевское-Орлово. Со стороны Колпаково были попытки противника продвинуться вперед, задержанные нашим сторожевым охранением. Высылайте немедленно скорее 10 тысяч винтовок и обмундирование для красной гвардии. Организовано уже много, ничего не могу оформить без обмундирования и вооружения. Вчера первым заседанием армейского комитета моих войск единогласно утвержден в звании командира 2-го участка юго-восточного фронта».

На мой запрос о возможности развернуть наступление к Миллерово - Лихой - Звереву, он отвечал 20 января:

«Из Дебальцево, Харьков Наркому Антонову: — Муравьеву известно, что с казаками Луганской станицы заключено перемирие, с обязательством предупреждения о начале боевых действий за двое суток. Это дало мне возможность перебросить все силы в Дебальцево и оказать крупную помощь Сиверсу. Сегодня предъявляю казакам района Луганск-Миллерово ультиматум с требованием нейтрализации их артиллерии, и пропуска наших войск через территорию, при гарантии не нападения на нас с тыла через заложников. Через два дня, если пришлете подкрепление, могу наступать».

Я потребовал от Петрова поддержать наступление Саблина к Миллерово.

20-го января я телеграфировал Петрову:

«Из Харькова—Лиски комиссару Воронежских войск товарищу Петрову. — Именем революции и в силу полномочий, данных мне Советом Народных Комиссаров, предписываю вам немедленно перейти в наступление к Миллерово и занять эту станцию, откуда войти в связь через Луганск с отрядом Саблина, сейчас ведущим наступление против калединских банд. Об исполнении срочно донести. Народный комиссар, Главнокомандующий всеми войсками по борьбе с контр-революцией Антонов».

Петров ответил, что наступает, и 22-го января я сообщил Саблину:

«Дебальцево, Командующему Саблину: — Распоряжения для 4-ой дивизии сделаны. Ищите связь с Петровым, он наступает на Миллерово. Крайне важно в обход туннеля на линии Лихая итти на Звереве. Помните нашу первоначальную диспозицию.

Т. Саблин

У Лихой и Звереве — богатейший рудничный район и скрепа с Царицынской линией. На Царицын двинуты некоторые силы и положение там угрожающее. Ориентируйтесь в обстановке, не торопитесь на юг, закрепляйтесь на взятке и помните о левом фланге, который надо опереть на магистраль и слить с отрядом Петрова. Наши операции к Киеву и к Одессе развиваются. Нарком Антонов».

Перелом в настроении казаков сказался по всей линии.

Каледицы повсеместно отходили. 19-го января я послал по радио радостную весть об этом переломе:

«Всем, всем, Кубанскому трудовому казачеству особо.— В рудничном районе, где калединские банды разоряли мирное население, насиловали, грабили, — только что был явлен прекрасный пример братской солидарности трудового казачества с остальным трудовым населением России. Возвращавшиеся с фронта кубанцы были остановлены у Иловайской донскими бандитами. При объяснениях по поводу задержки, кубанцы в ответ на грубость калединских офицеров, стали срывать с них погоны, загнали в вагон весь штаб генерала Орлова и увезли его с собой заложниками. Революционные войска воспользовались растерянностью калединцев и вытеснили их из целого ряда шахт. Слава кубанскому трудовому казачеству! Да здравствует союз рабочих, беднейших крестьян и трудового казачества! Да здравствует рабочая и крестьянская власть! Нарком Антонов».

20-го января в Воронеже должен был открыться съезд трудового населения Дона. Мы много решительного ждали от этого съезда.

Меж тем, было завершено закрепление за нами южной ж.-д. магистрали.

Александровск был нами прочно занят (лишь) к 15 января. Туда прибыл 1-й Петроградский отряд во главе с тов. Поляковым. Гайдамаки сдались без боя. Бронедивизион также не оказал сопротивления. На вокзале оказалось 3 эшелона казаков.

Поляков не решался приступить к их разоружению и выполнил это лишь по моему настоянию.

Значение захвата нами южной жел.-дорож. магистрали вскоре дало себя знать.

20-го января между тов. Поляковым из Александровска и мною произошел такой разговор:

Поляков. Только что получил известие из ст. Долгинцево, что оттуда следует 15 эшелонов казаков, 2 бронепоезда, тяжелая артиллерия. Двигаются для занятия Александровска. Просим двинуть ваш бронедивизион и добавить нам сил.

Отв е т.— Не верьте всяким слухам, ведите серьезную разведку, никаких блиндированных поездов у казаков нет и уже очень немного осталось эшелонов. Еще раз— ведите разведку и сторожите мосты с подрывными материалами. Слухи эти — провокация.

Но положение Александровска представилось и мне серьезным. Ни в коем случае нельзя было допустить казачью дивизию с оружием прорваться на Дон, где она существенно подкрепила бы Каледина.

И, после повторных тревожных сообщений тов. Полякова, пришлось подумать о его подкреплении, отвлекая для этого часть сил от основных задач.

22-го января я передал в Екатеринослав предписание — немедленно отправить полным ходом к Александровску блиндированные площадки, а также в Полтаву Муравьеву — послать в Александровск бронепоезд Зайцева.

Тов. Поляков телеграфировал к этому времени:

«Требую блиндированный поезд в Александровск немедленно. Казаки не сдаются. Идет бой. В нашем распоряжении силы меньше в 10 раз, чем у противника. Разобрал путь, этим думаю

удержать, до прибытия блиндированного поезда, неприятеля. Вел переговоры с казаками от 16 эшелонов, которые отказались разоружаться. В Александровске все революционные войска вышли на подкрепление на ст. Кичкас, где ждем встречи и обхода пешим строем казаков».

Вечером того же дня Поляков доносил:

«На ст. Кичкас, не доходя до 2-го моста со стороны Екатерининской станции, нами занята позиция из трех линий пулеметов по полотну жел. дороге, первая линия 15 пулеметов, вторая линия 8 пулеметов, 3-я линия 6 пулеметов. Около эшелона у меня находилось орудие под прикрытием 3-х пулеметов. Первая задача наша была такова—разобрать путь около моста. Это было сделано в 7 час. вечера, и мы находились в боевой готовности. В полчаса первого прибыл отряд казаков в восьми вагонах, для разведки. У меня был и семафор открыт для их приезда, они доехали до самого того места, где разобран путь; подъехали без огня и очень тихо. Но я сам был в это время в разведке по пути к ним навстречу.

«Когда я стал подходить к тому месту, где разобран путь, то наткнулся на их разведочный отряд и чуть не погиб и по команде открыл огонь, который продолжался слишком полчаса, после я прекратил огонь. Вскоре явился казак и стал говорить: «за что мы, товарищи, деремся», — я ему объяснил несколькими словами и отправился к себе в штаб. После еще явилось два человека, за ними еще 6 депутатов, одного из них убил за дерзость, а остальные 3 скрылись. Двое доставлены в штаб. Переговоры назначены в 12 час. дня 9-го (22-го) января. Пока в результате боя есть убитые, раненые и пленные, со стороны неприятеля, с нашей стороны один легко раненый.

«Казаки шести эшелонов изъявили желание вести переговоры, и я заметил, что они хотят разоружиться, а остальные десять эшелонов, исключительно кавказских, ненадежны, могут пойти в обход. У меня выбыли из строя 3 пулемета, но надеюсь удержаться до прихода поездов»¹⁾.

Получив это успокоительное сообщение, я дал приказ блиндированному поезду Зайцева, подходившему уже к Павлограду вернуться в Полтаву.

¹⁾ Примеч. автора. Стиль телеграммы, как и всех приводимых в книге донесений и прочих документов, не отстает от их подлинника.

Столкновение в Александровске ограничилось легкой перестрелкой.

Уже 24-го января казаки начали сдавать оружие, и их эшелоны, по восстановлении нами пути, были пропущены через Александровск.

Черноморцы, в свой черед, бездействовали, чувствуя себя парализованными «татарским корпусом», который, по слухам, двигался с фронта через Херсон - Джанкой и 17 января будто бы уже прошел Херсон. Слухи сильно преувеличивали силы этого корпуса. Он будто бы состоял из 3 полноштатных дивизий. На деле были вряд ли и 2 боеспособных полка. Опираясь на них и на некоторые особые белогвардейские, офицерские формирования, татарские учредилловцы пытались установить в Крыму свою «демократическую» власть.

В ряде городков (Ялта, Феодосия, Балаклея) произведены были попытки разоружения местных гарнизонов.

Это сильно взволновало крымчан, волнение передалось и в Александровск, откуда военком Лидарский докладывал мне в Ставку, 25-го января:

«Вышлите немедленно Александровск бронированный поезд, чтобы занять Сивашский мост. Вслед за бронированным поездом отправляю боевые отряды Путиловского завода, чтобы занять Джанкой. В Симферополе русскими генералами, офицерами и контр-революционными войсками из племени татар, 26-го января предполагается наступление на Севастополь; прибыли члены военревкома из Симферополя и Севастополя в Александровск. Прибыл 1-й большевистский гвардейский революционный отряд и присоединился к отряду с Александровска. Прорыв сделают с юга на Украину. Сегодня назначено заседание Военревкома для переговоров с Президиумом в соответствии с текущим моментом. В Кичкас обязательно вышлите не менее 8-ми пушек 6-дюймовых и инструктора. Адрес штаба по борьбе с контр-революцией, Александровск, Троицкая 15. Объявлено военное положение с 24-го января, запрещено движение по городу после 21 часа».

Я отвечал:

«Главный враг — Каледин. Все силы надо направить против него. С татарами справятся прибывающие с Кавказского фронта

и Феодосии войска. Не распоряжайтесь без моего ведома силами Александровска. Ограничьтесь наблюдением за Сивашским мостом, держите точную связь с Никоподем и Долгинцево. Никакой артиллерии и броневое вам не пошлем, пустяками не отвлекаемся. Екатеринослав занимает Криворожье и вас прикроет со стороны Западной, а с Юга вам достаточно простое наблюдение. Справившись с Калединым, в два счета кончим с татарами. В Украине нами заняты, вслед за Полтавой — Кременчуг, Ромодан, Путивль. Идет атака Конотопа и Бахмача. В рудниках твердо держим Иловайскую. Сохраните хладнокровие и дисциплину».

О прибытии эшелонов с Кавказского фронта, я был извещен самими же севастопольцами, сговорившимися о вывозе из Трапезунда некоторого количества «фронтоников».

В этот же день тов. Толстов, командующий против татар, сообщал мне из Севастополя:

«Доношу, что Феодосия занята нами, татары из нее вытеснены и находятся в 20-ти верстах по деревням. Город нами сильно укреплен. Сейчас в Ялте идет бой, на поддержку нашим частям высланы два миноносца, из которых один уже участвует в бою. Татар в городе Ялте находится два эскадрона и рота пехоты, состоящая из офицеров с двадцатью пулеметами, они все прибыли из Симферополя и пытаются взять Ялту. У нас в Севастополе все спокойно».

Через пару дней, севастопольцы собравшись с силами, выдвинули отряд в несколько тысяч моряков, опрокинувший татарскую кавалерию и занявший Симферополь.

Татарская контр-революция была сломлена. Одновременно сорвалась и попытка Центральной Рады украинизировать Черноморский флот.

К середине января состояние наших отрядов было следующее:

В отряде тов. Петрова оставалось около 2¹/₂ тыс. человек с двумя батареями и 20-ю пулеметами. Головные его части занимали Чертково и бездействовали.

У Саблина — Московская пехота, 1 батальон 500 штыков, отряд новгородцев — 300 штыков, Костромичи — 400 штыков и два батальона (негодных), Ярославцев — 300 шт. Гатчинцы — отряд Левинсона — 340 штыков, отряд Рухимовича 350 штыков.

Две Орловские 4-орудийные батареи (одна никуда негодная). Мортирный взвод — 2 орудия, 4-орудийная 122-мил. батарея, взвод Харьковской батареи. Несколько тысяч (около 5-ти) красногвардейцев, остававшихся на квартирах в резерве, как и Драгунский полк 4-й див. (300 сабель) и шестиорудийная батарея при нем. Всего 2.200 шт., 300 сабель, 16 легких и 6 тяж. орудий. Сверх того вспомогательные части.

К 18-му января у Саблина было такое положение: Отряд Рухимовича в Енакиевке и Ясиноватой; в Зуевке 2 батареи с пулеметным прикрытием, в Чистяковке — 53-й полк, в Черемухино — отряд Левинсона (гатчинцы) и в Петровенках ярославцы. С Зуевки Саблин пытался продвинуться в сторону Зверево.

Колонна Сиверса — стрелковый полк 4-й кавдивизии, штурмовой батальон 17-го корпуса (400 штыков), отряд Петроградцев Трифонова — 900 штыков. Отряд в 300 штыков красногвардейцев из Екатеринослава и бронеплощадкой (2 орудия), 2 эскадрона драгун из 3-й кавдивизии и отряд Нежинских гусар. Харьковская батарея (4 орудия), батарея 17-го корпуса и батарея 3-й кавдивизии. Всего 700 солдат, 1200 красногвардейцев до 500 сабель, 20 орудий. Кроме того, в резерве до 4-х тысяч местной красной гвардии из Никитовки, Юзовки и других районов (1 Донецкий кр. гв. полк 3 бат. и отдельные дружины на рудниках).

Сиверс занимал Криничную - Ясиноватую - Ханженково.

По линии Лозовая-Синельниково-Александровск — 1.500 красногвардейцев, из них в Александровске до 800 москвичей.

В Бахмуте — остальные части 4-го кавдивизиона.

Значительные силы уже отвлечены против Украинской Рады, — активные операции к Киеву начались 18-го января.

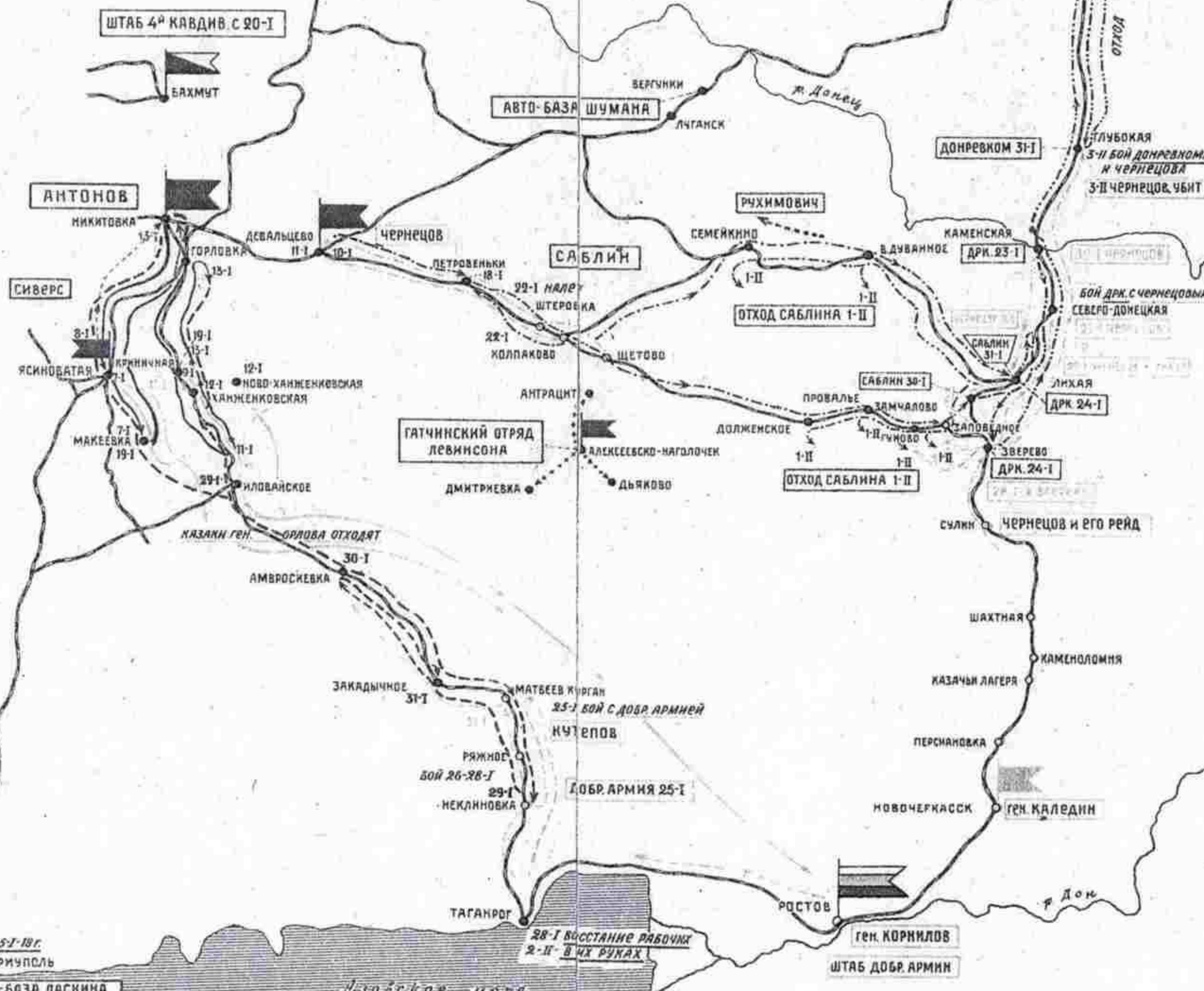

СХЕМА № 4 НАСТУПЛЕНИЕ НА ДОНБАС

Сиверса, Саблина, Петрова и Донревкома
20-I — 3-II 1918 г.

МАСШТАБ
0 15 30 км.

- Сиверс 1-е наступл. 7-I
- 2-е 19-I
- Добрарм 1-е отступл. 17-I
- 2-е .
- Саблин
- Чернецов
- Левинсон
- Рухимович
- Донревком
- Петров

03.01.1919 г.
МАРИУПОЛЬ

АВТО-БАЗА ЛАСКИНА
ИЗ КОНСТАНТИНОВА

28-I ВОССТАНИЕ РАБОЧИХ
2-II В ИХ РУКАХ

ген. КОРНИЛОВ
ШТАБ ДОБР. АРМИИ

ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА К СХЕМЕ № 4

(гл. V—IX).

1) Вступив в Донбасс (см. об. зап. № 3), Сиверс, окрыленный восстанием рудничных партизан в Макеевке, Юзово, Мушкетово, — выступил на их поддержку из Никитовки (стр. 100), не закрепившись в Донбассе и не связавшись с Саблиным, и 7/1 занял Ясиноватую и Макеевку и 17/1 — Иловайскую.

2) 10/1 у Сиверса в тылу Чернецов, подъехав тайком в эшелонах, совершил налет на Дебальцево (стр. 104). Это заставило: 1) Сиверса отступить из Макеевского района, 2) Саблина выслать в Дебальцево отряд из Купянска, 3) Петрову приказано из Чертково наступать на Миллерово. Чернецов исчез. Сиверс вернулся в Никитовку, Саблин — в Дебальцево.

3) В исполнение приказа Штаба о начале вторичного наступления на Каледина (стр. 111), Сиверс 10/1 вновь занял Ханжонково-Макеевку, имея перед собой сначала генер. Орлова, потом полк. Кутепова. Оттеснив последних, Сиверс начал наступление на Таганрог, заняв 25/1 Матвеев-Курган, 28/1 Ряженое, но получив 29/1 удар под Неклиновкой, отскочил к Амвросиевке. Тем временем в Таганроге вспыхнуло 28/1 рабочее восстание, и Сиверс, оправившись и подкрепившись новыми силами, вновь 31/1 начал наступление (216) и 6/II занял Матвеев-Курган.

4) В исполнение той же директивы, Саблин занял 19/1 Петровеньк (стр. 114), 22/1 Щеглово и Колпаково (198), 30/1 — Замчалово, 31/1 — Лихурно на следующий день, потерпев поражение от Чернецова, отскочил по двум направлениям: в В.-Дуванное и Семейкино (Рухимович) и в Долженское, Провалье.

5) 28/1 — 29/1 Чернецов, овладев станциями Лихая и Звереве, открыл движение на Каменскую и 30/1 занял ее, оттеснив войска Донревкома. 2/II он начал наступление на Глубокую, но 3/II был разбит Голубовым и убит (233).

6) Ободренный последними и покрепленный черноморцами, Саблин занял 8/II Звереве и Лихую и продвинулся до ст. Сулин.

ГЛАВА IX

Мой штаб — в Донбасе. Каледищина маневрирует. Каменский ревком. Колебания и первые неудачи. Сиверс терпит урон. Организационная работа.

Еще в начале января я решил перенести свою «Ставку» в Донбас, чтобы быть ближе к действующим войскам.

И это свое намерение я выполнил, когда убедился, что наступление к Киеву развивается успешно, и что Муравьев — на месте.

В Харькове я оставил своим представителем Д. Медведева, за Начштаба тов. Брянского, только что прибывшего с Румынского фронта с известием о предательстве генерала Щербачева, о гибели тов. Рошаля и об аресте Чудновского.

22-го января Саблин сообщал мне из Дебальцево:

«На правом фланге моего участка войска, служившие заслоном против возможного прорыва противника в тыл к Сиверсу, продвигавшиеся параллельно продвижению Сиверса, отозваны мною со ст. Зуевки и Ясиновского рудника к Монахово, Енакиево, Хацапетовка. Мой фронт идет по линии Иловайская через Чистяково; у станции Сердитово — соприкосновение моих войск и войск Сиверса. Чистяково занято отрядом Левинсона. Участок Чистяково - Чернухино занят отрядом Московской красной гвардии. По линии Дебальцево - Звереве, сегодня ночью моя разведка неожиданным нападением заставила противника очистить Штеровку и Колпаково. Под давлением крупных сил противника, действовавшего при помощи пулеметов, ручных гранат, имевшего артиллерию, разведка с боем очистила Колпаково и Штеровку, заняв исходное положение на ст. Петровеньки. Наши потери — один убит и десять раненых. Участок сейчас занят отрядом Ярославцева и командой самокатчиков при семи пулеметах, туда же послан отряд Рухимовича. Насколько

удалось выяснить в этом районе, действует лишь отряд добровольцев, численность до 3 тысяч (составлен, главным образом, из юнкеров и офицеров). На линии Родаково - Лихая - Луганск - Миллерово — спокойно».

23-го января должно было начаться концентрическое наступление на Дон. Но Петров оказывался совершенно несостоятелен; Саблин, после урока под Дебальцево, действовал, как видим, с чрезмерной осторожностью, ограничиваясь легкими стычками, сильно преувеличивая силы врага. Чтоб обеспечить себя со стороны казаков на Миллеровском направлении и не опасаться за Луганск, он затеял мирные переговоры с казаками.

18-го января у него состоялась конференция с представителями казачьих полков 8-й дивизии, штаб которой был расположен в Звереве. Казаки обещали соблюдать «нейтралитет» в борьбе советских отрядов с каледиинцами и «кадетами» (это название, к тем дням очень популярное, охватывало белогвардейцев всех мастей). С ними было заключено перемирие с обязательством предупредить за два дня о возобновлении наступления.

20-го января ко мне явилась делегация 85-го полка (из отряда Саблина) с жалобой, что он не позволяет им брататься с казаками и плохо снабжает. Снабжением я распорядился их удовлетворить, а за нарушение революционной дисциплины резко отчитал.

Каледиинщину, между тем, трепала серьезная лихорадка. К этому времени уже определились результаты голосования в Учредилку. Казачий список собрал до 640 тыс. голосов (45⁰/₀ всех поданных), список социал-революционеров около 480 тыс., большевики стояли на третьем месте, имея 205¹/₂ тыс. голосов, остальные все вместе — 86 тыс. голосов. Успех большевиков был значителен (да и эс-эровские голоса надо было считать противоправительственными — это крестьяне голосовали за землю), и это, несмотря на суровый режим военного положения, установленный Каледиинским правительством.

Стараясь укрепить свое расшатанное положение, Войсковое Правительство искало соглашения с «иногородними». 11 января в Новочеркасске съехался съезд представителей неказачьего населения Донобласти. Еще на прежнем Круге, где представители от крестьян имели лишь совещательный голос,

они (до 60 ч.) высказались за прекращение братоубийственной войны и создание на Дону власти, опирающейся на все слои населения. На данном совещании присутствовали и представители от рабочих (в большинстве меньшевики). Под их настоянием, совещание пошло еще дальше в требованиях к Войсковому Правительству.

13-го января совещание приняло следующие условия, на которых соглашалось принять участие в составлении Объединенного Донского Правительства: 1) немедленное освобождение всех арестованных по политическим и аграрным делам; 2) разоружение и расформирование добровольческой армии; 3) согласие Войскового правительства на заключение перемирия и восстановление свободного транспорта до созыва Донского Объединенного Собрании или Всероссийской Учредилки; 4) снятие военного положения с районов, не связанных с районами военных действий, и вывод войск из пунктов, где их присутствие не вызывается военной необходимостью (этот пункт, не в пример другим, прошел незначительным большинством—63 против 50); 5) неприкосновенность демократических организаций; 6) правительство создается на основе паритета—поровну от казаков и неказачьих, председателя выбирает из своей среды (проект Войскового Правительства был—председатель наказной атаман); 7) право запрета войскового атамана, по отношению к постановлениям о неказачьем населении, отменяется; 8) до созыва Донского Народного Собрании дела неказачьего населения решаются его представителями.

Резолюция о вхождении в Войсковое Правительство на этих условиях принята 62 гол. против 44 при 15 воздержавшихся, но после перерыва при вторичном голосовании, — 87 за, 19 против, 12 воздержавшихся, 15-го января рабочая группа, под воздействием большевиков, заявила, что она против вхождения в Правительство Каледина.

Принята затем, по предложению рабочих, резолюция с требованием установления рабочего контроля на рудниках и независимости совдепов. Но принята рядом и резолюция за Учредилку и о непризнании власти Совнаркома.

Войсковое Правительство, в своем ответе на резолюцию неказачьего съезда, отказалось распустить добровольческие фор-

мирования, в остальном же согласилось на его предложения, и съезд, 17-го января, 62-мя голосами против 44 при 4 воздержавшихся признал приемлемым ответ Правительства.

18-го января «новое» Донское правительство выпустило декларацию Объединенного Войскового правительства, в котором заявляет, что «признает необходимым создать областной законодательный орган для рассмотрения общих дел, касающихся и казацкого населения Донской Области, причем предварительно положение об этом законодательном органе будет представлено на утверждение Войскового Круга и Съезда казацкого населения, созываемых одновременно в течение февраля месяца».

Впредь же до созыва Круга и Съезда, Объединенное правительство: 1) обещает охранять свободу слова, печати, собраний, передвижения, свободу союзов и учреждений в их законной деятельности от всяких насилий, откуда бы таковые ни исходили; 2) посылает делегации в составе представителей от казачьей и неказачьей своих частей к большевистским отрядам, чтоб требовать их удаления из Донобласти; причем, «объявляет, что будет бороться самыми решительными мерами против насильственных попыток совета народных комиссаров навязать свою волю населению Донской области»; 3) освобождает «в порядке амнистии, всех заключенных по политическим и земельным делам, за исключением тех, что, сверх того, подлежат привлечению к суду в общем порядке по обвинению в уголовных преступлениях»; 4) снимает «военное положение во всей области, оставив таковое на линиях и в полосе отчуждения железных дорог»; 5) «добровольческая армия, существующая в целях защиты Донской области от большевиков, объявивших войну Дону, и в целях борьбы за Учредительное Собрание, будет находиться под строгим контролем Объединенного Правительства и, в случае установления наличности в этой армии элементов контр-революционных, таковые элементы будут немедленно удалены за пределы Донской области»; 6) обязано разработать «вопросы о милиции и о надлежащей организации охраны в области, при деятельном участии органов местного самоуправления»; 7) «обещает ввести в ближайшем будущем земство на Дону».

Декларация кончается призывом «помочь правительству в его трудной работе в переживаемую краем тяжкую годину».

Это же «Объединенное» Донское Правительство решило послать в Питер к Совнаркому специальную делегацию, чтобы добиться прекращения «братоубийственной войны».

27 января, по этому поводу, моим штабом была послана такая телеграмма тов. Ленину:

«По поручению тов. Антонова, убедительно прошу не давать каких-либо определенных ответов без сношения с нами делегации от неказачьего съезда из Новочеркаска. Если войдете в соглашение с ними — свяжете нам руки. Компания из состава неказачьего съезда, образовавшая «самостоятельную власть» на Дону, вместе с Калединым и Агеевым, по нашему мнению, не лучше прежнего войскового круга. Мы сможем разгромить не только Каледина, но и этих господ. Голова Каледина, которой они хотят отделаться от пролетарской революции, и без их помощи не останется на плечах у владельца. Передаю телеграфом резолюции съезда, из которых проглядывает подло-оборонческая его физиономия. На съезде избрана новая власть Дона из 16-ти — 8 от казаков, во главе с Калединым, Агеевым, Богаевским, и 8 от неказачьего населения, в числе последних — большевик Новочеркасской фракции; выбран и контрольный орган из 32-х человек».

В этой же телеграмме я сообщал и о другом, важнейшем, событии на Дону — об образовании на нем центра революционной власти.

Некоторые признаки свидетельствовали о приближении переломного момента в казачьих настроениях. 20 января в Харьков прибыл с фронта экстренным поездом эшелон казачьего полка (кажется 27-го), делегация от которого, во главе с есаулом Смирновым и Герасимовым, явилась ко мне с рекомендацией от Ревкома Юго-Западного фронта. По их уверениям, они спешат на Дон, для активной борьбы с Калединым. Смирнов же заверял меня, что казаки, пытающиеся прорваться через Александровск, не опасны и сдадут оружие без боя, если с ними переговорить (как я уже писал, обезоружение этих казаков обошлось не без серьезной перестрелки). Смирнов же сообщал, что по приказу Украинского правительства, казачьим частям,

при отправке с фронта на Дон, выдают по четыре пулемета на сотню, вместо одного, как выдавали против германцев, выдают также удвоенную порцию снарядов для артиллерии.

Получились в то же время сведения об удачной попытке Царицынских товарищей договориться с представителями расположенных в его округе казачьих частей.

20 января должен был открыться в Воронеже съезд трудового населения Дона. Несмотря на энергичную работу нескольких товарищей, во главе с тов. Сырцовым (добравшимся сюда из Ростова) и т. Щаденко (из Каменской), привлечь на этот съезд представителей от казачьих частей почти не удалось (из сотни участников съезда не было и десятка казаков).

И совсем неожиданно 24 января пришло к нам смутное известие о том, что 23-го в станице Каменской состоялся съезд фронтового казачества, на котором провозглашена борьба Каледину.

26 января это известие подтверждено следующей телеграммой из Воронежа:

«Назначенный в Воронеже съезд не состоялся, за малым прибытием делегатов. В это время в станице Каменской был назначен съезд фронтовых казачьих полков. На съезде присутствовали представители двадцати одного полка, пяти батарей и двух запасных полков. Было получено распоряжение Каледина разогнать съезд и арестовать организаторов. Наше появление на съезде и также угроза арестом побудили нерешительных казаков к очень решительным мерам. Съезд единогласно постановил — объявить войну Каледину и захватить всю власть в Донской области в свои руки. Был выбран Военно-Революционный Комитет (ВРК), посланы отдельные части для захвата станций Зверево и Лихая. Арестован окружный атаман и воинский начальник, причем воинский начальник оказал сопротивление и ранил двух казаков. Восемнадцать высших военных властей арестованы, проходят перевыборы всего командного состава полков. При занятии станции Зверево штаб дивизии убежал вместе с полковником Михайловым.

В помещении штаба найдена записка Каледина — объявить на осадном положении всю дорогу до Новочеркасска, занять прочно станции Лихую и Зверево, производить поголовные

обыски. Но Каледин опоздал — восставшие казачьи полки сделали это раньше его. Присланный нас арестовать 10-й полк опоздал, явившись, когда уже все совершилось. Он колеблется, но будет с восставшими казаками наверное. Все двадцать полков проявили большой энтузиазм и объявили клич против Каледина. На другой день на станции был грандиозный митинг».

Впоследствии выяснились некоторые характерные подробности. Прослышав про совещание фронтовых казаков на ст. Каменской, участники Воронежского съезда решили отправиться в полном составе на это совещание. Выехали группой в 70 человек, во главе с Сырцовым, Щаденко, казаками — Ермиловым, Елисеевым. Но в Каменскую прибыли всего в числе до 30 человек — остальные отстали в пути. Казачий съезд застали в полном разгаре. Под председательством Подтелкова, урядника гвардейской батареи, он протекал в боевом, но неопределенном направлении. Лишь небольшая горсть казаков, связанных с большевиками, — Кудинов, Стехин, и друг. пытались направить съезд к боевым действиям. Решение съезда приблизительно намечалось в сторону господствовавшего среди фронтовых казаков стремления мирно поладить и с «большевиками» и с правительством Каледина, избегнув гражданской войны. Это требование и предъявлял съезд правительству Каледина. В приветственных речах, Воронежские делегаты весьма осторожно пытались склонить казачий съезд к захвату власти. Тов. Мандельштам («Одиссей»), прибывший из Москвы, указывал казакам на взаимную экономическую заинтересованность Дона и Центральной России.

Т. Щаденко, организатор рабочих и красной гвардии Донбаса

К большой решительности подвинуло съезд оглашение перехваченного приказа Каледина об аресте его участников. Тут

делегаты поняли, что от борьбы не уйти. И предложения горсти казаков-большевиков были приняты подавляющим большинством совещания.

Оно решило избрать Донской Казачий Военно-Революционный Комитет, который должен организовать сопротивление Каледину, добиться от Войскового Правительства прекращения войны с Советскими войсками, удаления с Дона контр-революционных генералов и сложения войсковым правительством власти.

Определенной социальной программы совещание комитету не поставило. В своем воззвании оно говорит глухо о том, что берет на себя «почин освобождения трудового казачества от гнета контр-революционеров и Войскового Правительства, генералов, помещиков, капиталистов, мародеров и спекулянтов»; оно обвиняет верховодов, втянувших казачество в гражданскую войну, сделавших Дон гнездом контр-революции, и выдвигает требование изгнания из Дона контр-революционных заговорщиков.

Казачий Военно-Революционный Комитет, во главе с Подтелковым, по совету наших товарищей, той же ночью, опираясь на части 8-го казачьего полка и две сотни атаманского полка, приступил к арестам Каменских властей и направил особые отряды для захвата станций Лихая и Зверево. В самый день принятия Съездом резолюции о войне с Калединым, прибыл в Каменскую для ареста участников съезда 10-й казачий полк, но выполнить приказ Каледина отказался и заявил о подчинении Ревкому.

В первые же дни обнаружилась неустойчивость этого казачьего Ревкома, связь его с «большевиками» вызвала открытое недовольство среди многих казаков.

Делегация от 10-го казачьего полка, гундоровцы и другие станичники потребовали удаления тт. Сырцова, Щаденко и др. неказаков из Каменской. И товарищи были вынуждены перейти почти на нелегальное положение. Ревком, дороживший их советами, всячески прятал от казачьих масс свои сношения с большевиками.

Еще более знаменательно было отношение Донского казачьего Ревкома к рабочим и крестьянам. Делегации от рабочих и от

крестьян приходили в Ревком с предложениями содействия и с просьбами об оружии.

Ревком от этого содействия уклонился и в первые же дни не сделал ни шагу для организации вооруженных сил деревни и рудников.

Большинство членов Ревкома, отражая устремления средняцкого казачества, весьма недружелюбно относились к притязаниям «иногородних» крестьян на общий раздел Донской земли и совсем не собирались кончать с обще-казачьими привилегиями. Конечно, эти представители средняцкого казачества были настроены против казаческих верхов, хотели их свержения, но свои непосредственные чаяния стремились осуществить исключительно мирными путями.

Правительство Каледина не сумело использовать этих настроений. Обнаруживая свое бессилие, правительство Каледина, вслед за приказом об аресте участников Каменского съезда, решило послать делегацию для переговоров с Казачьим Ревкомом. Эта делегация, в составе Агеева, бывшего председателя казачьего фронтового съезда, Светозарова, Бажелова, Уланова, Карева и есаула Аникеева, прибыла в Каменскую 26-го января и повела ловкий разговор с ревкомщиками, обвиняя их в измене Дону, в союзе с «большевиками» и т. д.

Но ревкомщики уперлись на том, что Калединское Правительство противопоставило Дон всей России, приютило у себя контр-революционных генералов, офицеров и буржуазию, бегущую из России, и втянуло Дон в гражданскую войну, а потому оно и должно уйти. Новочеркасская делегация с этим и уехала. Следом за ней потянулась в Новочеркасск делегация от Казачьего Ревкома, во главе с Подтелковым, Кривошлыковым и Кудиновым.

Ревкому надо было до конца исчерпать все возможности уладить миром дело с Войсковым Правительством. 27-го января делегация Ревкома была принята Войсковым правительством.

Т. Сырцев, организатор рабочих Донбаса

Представила она такой ультиматум Донского Военно-Революционного Казачьего Комитета Войсковому Правительству:

«1. Вся власть в области Войска Донского над войсковыми частями в ведении военных операций от сего 10-го (23) января 1918 г. переходит от войскового атамана Донскому казачьему военно-революционному комитету.

«2. Все партизанские отряды, которые действуют против революционных войск, отзываются 15-го (28-го) января сего года и разоружаются, равно как и добровольческие дружины, юнкерские училища и школы прапорщиков, все участники этих организаций, не жившие на Дону, высылаются из пределов Донской области в места их жительства.

«Примечание: Оружие, снаряжение и обмундирование должно быть сдано комиссару военно-революционного комитета. Пропуск на выезд из Новочеркасска выдается комиссарам Военно-Революционного Комитета.

«3. Город Новочеркасск должны занять казачьи полки по назначению Военно-Революционного Комитета.

«4. Члены Войскового Круга объявляются неправомочными с 15-го (28-го) сего января.

«5. Вся полиция, поставленная войсковым правительством из рудников и заводов Донской области, отзывается.

«6. Объявляется по всей Донской области, станицам и хуторам о добровольном сложении Войсковым Правительством своих полномочий во избежание кровопролития и о немедленной передаче власти областному казачьему военно-революционному комитету впредь до образования в области постоянной трудовой власти всего населения».

Войсковое Правительство отвечало Военно-Революционному Комитету:

«Войсковое Правительство войска Донского, обсудив требования Военно-Революционного казачьего комитета, представленные делегацией комитета от имени Атаманского лейб-казачьего, 44, 28, 29-й частей 10, 27, 23, 8 и 43-го полков, 14-й отдельной сотни, 6-й гвардейской, 32, 28, 12 и 13-й батарей, 2-го пешего батальона и Каменской местной команды, объявляет, что Правительство является представителем всего казачьего населения области. Избранное населением Правительство не имеет

права сложить своих полномочий до созыва нового Войскового Круга.

«Войсковое Правительство войска Донского признало необходимым распустить прежний состав Круга и произвести перевыборы депутатов как от станиц, так и от войсковых частей. Круг в своем новом составе, свободно избранный (при полной свободе агитации) всем казачьим населением, на основании прямого, равного и тайного голосования, соберется в городе Новочеркасске 4-го (17-го) февраля сего года одновременно со съездом всего неказачьего населения. Только Круг, законный орган, восстановленный революцией, представляющий казачье население области, имеет право сместить Войсковое Правительство и избрать новое. Этот Круг, вместе с тем, обсудит вопрос и об управлении войсковыми частями и о том, быть или не быть партизанским отрядам и добровольческим дружинам, защищающим власть. Что касается формирования и деятельности добровольческой армии, то объединенное Правительство уже раньше приняло решение взять их под контроль правительства при участии областного военного комитета.

«По вопросу об отозвании из горнозаводского района якобы поставленной Войсковым Правительством полиции, правительство заявляет, что вопрос о милиции будет поставлен на разрешение Круга 4-го (17-го) февраля.

«Правительство заявляет, что в устройстве местной жизни может принимать участие лишь местное население, а потому оно считает, выполняя волю Круга, необходимым всеми мерами бороться против проникновения в область вооруженных большевистских отрядов, стремящихся навязать области свои порядки. Жизнь свою должно устроить здесь само население, и только оно одно.

«Правительство не желает гражданской войны, оно всеми мерами стремится покончить дело мирным путем, для чего предлагает военно-революционному комитету принять участие в депутации к большевистским отрядам.

«Правительство полагает, что если посторонние области отряды не будут идти в пределы области, гражданской войны и не будет, так как правительство только защищает Донской край, никаких наступательных действий не предпринимает,

остальной России своей воли и навязывает, а потому не желает, чтобы и Дону кто-нибудь посторонний навязывал свою волю.

«Правительство обеспечивает полную свободу выборов в станицах и войсковых частях, и каждый гражданин сможет развить свою агитацию и отстаивать свою точку зрения на назначенных уже выборах в Войсковой Круг.

«Для обследования нужд казаков во всех дивизиях должны быть теперь же назначены комиссии из представителей от частей.

«Войсковое Правительство войска Донского предлагает всем частям, пославшим своих депутатов в военно-революционный комитет, возвратиться к своей нормальной работе по защите Донского края.

«Войсковое Правительство не допускает и мысли, чтобы свои Донские части выступили против правительства и тем начали междоусобную войну на Тихом Дону.

«Военно-Революционный Комитет должен быть распущен избравшими его частями, и все части, взамен этого, должны послать своих представителей в существующий областной военный комитет, объединяющий все войсковые части области».

«Войсковое правительство требует, чтобы все арестованные военно-революционным комитетом были немедленно освобождены, а администрация, с целью восстановления нормальной жизни в области, должна быть возвращена к исполнению своих обязанностей.

«Являясь представителем только незначительного числа казачьих частей, военно-революционный комитет не имеет права предъявлять требования от имени всех частей, а тем более от имени всего казачества.

«Войсковое Правительство считает совершенно недопустимым сношения комитета с советом народных комиссаров и пользование его денежной поддержкой, так как это означало бы распространение влияния совета народных комиссаров на Донскую область, а между тем казачий Круг и Съезд неказачьего населения всей области признали власть советов неприемлемой, так же, как и Украина, Сибирь, Кавказ и все без исключения казачьи войска.

Председатель Войскового Правительства товарищ войскового атамана Богаевский, старшины войска Донского: Елатовцев, Поляков, Мельников».

Неказачья часть Объединенного Правительства Донской области сочла необходимым дать делегации Военно-Революционного Комитета отдельный ответ:

«Неказачья часть Объединенного Правительства Донской области, ознакомившись с требованиями, предъявленными военно-революционным комитетом ст. Каменской казачьей части Объединенного Правительства, считает своим долгом указать, что согласно постановления Объединенного Правительства 4-го (17-го) февраля созывается съезд и Круг, и, таким образом, лишь две недели отделяют нас от того времени, когда население области сможет свободно решить все основные запросы жизни на Дону.

«Этих двух недель едва ли хватит для проведения выборов по области, а потому в интересах действительной правильности необходимо сейчас избегать какого-либо обострения в нашей областной жизни».

«Неказачий отдел призывает представителей казачьих частей к совместной работе по созыву Войскового Круга и областного неказачьего съезда, по немедленному прекращению гражданской войны, охране области от давления извне и осуществлению через будущих народных избранников устройства жизни Дона на демократических началах».

Делегация Военно-Революционного Комитета выразила свое неудовлетворение этим ответом, но не сумела уклониться от зазываний каледиинцев. Двое из ее членов (Скачков и Латугин) вошли в состав делегации Донского Правительства, отправленной 29/1 к Таганрогу для переговоров с «большевистским командованием».

Но если ответ Каледиинского Правительства В. Р. К. был уклончив, то действия его были вполне определенные, — партизанский отряд Чернецова уже 28-го января атаковал ст. Лихую, занятую революционными казаками.

Главнокомандующим Ревком назначил есаула Герасимова, а помощником ему есаула Смирнова. Но это был штаб без армии. Казаки определенно не хотели воевать. Использовать силы рабочих и крестьян Ревком не решился. Ревком затеял переговоры с Чернецовым; тот согласился на них, но арестовал прибывшую в Зверево во главе со Смирновым делегацию В. Р. К. и продолжал наступление. И Ревком, упав духом, решил поки-

нуть Каменскую без всякого сопротивления. Передовые части свои он оставил в ст. Глубокая, а свое местопребывание перенес в Миллерово.

Эти подробности были получены мною лишь впоследствии. Первые известия говорили об энергичной деятельности казачьего ревкома и рисовали яркую картину начавшейся «революции на Дону». Посланное нами «всем, всем, всем» радио об этих событиях всколыхнуло весь Донбас, влило новую бодрость в ряды наших войск и побудило к усилению их повсеместного натиска.

Тотчас же, по получении известий о казачьем съезде в Каменской, я вызвал в Купянск Петрова, Саблина и Сиверса на особое совещание.

Сиверс не явился, ссылаясь на невозможность оторваться от непосредственного руководства боевыми операциями.

Саблин и Петров, на этом нашем совещании 26-го января, рассказали не мало подробностей о положении дел. Между прочим, Саблин передал мне следующую характерную телеграмму 25-го января от 27 казачьего полка:

«Луганск штаб красной гвардии Саблину: — В виду вновь создавшегося положения на Дону, когда власть Области взята казачьим фронтовым съездом северного фронта, 27-й полк полагает, что пропуск вооруженных большевистских эшелонов сейчас несвоевременен и не может быть допущен; так как только увеличит суматоху на Дону и внесет разлад в семью трудового казачества. Полк надеется, что трудовое казачество сумеет разрешить все наболевшие вопросы и поступить так, как следует, с тем пришлым элементом, который внес рознь в его семью. Ваша помощь поэтому пока не является необходимой. Председатель полкового комитета Решетов.

Для подтверждения этой телеграммы к вам будет послана делегация с первым отходящим поездом».

Я предупредил Саблина и Петрова о необходимости отнюдь не переоценивать событий в Каменской, предложил им с величайшей осторожностью относиться к казачьему Ревкому и к его заявлениям, как можно меньше полагаться на них, но и действовать в высшей степени тактично, учитывая определенное недовольство со стороны казаков нашим вторжением на Дон.

Как бы то ни было, но фактом громадного значения являлось создание органа гражданской войны в недрах косного казачества. И представлялось чрезвычайно важным поддержать авторитет и власть казачьего Ревкома, сохранить в глазах казачества его самостоятельность и, вместе с тем, добиваться от Ревкома самоопределения в сторону Советской власти, усиления разрыва с Калединым, — содействовать тому, чтобы логика положения завела ревком невозвратно далеко на путь борьбы.

Каледищина должна быть удушена руками самих казаков. На совещании в Купянске мы договорились держаться в отношении ревкома именно этой тактики. Вступить немедленно в официальные сношения с казачьим ревкомом, добиваться от него определения своей политической физиономии и поддержать его в борьбе с Калединым.

Далее, в виду обстановки, сложившейся на Новочеркасском направлении, — я предложил Саблину направить значительную часть своих сил в Иловайскую, в распоряжение Сиверса. Надо было развить немедленно решительное наступление к Таганрог-Ростову, используя скованность сил противника у Новочеркасска.

Непосредственно после того, я виделся с представителем казачьего ревкома Маркиным (офицер Гундоровской станицы) и передал ему обещание полного содействия ревкому, при условии положительного ответа на следующие три вопроса:

1) Признает ли казачий Ревком власть ЦИК и выбранного им Совета Народных Комиссаров.

2) Готов ли созвать вместо войскового круга съезд представителей от советов всего трудового населения Дона.

3) Готов ли вести под общим советским руководством вместе с ним борьбу против Каледина и Корнилова.

И дополнительно — готов ли выявить свою позицию официально.

Маркин указал на затруднительность вопроса о земле и на необходимость сохранения известной Донской автономии. Я успокаивал его, заверяя, что вопросы о земле будут решаться в духе постановлений всероссийского съезда, с учетом особенностей отдельных областей, и что автономия областей отнюдь не противоречит духу Советской власти.

Ревком ответом медлил, хотя в поддержке нашей нуждался до крайности. Верные ему части были распылены, разбросаны Калединым по разным закоулкам, собрать их было чрезвычайно затруднительно. Обмундирование, обувь были изношены до крайности. Вооружение было ничтожным.

Из казачьих частей выделялся своей боевой готовностью только 27-й полк, командиром которого был избран Голубов.

Этот крепыш казак-старшина, отличившийся в десятках боевых столкновений в царскую войну, да еще, впрочем, и турецко-болгарскую, где был добровольцем — напоминал мне сильно Муравьева. Те же авантюристские повадки, та же непоколебимая самоуверенность, то же своеобразное пустое красноречие, действующее своим пафосом на толпу, и та же политическая беспомощность.

Голубов своим «демократизмом» стал известен на Дону после первых мартовских дней. Во времена Корниловщины, он стоял против «белого генерала» и пытался даже исполнить приказ Керенского об аресте Каледина. Казачий Большой Круг едва не лишил его за это казачьего звания.

Он был одно время арестован Калединым, но вскоре выпущен, очевидно, под какие-то неопределенные обязательства с его стороны Войсковому Правительству. Это последнее, во всяком случае, считало Голубова «своим» и давало еще в конце января указания Чернецову связаться с Голубовым, который как будто уже сформировал свой отряд «против большевиков».

В Ревком, в Каменскую Голубов явился 29 января, когда уже решено было Каменскую очистить. Став в главе 27-го полка, Голубов сразу приободрил казаков. В нем они увидели твердого опытного военачальника.

Надежды Ревкома настолько ожили, что он дал мне понять о нежелательности нашего вооруженного ему содействия. Наша роль, по мнению Ревкома, должна была ограничиться лишь материальной ему помощью. Мы должны отказаться от наступления на Новочеркасск (про Ростов, занимаемый преимущественно Корниловцами, разговоров не было).

Но едва прошло два-три дня в этих переговорах с Ревкомом, как Калединыцы начали энергичное наступление, выбив революционных казаков из Лихой, Звереве и вызвав в Каменской панику, быстро распространившуюся к северу. 28 января

Донревком вызывает ко мне о помощи. Петров 29 января из Воронежа телеграфирует, что на него «наседают со всех сторон» и просит наступать к Глубокой. Моисеев также из Воронежа просит о присылке 2 полков, так как де «со стороны Чертково наступают казаки».

На деле в Воронеже было пустяковое столкновение с уральскими казаками, которые, пробираясь в эшелонах «домой», учинили на станции погром. После перестрелки, в которой казаки потеряли 5 убитыми и несколько десятков ранеными, уральцы смирились, сдали оружие и были отправлены по маршруту. Петров расписал эту стычку, как великий бой (у нас же всего 3 убиты и 2 ранены), и заканчивал свою телеграмму сообщением, что на следующий день, 31/1 отправляется к Миллерово «с несколькими тысячами пехоты, артиллерии и броневиками». Это было с его стороны очередное бахвальство — в его распоряжении был отрядик силой не более 500 человек.

29 января Саблин сообщал мне из Дебальцево:

«Обстановка внезапно изменилась. После неудачных попыток вступить в переговоры с Военно-Революционным Комитетом Донской области, Каледин двинул на Звереве 600 юнкеров и офицеров и занял его. Рухимович находится в 20-ти верстах от Зверева. Считаю необходимым временно прекратить переброску сил [в Таганрог и завтра же ликвидировать Звереве двойным ударом, — от Дебальцево и Лихой и заменить на участке Лихая-Новочеркасск бессменных революционных казаков своими силами. Нельзя допустить увлечение наступлением на юг, раз возможен прорыв через Звереве себе в тыл. До сего времени на Иловайское отправилась мортирная батарея и Ярославский отряд. Харьковскую батарею и костромичей успел задержать у себя в Дебальцево. Прошу высказать ваше мнение по этому вопросу. Если мы сейчас разобьем юнкеров, помогая В. Р. К., то этим заставим его признать наше право на пребывание внутри области войска Донского».

Я тотчас же предписал Саблину начать решительное наступление в поддержку Донревкома и приостановил отправку частей к Сиверсу из отряда Саблина.

Помощь наша подходила во-время, 30 января Начштаба казачьих войск Герасимов из Миллерово, прося поддержки, со-

общал, что идут бои между ст. Каменской и Погорелово. В тот же день Саблин занял Замчалово, а 31 января сообщил о взятии нами с бою Лихой и о боях в направлении к ст. Каменской.

Кривошлыков, член
Донревкома

31 декабря я сообщал Муравьеву: «Сиверс вынужден обороняться, — он понес серьезный урон. Петров и революционные казаки были сильно потеснены калединцами, наступающими через Каменскую к Миллерово. Саблин ударом во фланг поправил дело. Пока стягиваю силы. Спасибо за отправку отрядов, захваченных произвольно Кудинским. Эти помпидурские замашки могут погубить дело или его крайне затруднить. Сейчас можно было бы несколькими ударами все закончить, но силы революционных казаков совершенно не организованы и разбросаны, а наши, вы знаете, — местная красная гвардия совсем не обучена и совершенно непригодна. Приходится вести активную оборону и накапливать силы для удара, который, конечно, последует, своевременно».

И вдруг, следом за этим извещением, я получил от Саблина сообщение, об оставлении нами станции Лихая. На следующий день Саблин пояснял:

«От Лихой войска отступили, вследствие панического бегства красной гвардии. Потери убитых пока неизвестны, ранено 27. 85-й полк по-

терял около 20 убитыми, 2 раненых. Красная гвардия потеряла 11 пулеметов из двенадцати. 85-й полк — три из десяти. Сейчас они находятся в Верхнедудуванном и Семейкино. Юнкера имеют

две броневых площадки с орудиями. От Зверева отступили, вследствие неисполнения Рухимовичем боевых приказов и паники его отрядов, вызванной слухами о двух тысячах казаков, находящихся будто бы в тылу. Войска находятся сейчас на ст. Должанская, Провалье. Авангард у Гуково, где идет бой».

Чувствовал себя Саблин не совсем прочно и в тот же день доносил:

«Замечены попытки противника отрядами силою до 400 человек с орудиями, появляющимися у ст. Изворино и Должанской, отрезать наши части, стоящие в Плешаково, Гуково, Заповедное. Не имею резервов. Принужден ограничиться одной регистрацией телеграмм. Прошу вас двинуть ко мне 4-ю дивизию для восстановления положения».

Неудача побудила Донревком поспешить с определением своей политической линии.

1-го февраля была мною получена от Маркина такая телеграмма: «Политический вопрос принципиально решен. Абсолютно да, да, да. Официальное да. Декларация последует в самом непродолжительном времени».

Перед тем я получил от Ленина такой ответ на мое сообщение о переговорах с казаками:

«Приветствую присоединение казаков, делегаты от коих уже здесь и вошли в съезд советов. Относительно земельного вопроса на Дону, советую иметь в виду текст, принятый позавчера (28-го января) на съезде Советов резолюции о федерации Советских республик. Эта резолюция должна вполне успокоить казаков».

Декларация Донревкома получена телеграммой почти одновременно с сообщением Маркина. Вот ее текст:

«Харьков 19/1 (ст. стиля) — 1918 г. из Луганска, № 449 — 18 ч. 20 м. — Харьков, Комиссару Антонову. Донской казачий Военно-Революционный Комитет просит вас передать Петроград Совет Народных Комиссаров следующую резолюцию Донской области. Казачий Военно-Революционный Комитет на основании постановления фронтового съезда в станице Каменской, постановил:

1) «Признать Центральную Государственную власть Российской Советской республики, Центральный Исполнительный

Комитет съезда советов казачьих, крестьянских, солдатских и рабочих депутатов и выделенный им Совет Народных Комиссаров.

2) «Создать краевую власть Донской области из съезда советов казачьих, крестьянских и рабочих депутатов.

Примечание: Земельный вопрос Донской области разрешается тем же областным съездом. За председателя прапорщик Кривошлык. Секретарь Дорошев. Члены: прапорщики Стрелянов, Копалей, Кривушев, Черноусов, Еронин».

Я немедленно предписал нашим органам снабжения удовлетворить полностью заявки Донревкома.

Между тем, Саблину приходилось туговато. Потрепанный в бою у Лихой, 3-й Московский Красногвардейский отряд потребовал своей отправки «для пополнения в Москву». 31-го января я говорил с этим отрядом, клеймил его трусость и отослал его в Москву разоруженным и с предупредительной телеграммой о его постыдном поведении. Лишь незначительная часть отряда выразила раскаяние и желание загладить свою вину. Она отправлена к Сиверсу. Следом за третьим Московским, выбыл из строя и казавшийся столь боевым Харьковский отряд Рухимовича. Поддавшись нелепой панике, отряд потребовал своей отправки в тыл, и, несмотря на прямые приказы, Рухимович вывез отряд в Харьков, за что Саблин объявил его в приказе дезертиром.

В то же время серьезные события разворачивались и на правом нашем фланге.

На Таганрогском направлении против нас действовали, исключительно, части, так называемой, Добровольческой армии. Состав этой армии, по сведениям нашей разведки, определялся в начале января в 3—4 тысячи штыков — Корниловский полк, три отдельных батальона (офицерский, юнкерский и георгиевский) 4 батареи, один эскадрон и технические части. Большая доля этих сил расположена была в Ростове.

9-го января штаб «Добровольческой Армии» в официальном воззвании возвестил об ее существовании и ее задачах. Эти задачи — 1) противостать вооруженному нападению на юг и юго-восток России, защищая «самостоятельность» казачьих областей, 2) противодействовать «попыткам, направленным

к разрушению русской государственности» и быть вооруженной силой начатого юго-восточным союзом дела восстановления этой государственности.

Этот манифест, громкими фразами о патриотических и общегосударственных задачах пытавшийся прикрыть предательство этого отечества державам Антанты и своекорыстие господствовавших классов, сопровождался приказом Корнилова — «всем юнкерам, ударникам и офицерам армии и флота», — «не исполнять приказаний, идущих от Крыленко, Ленина и кто ими поставлен и немедленно явиться в комендатуру гор. Новочеркаска для защиты погибающей России».

Но все усилия «спасателей России» оставались тщетными. Их ничтожная армия состояла исключительно из барских сынков, офицеров да юнкеров. Дрались эти господа умело и нагло. Но напротив них была сокрушающая сила массы, сознавшей свою правду.

Отряду Сиверса, после отхода казаков генерала Орлова, (сменившего Балабина), противостоял добровольческий отряд полковника Кутепова.

Сиверс, развивая свой успех у Иловайской, наступал к Таганрогу. И я решил развернуть это наступление. Уверенный, что Каледин прочно связан революционными казаками, я предписал Саблину значительную часть его сил двинуть в подкрепление Сиверсу.

Операция к Ростову была задумана широко. Еще загодя я отправил в Севастополь с тов. Мокроусовым, затем с рядом других товарищей, настойчивое предписание — снарядить особую морскую экспедицию для действий к Таганрогу, в поддержку наступления Сиверса. Эта экспедиция, по моим расчетам, должна была выступить не позже 25 января и, высадив десант в Таганроге, поддержать условленное мною с тамошними товарищами восстание рабочих.

Одновременно черноморцы должны выделить сильный сухопутный отряд в подчинение Сиверса.

Но Черноморский Ревком (с Гавеном во главе) был настолько отвлечен борьбою с татарами и радовцами, что долго оказывался неспособным предпринять серьезные действия против Каледина. Хотя уже 26-го января силы татарского прави-

тельства (курултая)¹⁾ были сломлены черноморцами, и Симферополь был ими занят, но еще до 29-го продолжалась ликвидация белогвардейцев в Крыму. Тов. Мокроусов сообщал мне 31-го января из Севастополя, что там большой беспорядок, мешающий выполнению наших замыслов. Одновременно, наши большевики в Черноморской флотилии были отвлечены борьбой за влияние с радовцами, которым одно время удалось поднять национальный желто-голубой флаг на дредноуте «Воля» и на паре мелких судов. Влияние радовцев было ликвидировано лишь к 24 января. А тут подоспели тревожные извещения из Одессы, где радовцы повели жестокую борьбу с ревкомом. В середине января в Севастополе обосновалась «Верховная коллегия по румынским делам», во главе с тов. Раковским и при участии левого эс-эра Спиро. Проезжая через Харьков, Спиро виделся со мною, и мы условились о поддержке, со стороны черноморцев, против Каледина. Но Румколлегия, естественно, тянула в сторону Одессы и Румфронта. Обязательства Чернофлотского Ревкома передо мною оставались невыполненными. Лишь 3-го февраля я получил, наконец, извещение, что Севастопольцы изготовили небольшую флотилию в 3 тральщика с 400 вооруженными матросами для действий в Азовском море и предлагают еще отряд в несколько сот товарищей. Но эта флотилия была двинута в Азовское море с таким запозданием, что на ход событий у Таганрога никакого влияния не оказала. Мокроусову удалось лишь к началу февраля организовать отряд в 400 матросов при 2 бронеплощадках, который и был направлен мною в поддержку Саблина.

Тщетно рассчитывая на выполнение черноморцами их обязательств, Сиверс довольно неосмотрительно продвигался к Таганрогу. В поддержку ему, направлена часть сил тов. Саблина (1 бат. ярославцев, мортирная батарея). Также передан в его распоряжение и Гатчинский отряд Левинсона, прикрывавший левый фланг и тыл продвижения Сиверса (были сведения, что корниловцы готовят нам удар у Чистяково).

¹⁾ Примечание: Всего в распоряжении татарского контр-революционного правительства были 2 конных и 1 пехотный полк да 2 украинских куреня. В начале (20 — 22 января) оно имело успех — в Евпатории и у дер. Дуванской (в направлении к Севастополю).

28-го января Левинсон сообщал Сиверсу:

«Телеграмму об остановке получил только в Алексеевске Наголечек, где и остановился, впредь до особого распоряжения. Высылаю разведку на Дмитриевку, Антрацит и Дьяково. Связь предлагаю восстановить через Антрацит, где устанавливаю конный пост, так как до Софьино — Оброцкой 25 верст и сообщения запаздывают. Настоятельно прошу информации о положении дела на различных участках и о месте нахождения красных отрядов (отдельных), также прошу политической информации. Противника нигде не обнаружено. Начальник Гатчинского боевого отряда Левинсон».

Сиверс уже 25-го овладел Малым Курганом, 26-го его передовые части ведут бой у Ряженое, бой тянется весь день 27-го января.

28-го января Сиверс сообщал об очищении «юнкерами и офицерами» ст. Ряженое. Железнодорожный путь испорчен фугасами и артиллерийским огнем. По исправлении пути, он обещает движение вперед. Но уже на следующий день он телеграфирует из Ряженое о неудачном для нас бое под Неклиновкой, о наступлении юнкеров на Ряженое и просит экстренно подкрепления.

Неудача Сиверса объяснилась крайней неосторожностью его авангарда. Шедший в авангарде «штурмовой батальон» неосторожно втянулся в селение Неклиновку, попал в засаду и был так потрепан, что потерял всякую боеспособность. Развивая свой успех, добровольцы (офицерский батальон, отряд к. Чернова — 200 чел., сотня Семилетова и георгиевцы) поспешили на стремительное наступление на главные силы Сиверса. Сиверс, потеряв 1 орудие, 24 пулемета и броневик, отскочил у на целый переход, задержавшись лишь у Амвросиевки.

Между тем, в Таганроге, где революционные рабочие с нетерпением ждали Сиверса, вспыхнуло, как раз в день его неудачи, восстание — поднялся Балтийский завод (5.000 рабочих), за ними потянулись и другие, захвачена почтово-телеграфная станция. Оружия почти не было, и все же рабочие привели в такой трепет корниловцев, что юнкерское училище и 2 офицерских роты, расположенные в Таганроге, решили его покинуть. 2-го февраля юнкера пробились из Таганрога с боль-

шими потерями; офицерские роты, пробравшиеся еще раньше к Марцево, ударом к вокзалу помогли юнкерам отступить. Но до 200 юнкеров попали в плен к рабочим. Таганрог очутился во власти рабочих. Это сильно помогло Сиверсу.

Подкрепления к нему подошли. Оправившись, Сиверс переходит в наступление. 31-го января он сообщает мне о занятии Закадычное, о перестрелках и мелких стычках на перегоне Закадычное - Матвеев - Курган. Противник, отойдя к Матвееву-Кургану, выслал в арьергард бронепоезд, под прикрытием которого взорвал большой мост на перегоне к Закадычное.

В ту же пору положение осложнилось и у Саблина.

Вновь приходилось подумать о сосредоточении сил и о планомерной организации тыла.

Вопросы снабжения не были достаточно налажены. С чрезвычайным промедлением было выполнено мое предписание «главному интенданту» Клейману о налажении тыловой базы для колонны Сиверса. Грузовики, в незначительном числе, прибыли к Сиверсу только к 8-му февраля, но распутица ограничила их применение. Обоз Сиверсу приходилось заимствовать у обывателей, возмещая их в меру возможности. Впрочем, крестьяне относились в высшей степени радушно к нам. Особенно трогательные сцены происходили, при передвижениях отряда тов. Левинсона в Таганрогском Округе. Так крестьяне одного села встретили наш отряд с крестным ходом, и местный попик благословлял наше «христолюбивое» воинство на бой с «грабителями и утеснителями народными». Левинсон рассказывал, не без смущения, что он, дабы не обижать крестьян, вынужден был приложиться к кресту, которым осенял «батюшка».

Как я уже сообщал, — для руководства по вопросам снабжения был назначен Клейман со званием «главного интенданта».

27-го января на основании моих указаний, он издал приказ, в котором уведомляет о своем назначении и о том, что отрядные начальники обязываются немедленно сообщить ему в Константиновку численный состав своих частей. В том же приказе он указывает, что право на реквизиции в пределах Донбаса и Донской области предоставляется исключительно ему и командирам колонн Сиверсу и Саблину с обязательством сообщения

главину. Самоуправные реквизиции преследуются военно-революционным судом.

Особенно неупорядочено было артиллерийское снабжение. Харьковская тыловая база пополнялась совершенно беспорядочно из складов Конотопа, Селещино и столь же беспорядочно гнала артиллерийское имущество в армейскую базу в Константиновку.

Здесь имущество не выгружалось, а стояло в сотнях вагонов, загромождавая пути. Точного учета не было, надзор был до крайности слаб. Имелись сотни пулеметных дул без остальных частей, до тысячи Люигов и ни одного патрона к ним. Частенько происходила страшная путаница — вместо русских патронов получали японские, вместо шрапнелей — гранаты и т. д. Рекорд побил наша тыловая база, когда выслала вместо затребованных шести-дюймовых снарядов — двенадцати-дюймовые, зачем-то вывезенные из Сум. Крутое воздействие на артснабженцев мало помогло делу, и оно оставалось до конца года неупорядоченным.

Доросhev, член
Донревкома

Инженерное снабжение не было отделено от артиллерийского. В средствах связи мы пока в общем не испытывали. Приходилось часто ремонтировать и дело разрушаемую телеграфную связь. При отрядах были полевые телефоны.

В штабе моем значился главным военным инженером полковник, основной своей задачей считавший подрывное дело. Он все носился с сложными проектами электрических сетей и составлял такие сметы на подобные работы, ему помнилось, что приводил в негодование тов. Саблина, к которому был мною в ту пору направлен. Артиллерийское снабжение было более чем удовлетворительно, — мы могли даже помочь местным рабочим и особенно железнодорожникам в этом отношении. Но надо отметить, что и это сна-

бжение никак нельзя назвать упорядоченным. Точные таблицы выработаны не были, точного учета не проводилось, много обмундирования рассеивалось среди красногвардейцев, выделенных ревкомами рудников.

В продовольствии нужды почти не ощущалось — реквизиционная работа в хлебных северных уездах Донбаса и Харьковской губ. и затем dobroхотная помощь крестьянства Таганрогского округа, отчасти и поддержка из хлебных маршрутов Екатеринославщины нас обеспечивали вполне, и мы еще весьма основательно поддерживали железнодорожников и рудничных рабочих.

Обстояло плохо с фуражем. На месте почти не было овса и сена. Главную поддержку мы имели из баз Кудинского, запасшего много фуража в Брянске. Но тут постоянно чувствовали нехватки.

Для упорядочения снабженческого дела, я предложил Центральному Штабу Красной Гвардии Донбаса, а также Сиверсу и Саблину, выделить из своих отрядов по 3 товарища в помощь Главинту. «Отрядный комитет», выбранный частями Саблина на «общееармейском совещании», послал дельных работников, сейчас же круто взявшихся за дело. Центральный штаб также прислал хороших работников. Сиверс не прислал никого (в Харькове при «штабе» я назначил главным инспектором-контролером тов. Гаврилова - Чернухина (члена Питерского со-
который, имея исключительные полномочия, своими внезапными ревизиями навел изрядную панику на наших снабженцев, кого из них он поарестовал зря и вскоре выпустил. серьезной ревизии «главного интенданта», обнаружил значительные беспорядки. Главинт был арестован, после жительной отсидки, освобожден с отстранением от наших частей.

Особо было выделено в артснабжении броневые автомобили. Оно было поручено некоему Венгеру, прибывшему рекомендациями, кажется, с Юго-Западного фронта. Владелец администратор, он вначале упорядочил дело ремонта автотехники в Харькове, опираясь на крепкие тыловые мастерские Из Александровска и особенно Курска (где по моему приказу была захвачена целиком автобронепарк Английской во-

миссии) он стянул в Харьков большое количество попорченных броневиков и автомобилей, вызвал и из Румфронта автоколонну. В отряды Сиверса и Саблина им направлены, по моему указанию, по 2 броневика, пара бронемашин послана в Полтаву.

Я вызвал Венгерова со всеми годными машинами в Донбас, дабы он помог наладить автомобильное дело в колонне Сиверса, а затем в Таганроге, Ростове, Новочеркасске по их взятии нами. Он прибыл лишь 7-го февраля в Никитовку, направив грузовую автороту в Константиновку. Она оказалась в большом беспорядке.

Санитарное дело наладилось у нас довольно сносно, главным образом, благодаря энергии врачей Либмана, Рождественского и Кузнецова.

В Харькове был оставлен санитарный отдел Штаба, на который возложена обязанность обслуживания фронта медицинским персоналом, санитарными поездами, медикаментами, перевязочными средствами, наблюдение за распределением эвакуации больных и раненых, уплата жалования находящимся в лазаретах красногвардейцам и солдатам реввойск, снабжение лазаретов продовольствием, организация ветеринарного пункта. Начальником санитарной части был назначен Кузнецов.

К каждой колонне был придан санитарный поезд, в Славянске развернут тыловой госпиталь, между Славянском и Харьковом налажено постоянное сношение особым санитарным поездом. От отрядных поездов к отдельным частям аккуратно курсировали летучки, при отдельных частях имелись и санитарные автомобили.

Во врачебном персонале ощущался временами сильный недостаток. Так, старший врач Рождественский, ведавший санчастью в колонне Сиверса, 31-го января телеграфировал из Успенской: «Харьков штаб Наркома. Начальнику санитарной части. Не прибыло ни одного командированного врача, требую их ареста, идут бои, положение помощи раненым ужасное. Весьма спешно командуйте десять врачей, двадцать фельдшеров. Очень спешно носилок, перевязочный материал и спирт. Старший врач Рождественский».

Раненых было, впрочем, незначительное количество; куда больше было больных всякими простудными заболеваниями и,

с середины февраля, сыпным тифом. Дезинфекционных поездов у нас вначале не было, лишь под конец Ростовской операции прибыл, насколько помню, поезд-баня из под Румфронта.

Свою «ставку» я обосновал в Никитовке — центральном пункте района. Здесь под боком «Центрального бюро рудничных комитетов», работал мой «Секретариат», с преданной и аккуратной тов. Самбро (из Ростова) во главе. «Секретариат» сосредоточивал функции связи, администрирования и отчасти снабжения. Он ведал учетом личного состава, изданием приказов, выплатой красногвардейцам жалования и различных пособий, упорядочением вопросов поддержки семей красногвардейцев и ревсолдат и т. д.; он работал (не в очень тесном контакте) с «главинтом» в вопросах снабжения частей разного рода имуществом. В Никитовке же действовал отдел связи. Жалованье солдатам до 8 февраля было по 20 р. в месяц, для комсостава соответственно повышалось. Семьи получали поддержку от местных советов. В Секретариате сосредоточивались и данные разведки. Он руководил и агитационной работой в прибывающих частях.

В Никитовке Ревком, по моей просьбе, реквизировал небольшую типографию, в которой начала выходить газета «Известия революционных войск», давшая нам в руки хорошее орудие революционной пропаганды и борьбы со всевозможными дикими слухами. Руководили газетой Ростовские товарищи Веселовская и Блохин.

При мне не было оформленной оперативной части, не было и начальника штаба. Тов. Брянский, носивший это звание, оставался в Харькове и занимался тыловыми вопросами — передвижения и снабжения частей. С парой порученцев и секретарем я носился то в отдельном вагоне, то прямо на паровозе между штабами действующих колонн, знакомясь с положением дел на месте и тут же устно и телеграфно отдавая распоряжения.

Много хлопот доставляли нам вновь прибывающие части. Особенно неблагоприятно обстояло с 4-й кавалерийской дивизией. Задержание из состава дивизии Кудинским в Брянске, под предлогом борьбы с пробиравшимися на Дон казачьими эшелонами гусарского полка, болезненно переживалось остальными

ее частями: им казалось, что гусарский полк — на отдыхе. Почти каждодневно начдив Жуков и комиссар дивизии Сергунов доказывали мне, что без гусарского полка дивизия не боеспособна. Но все мои усилия, все приказы Кудинскому вернуть гусарский полк в дивизию оставались тщетны. Вытянуть дивизию в поле из ее стоянки (Бахмут - Луганск) было не легко. В Луганске дело осложнилось пьянством, развившимся в драгунском полку. Луганский совет, в похвальном стремлении раздобыться деньгами, решил открыть виноторговлю и пошло такое безобразие, что Саблин возопил по «всем, всем» адресам. Полк в полуразваленном состоянии, удалось вырвать из этой разлагающей обстановки только после серьезного воздействия.

В Бахмуте погрузка остальных частей 4-й кавалерийской дивизии также протекала неблагополучно.

Чтобы сломить саботажные настроения и побудить дивизию к действию, пришлось арестовать кой-кого из ее командного состава. Одновременно шла канитель и с частями 3-й кавдивизии. Я уже сообщал, что большая половина ее заявила «нейтралитет» в гражданской войне. 31-го января я был в расположении дивизии в Гришино, но застал уже полный разброд. Солдаты торговали имуществом дивизии. Дивизионный комитет продолжал давать сладкие обещания, из которых была выполнена лишь ничтожная часть, — выделены 2 эскадрона и одна батарея.

Я был весьма озабочен скорейшим сосредоточением сил для стремительного удара к Ростову, пока калединщина не вышуталась из внутридонских смут. Всюду разослал я требования о спешной присылке подкреплений.

И здесь окончательно созрел давно назревавший конфликт с Кудинским. Он не только не прислал 4-го гусарского полка, но задержал еще у себя ряд частей, предназначенных для Калединского фронта, введя их в свою, подчиненную Муравьеву, «армию». Я вынужден был объявить его лишенным всех полномочий, мною ему данных, и предать суду за неисполнение моих предписаний. От суда он уклонился под крыло Н. И. Подвойского и Мехоношина, снабдивших его новыми полномочиями по продовольственной части. Но мои требования об отправке мне задержанных им частей, он выполнил (за исключением возвращения гусарского полка, — последний объявил себя «реоргани-

зующимся на началах социалистической армии»). Всего от Кудинского явились — отряд Московской красной гвардии (д-ра Знаменского) до 200 чел. с парой пулеметов, Рославльский отряд (до 200 чел. при 2 орудиях), «Железный батальон» и мортирная батарея (в 2 орудия).

Все эти части оказались плохо дисциплинированными и мало-боевыми. Но Муравьев получил хороший повод для пылких телеграмм о своем самоотвержении.

Куда больше значения имели подкрепления, прибывающие с Северного фронта. Прибыли к 1-му февраля 435-й Ямбургский пехотный полк, 2-му февраля 3-й латышский Вяземский полк (до 400 штыков), 3-му февраля 18-й Сибирский стрелковый полк затем 13-й тяжелый артдивизион (3 батареи по 4 орудия) и 5-я Сибирская артбригада (4 батареи), последняя подтянулась только к 20-му февраля. Из технических частей прибыли 2 роты 12 железнодорожного и одна 24-го батальонов, прожекторная команда (направленная к Сиверсу), под конец — даже понтонный батальон, так и не использованный.

1-го февраля Луганский ревком двинул к Саблину батальон красной гвардии в 700 человек.

Вначале серьезным препятствием к направлению фронтовых частей ко мне явился мой Харьковский тыловой «штаб». «Представитель Наркома» тов. Медведев вообразил себя в праве, без моего согласия, распоряжаться военными силами и отдавать оперативные распоряжения. Он отправил Муравьеву 11-й Сибирский полк и батарею, дал приказание 2-му отряду Петроградских красногвардейцев следовать из Александровска в Екатеринослав, чтобы помочь справиться с новыми казачьими эшелонами, пытавшимися пробиться на Дон (29.—31 января у Верховцево и Пятихатки). Самоуправство Медведева прекратилось лишь после моего категорического приказа не вмешиваться в оперативную часть и в распоряжение войсками. 2-ой Петроградский отряд я вызвал из Екатеринослава и послал к Саблину.

Но этот же беспорядок, а также сведения о толпе бездельников, жиреющих при Харьковском штабе, заставили меня решиться на ликвидацию моего Харьковского представительства. Оно было раскассировано в начале февраля; Медведев послан к Саблину, Брянский уехал в Москву, а работники Политотдела (Маурер,

Коляденко) вошли в Харьковский военно-революционный штаб, созданный Харьковскими товарищами с моего согласия. В Харькове остались лишь некоторые тыловые учреждения.

К началу февраля установилось, наконец, и наше летное дело. В Харькове оставлен «авиоштаб» с Гермашевым, в Полтаву была отправлена группа летчиков (3-я эскадрилья), вызвавшая справедливые нарекания Муравьева за свою бездеятельность. В Славянске с 21-го января наладилась фронтовая база. Полеты вначале были неудачны.

Через неделю отряд т. Шумана из Славянска переведен в Петруньки под Луганском и начала налаживаться авиобаза в Никитовке с летчиком Ласкиным.

Тов. Крылов из Александровска сообщал о прибытии туда 20/1 авиационной мастерской 11-го авиодивизиона Юго-Западного фронта и о наличии в Александровске вполне способной к действию эскадрильи в шесть аэропланов.

31-го января он собирался организовать налет на Таганрог, — сделать снимки неприятельских позиций, обстрелять и бомбардировать неприятельскую артиллерию. В Александровске он организовал изготовление авиационных бомб, которыми были снабжены затем наши авиоотряды. Полету к Таганрогу помешал туман, а также отвлечение Крылова разоружением в Орехове 48-го Украинского полка.

В начале февраля Крылов вызван мною в Иловайское, для соединения с эскадрильей Ласкина и создания базы в Мариуполе.

Непрерывно приходилось мне отвлекаться к вопросам промышленности Донбаса. По соглашению с Центральным Бюро рудничных комитетов, я уполномочил тов. Жданова, пожилого делового рабочего, по вопросам снабжения топливом и по разгрузке жел. дорог. Он очень ретиво и толково вел дело, находясь в постоянном контакте с рабочими, ревкомаами и организациями жел. дор. Между прочим, им был возбужден вопрос о возвращении на шахты из красной гвардии забойщиков.

Прекрасно сознавая всю невозможность заниматься попутно нуждами каменноугольной промышленности, я неоднократно взывал и к Совнаркому в Питер и к Харьковским товарищам, чтобы установили, наконец, отчетливые взаимоотношения в Донбасе и поддержали его деньгами и продовольствием.

Я рассказал уже в другом месте, каковы были результаты этих призывов.

Не совсем дружелюбные отношения сложились у меня с обосновавшимся в Никитовке «Центральным Штабом красной гвардии Донецкого бассейна». На конференции рудничных комитетов, кажется в конце января, я говорил с большою похвалою о самоотверженной доблести рабочей красной гвардии. Но Центроштабу я неоднократно указывал на чрезвычайную неподготовленность и недисциплинированность посылаемых им на фронт пополнений и на полное отсутствие мер с его стороны для борьбы с чрезвычайно сильно распространившимся дезертирством красногвардейцев. Нами были через Центроштаб отпущены громадные количества обмундирования и вооружения, а на фронте красногвардейцы из Донбаса насчитывались несколькими сотнями человек. Получившие обмундирование, вооружение спокойно уходили по домам, в лучшем случае, несли местные караулы.

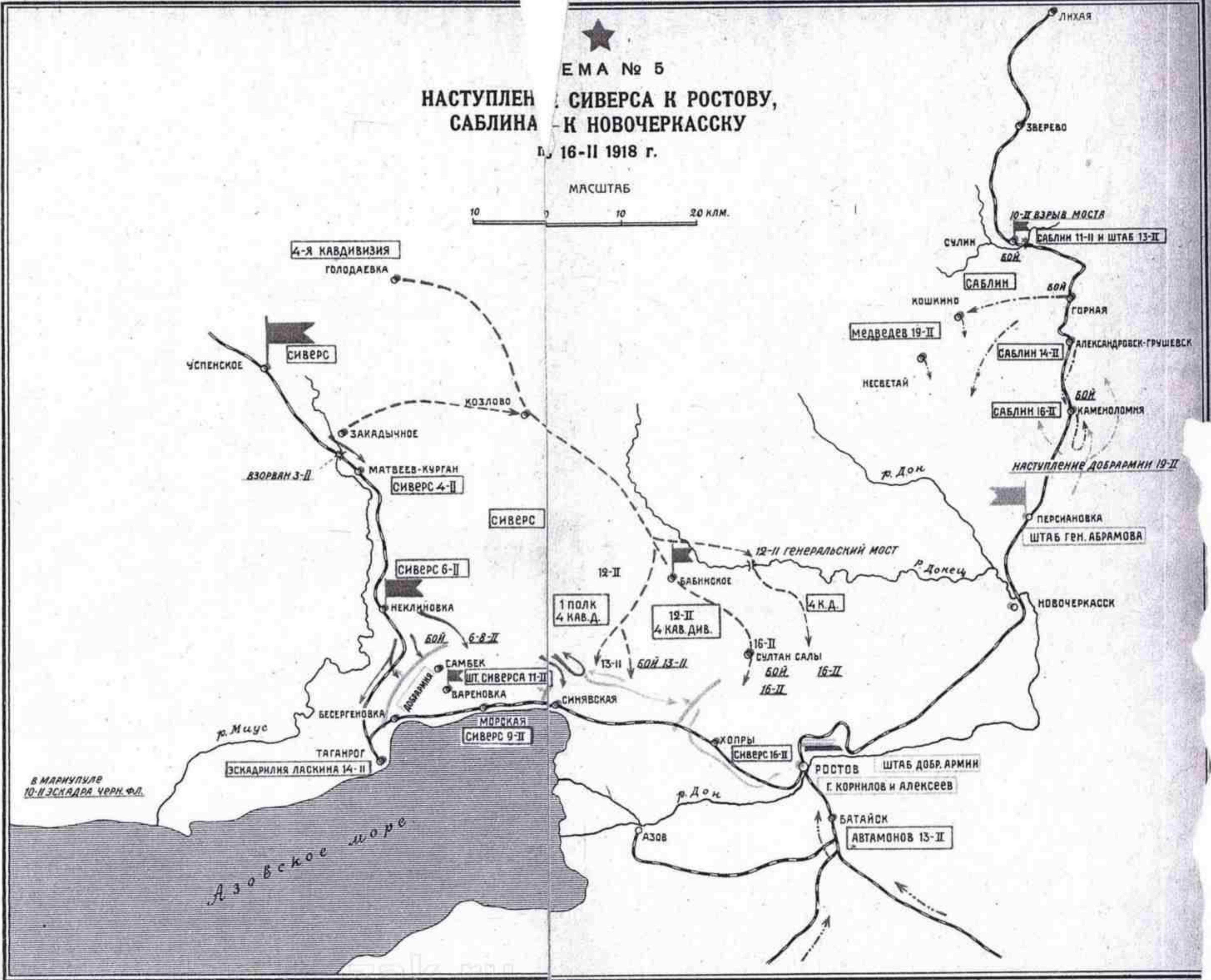

ЕМА № 5

НАСТУПЛЕНИЕ СИВЕРСА К РОСТОВУ, САБЛИНА К НОВОЧЕРКАССКУ

16-II 1918 г.

МАСШТАБ

4-Я КАВДИВИЗИЯ
ГОЛОДАЕВКА

УСПЕНСКОЕ
СИВЕРС

КОЗЛОВО
ЗАКАДЫЧНОЕ

ВЗОРВАН 3-II
МАТВЕЕВ-КУРГАН
СИВЕРС 4-II

СИВЕРС

СИВЕРС 6-II

НЕКЛИНОВКА

БОЙ 6-8-II

САМБЕК
ШТ. СИВЕРСА 11-II
ВАРЕНОВКА

БЕСЕРГЕНОВКА
МОРСКАЯ
СИВЕРС 9-II

ТАГАНРОГ
ЭСКАДРИЛЯ ЛАСКИНА 14-II

В МАРИУПОЛЕ
10-II ЭСКАДРА ЧЕРН. ФЛ.

Азовское море

12-II

1 ПОЛК
4 КАВ. Д.

12-II
4 КАВ. ДИВ.

13-II БОЙ 13-II

16-II
СУЛТАН САЛЫ
БОЙ 16-II

ХОПРЫ
СИВЕРС 16-II

РОСТОВ
ШТАБ ДОБР. АРМИИ
Г. КОРНИЛОВ И АЛЕКСЕЕВ

БАТАЙСК
АВТАМОНОВ 13-II

ПЕРСИАНОВКА
ШТАБ ГЕН. АБРАМОВА

НАСТУПЛЕНИЕ ДОБРАРМИИ 19-II

САБЛИН 16-II

САБЛИН 14-II

МЕДВЕДЕВ 19-II

САБЛИН

САБЛИН 11-II И ШТАБ 13-II

10-II ВЗРЫВ МОСТА

ЗВЕРЕВО

ЛИХАЯ

СУЛИН

КОШКИНО

НЕСВЕТАЙ

ГОРНАЯ

АЛЕКСАНДРОВСК-ГРУШЕВСК

КАМЕНОЛОМНЯ

р. Дон

р. Донец

НОВОЧЕРКАССК

р. Дон

АЗОВ

ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА К СХЕМЕ № 5

1) Сиверс, развивая наступление на Ростов (см. об. зап. № 4), 6/II занял Неклиновку, 10/II — Таганрог, куда и перебравась эскадрилья Ласкина; 21/I Сиверс от станции Хопры повел решительное наступление на Ростов.

2) 4-я кав. дивизия, подчиненная Сиверсу, направлена последним на Ростов со стороны Генеральского Моста и с боем заняла 16/II Султан-Салы.

3) Образованная штабом обороны г. Царицына Юго-Восточная армия под командой Автономова (стр. 239), начала стягивать силы к Тихорецкой, дабы отсюда начать действия в тыл Добровольческой армии, штаб которой — в Ростове. 13/II Автономовым занят Батайск, где части армии начали митинговать.

ГЛАВА X

Разгром корниловцев у Матвеева-Кургана. Поражение и гибель Чернецова. Действия Юго-Вост. армии. Растерянность в Новочеркасске. Самоубийство Каледина. Стратегическое окружение завершено.

С 3-го февраля Сиверс, окончательно оправившись, перешел в наступление.

Вечером этого дня я был у него в Штабе и наблюдал начало этой операции.

Противник, исчисляемый нашей разведкой в два батальона юнкеров и корниловцев при двух бронемашинах и бронеплощадке с двумя горными орудиями, занимал ст. и село Матвеев-Курган. Жел.-дор. мост на реке Миус был противником взорван. Бронеплощадка «кадетов» действовала очень храбро, доходя до самого моста и не давая нашей железнодорожной роте подступиться.

Численный перевес у Сиверса был громаден. Противник, сверх того, видимо, терпел недостаток в снарядах, и его артиллерия постреливала очень скудно.

Вечером Сиверс двинул самую крупную свою часть—первый отряд петроградцев с комиссаром Е. Трифоновым, в глубокий обход на ст. Денисовку, где были, по нашим сведениям, расположены неприятельские резервы. Отряд выступил под прикрытием темноты, но вскоре мы увидели вдали зарево костров—это петроградцы согревались, расположившись на отдых... В обход правого фланга «кадет» был двинут батальон Потапова с нежинскими драгунами. Артиллерия—три четырехорудийных батареи заняли позиции для перекрестного обстрела станции. Ранним утром, под прикрытием беглого артиллерийского огня, жидкие наши цепи начали наступать к селу. К мосту выдвинулся мощный бронепоезд тов. Годлевского с морскими орудиями,—неприятельская бронеплощадка быстро дала задний

ход. Противник отстреливался жидко и отступил без рукопашной. По остаткам моста мы (штабные) перебрались через речку. На станции стояла пара горевших эшелонов, валялось кой-какое вооружение. Издали доносилась орудийная пальба. Это обходная колонна громила удиравшие эшелоны корниловцев.

6-го февраля Сиверс доносил официально:

«Из М. Кургана, записка ст. Никитовка Наркому Антонову: М. Курган нами взят 4 февраля, юнкера с боем отступили к Денисовке, где были встречены фланговой колонной Трифонова и потом Потапова, в беспорядке бежали в юго-восточном направлении, захвачено три орудия, масса пулеметов, бомбометов и взрывчатых веществ и проч. боевое оружие, вещи, продуктивное снабжение. Каледиинцы понесли большие потери и рассеяны».

Потери наши были незначительны. Сиверс немедленно развернул наступление дальше к Таганрогу.

Я тотчас же вызвал в поддержку Сиверса все наличные резервы и сам поехал в Бахмут, чтобы побудить к выступлению 4-ю кавдивизию. Выше уже сказано, что двинуть дивизию удалось лишь с трудом.

По моему плану, дивизия, оставаясь в моем непосредственном подчинении, должна была, прикрывая левый фланг колонны Сиверса, наступать к Ростову основным ядром через Голодаевку по тракту через Бабинскую и дальше—Султан-Салы.

Об этом движении я сговорился с комдивом тов. Жуковым, при свидании с ним 4-го февраля.

В Иловайской была оборудована соответствующая продбаза. Стягивание дивизии производилось по частям, так как ст. Иловайская не в состоянии была принять стольких эшелонов.

7-го февраля Начдив Жуков сообщал мне из Иловайской: «Драгуны выгрузились и находятся в Голодаевке. Уланы — также, их разъезд уже в Голодаевке. Стрелковый полк прошел Закадычное».

Непосредственно в распоряжение Сиверса мною направлен 3-й Вяземский латышский полк (до 400 штыков), следом за ним две батареи 13-го тяжелого артдивизиона и 18-й Сибирский стрелковый полк, до того сжившийся на Северном фронте с 3-м латышским, что был с ним повсюду неразлучен. Кроме того, к

Сиверсу подошли посланные Центроштабом пополнения в 1-й Донецкий революционный полк (всего до 2 рот) и сформированная тов. Крачковским рота германских военнопленных (100 ч. при 4 пулеметах).

Не мешает здесь остановиться на формированиях из среды военнопленных.

Попытки таких формирований повелись с первых дней появления Сиверса в Донбасе и в начале были неудачны. Одну сформированную из германцев роту пришлось распустить, после следующего, рассказанного очевидцем, эпизода. Роте этой производился смотр. Она весьма стройно проделывала все перестройки. Командующий похвалил роту на немецком языке. Вся, как один, она отвечала: «Гох, кайзер Вильгельм!»

Вообще, немецкие военнопленные оказались весьма невосприимчивы к нашей агитации.

Участие немецких солдат в нашей борьбе с корниловцами было ничтожным (всего эта сотня в отряде Шимановского) и нам доставляло большое веселье читать в Новочеркасской официальной газете «Вольный Дон» сообщения о том, что против «казачества» действуют переодетые немецкие солдаты и всей операцией руководят офицеры Германского Генерального штаба.

Наступление Сиверса к Таганрогу сильно затруднялось порчей жел. дор. и распутицей. И подвоз припасов и продуктов к колонне Сиверса до крайности затруднялся.

Первая рота 24-го железнодорожного батальона, получив приказ на починку взорванного корниловцами сорокасаженного моста на р. Миус, с 5-го февраля, подстегнутая моим обещанием специальной премии, ретиво принялась за починку, работала круглые сутки и уже к 7-му февраля по мосту прошел наш бронепоезд. Подправлен мост был, конечно, простовато—поднят и положен на клети, но дело свое стал выполнять. Более основательная починка его продолжалась и закончена к 12-му февраля.

7-го февраля я мог сообщить Сиверсу, что латышский полк в пути к нему как и часть 13-го тяжелого артдивизиона (2 батареи по 4 орудия) и указывал направить их к Саженой и Каменному мосту в связь со стрелковым полком 4-й кавдивизии, который идет из Козлова в Милость Куракино. До прибытия

тяжелых батарей, я рекомендовал придать латышскому полку батарею 17-го корпуса.

Сиверс вскоре встретил, однако, серьезный отпор. Корниловцы сопротивлялись на оба фронта.

Предместья Таганрога они подвергли бомбардировке. Сиверса задержали и даже потеснили в Ряженое.

Большое значение имело для нас выяснение неприятельских сил. Сведения о противнике были весьма скудны. Я пытался применить воздушную разведку. Но отряд Ласкина был на колесах. Я сговорился с летчиком Шуманом, нач. 1-й эскадрилии (под Луганском), что он попытается обслужить оба района. Но туман мешал дальним полетам к Синявской, и Шуман ограничился выполнением заданий лишь для колонны Саблина.

6-го февраля Сиверс сообщал такие сведения о противнике: в Самбек — 300 штыков, 2 орудия, в Курлацкой — 100 сабель, в Бессергеновской — 200 штыков, артиллерия противника обстреливает Таганрог.

Юнкера пытались задержать наше наступление у Ряженого, но были сбиты.

9-го февраля я дал из штаба Сиверса ряд распоряжений: «ст. Неклиновка, Ряженое, Матвеев-Курган, ЗК. — Немедленно передайте начальнику 4-й кавдивизии и в штадив предписание — стрелков подтянуть к остальным частям дивизии, создав общую группу. Сообщите о данных разведки в штаб Сиверса в Неклиновку; разведку продолжайте. Юнкера ушли к Синявской под угрозой обхода».

«Меловая у Луганска. Начальнику летательной эскадрилии Шуману: — Не сможете ли сегодня выполнить вчерашнее задание? Наблюдайте аккуратно за движением войск, чтобы не потрепать своих. Донесения в штаб Сиверса, в Неклиновку».

«Моспино. Начотряда Шимановскому. Немедленно отправьтесь со своим отрядом в Иловайскую для сопровождения в Таганрог аэропланной команды Ласкина, о котором узнать у коменданта станции. Тов. Ласкина и меня немедленно уведомьте об исполнении. Распоряжение мое сделано по уведомлению Сиверса».

«Криничная, командиру и комиссару 1-й батареи 13-го тяжелого дивизиона. — Вам надлежит немедленно выехать через Иловайское по направлению к Таганрогу в Неклиновку, в рас-

поражение командующего 3-й колонной Сиверса. Следом за вами туда же выезжает 3-я батарея 13-го дивизиона. Путь до Таганрога в наших руках и надежно прикрыт кавалерией и пехотой».

Одновременно Сиверс давал следующую официальную сводку: «Фронт 3-й колонны революционных войск за 8-е февраля. Наши части заняли всю линию жел. дор. от Никитовки до Марцево. Сообщение с Таганрогом установлено. К востоку от жел.-дор. линии наши части заняли слободку Курлацкую и двигаются на деревню Каменный мост. Боевые действия в этом районе ограничиваются стычками разъездов. На линии Таганрог — Ростов у станции Бессергеновки и у Цементного завода весь день шла артиллерийская перестрелка. С нашей стороны действует броневой поезд. Цементный завод несколько раз переходил из рук в руки».

10-го февраля я мог телеграфировать в Петроград, Совет Народных Комиссаров:

«После разгрома каледиинцев у Матвеева-Кургана и тщетной попытки сдержать нас у Ряженое, каледиинцы выдержали двухдневный бой под самым Таганрогом, но под угрозой обхода правого фланга со стороны Дежниковки, отошли, разрушая дороги и станции. Путь к Таганрогу очищен. Таганрог в руках красной гвардии. Таганрог свободен от каледиинцев. Наши продолжают наступление к Ростову. Каледиинцы пытались окопаться между станцией Морской и Синявской. С казачьей деревни казаки воспрепятствовали, каледиинцы сожгли деревню. Морская нами занята».

Одновременно еще более решительный перелом наступил на Новочеркасском направлении.

Начальник воздушных эскадр Донбаса
т. Ласкин

3-го февраля Саблин сообщал:

«Наши авангарды у Должанской. Все части, оперирующие Звереве, в виду морального разложения, пришлось отвести в резерв.

Маркин, во имя политических соображений, требует немедленно наступления на Звереве и Лихую. Сейчас занят регистрацией подошедших подкреплений. Пока прибыли: 2-й отряд Петроградской красной гвардии, Московский (начальник тов. Знаменский) и Рославльский отряды, «Железный батальон», все с невероятно громкими названиями и начальниками, претендующими на полную самостоятельность. Блиндированный поезд из Никитовки по слухам вышел еще вчера, ко мне еще не приходил, о бронированных площадках никаких сведений. Драгуны сейчас стоят в Дебальцево и скоро проследуют дальше. Аэропланы прибыли в Луганск. Продажа водки прекращена. Саблин».

В тот же день он просил о придании ему 4-й кавдивизии. В этом я ему отказал, предложив просить кавалерию у Донревкома. Одновременно я извещал Саблина, что 4-го февраля буду в Дебальцево, где рассчитываю видеть гг. Петрова, Маркина и Герасимова (от Донревкома). Но в Дебальцево я не застал ни Петрова, ни членов казачьего ревкома. Саблин говорил о превосходных силах каледицев, и о неорганизованности казаков.

5-го февраля он, приглаживая наше поражение, сообщал официально:

«Бюллетень на 3 февраля по 2 уч. Юго-Восточного фронта. Начавшиеся 29 января бои в направлениях на Лихую и Звереве продолжались с переменным успехом. Весь день 30 и 31 числа, когда нашими передовыми частями удалось занять ст. Лихую и Замчалово и вплотную подойти к ст. Звереве, дальнейшее продвижение вперед было остановлено наметившимся глубоким обходом противника от ст. Сулин, авангардные части которого вступили в бой с нашими частями у ст. Гуково. Одновременно появились крупные силы противника с артиллерией на броневых площадках от ст. Каменской и наметился обход наших частей передовых от ст. Гундоровская на ст. Изворино Сев. Дон. ж. д. Наши передовые части, оставив Лихую, отошли на ст. Изворино. 19-го января бои возобновились с новой силой, причем противником со стороны Звереве были введены свежие силы офицерского батальона, действовавшего под прикрытием

артиллерии, а к ст. Гуково подошли главные силы обходной колонны. Благодаря этому, передовые части, стоявшие на ст. Замчалово и у ст. Зверево, должны были с боем у Гуково отойти на ст. Должанскую. Наши потери значительны, потери противника превышают в несколько раз наши. Среди убитых офицерского батальона — граф Ростовцев и Семенов-Тяншанский. Из показаний многочисленных пленных выясняется, что казачество в его целом отшатывается от Каледина и окружающих его юнкеров и офицеров, боевыми действиями которых руководят в Таганроге Корнилов, в Новочеркасске Алексеев и Деникин. Кроме известных уже лиц, в роде Баткина, Грузинова и других в Новочеркасске находятся бр. Рябушинские, Третьяков, Бурышкин и другие видные представители торгово-промышленного мира и другие видные деятели Московских и Петроградских промышленных кругов».

Сведения о противнике у нас были вообще довольно не точны и явно преувеличены. Иногда казалось, что они исходят из определенно контр-революционных кругов (особенно злобно лгали иные жел.-дор. служащие). Обнаружился и неуловимый шпион Макаров, о расстреле которого взывал издавека, сам его нам приславший, Муравьев. Макаров вдруг прислал с какой-то мелкой станции сообщение о «двух тысячах юнкеров», грозящих отрезать Саблина глубоким обходом. Наша контр-разведка так и не сумела набрести на след этого ловкого шпиона.

Применить разведку воздушную мы пытались, но с малым успехом из-за тумана.

Неожиданно, через пару дней пришло извещение о поражении партизанского отряда Чернецова.

Подробности установились позднее. 28 и 29 января смелым налетом чернецовцы овладели станциями Лихая и Зверево, оставив на этих станциях одну роту отряда с двумя орудиями, остальными силами они повели наступление к Каменской. Некоторое сопротивление они встретили лишь у Северо-Донецкой, куда подоспели, в помощь Ревкому, два небольших отряда красной гвардии (в общем до 90 ч. с 5 пулеметами) из Черткова. Обрывав переговоры с Ревкомом, Чернецов открыл стрельбу и, после шестичасовой перестрелки, наши отступили. Калединцы 30-го января заняли Каменскую.

В эту пору Саблин стал нажимать на Лихую, Звереву и занял эти станции.

Чернецов, оставив в Каменской заслон, бросился с остальными силами на Саблина.

Дикая паника охватила наши красногвардейские отряды — харьковцев и 3-й Московский отряд, а также батальон 85-го полка. Чернецовцы не только восстановили положение, но и оттеснили Саблина в исходное положение. Успокоившись за свой левый фланг, тем более, что к нему подошло подкрепление (отряд полковника Борисова, в ночь на 2 февраля занявший ст. Гуково), Чернецов решил наступать на Глубокую, предприняв ночью дальний обход. 3-го февраля он было захватил Глубокую, но здесь напоролся на основные силы Донревкома, предводимые Голубовым.

Тов. Сырцов о дальнейшем сообщал 6-го февраля из Воронежа так:

«2-го февраля партизанский отряд Чернецова, занявший Каменскую, начал наступление на Глубокую. Отражали революционные казачьи части и отряд 1-ой рев. армии под начальством Петрова. Бой был чрезвычайно ожесточенный, потери с обеих сторон большие. Нападение было отбито, путь к отступлению к Новочеркаску отрезан. Вечером действиями казачьей батареи, 44-го полка и особенно 27-го казачьего полка, отряд Чернецова был разбит на-голову. Есаул Чернецов, произведенный войсковым правительством за действия против революции в полковники, был взят в плен вместе с 40 юнкерами и офицерами. По дороге арестованные сделали попытку побега и были расстреляны казачьим конвоем. Убит Чернецов. Уцелевшие из отряда Чернецова разбежались в панике. Производится очистка района Глубокой и Каменской от остатков чернецовского отряда. Поведение революционных казачьих частей, Луганских и Донских рабочих выше похвалы. Производится в настоящее время мобилизация в волостях и станицах области, формируются отряды для решительной схватки. Положение В. Р. К. среди населения области укрепляется. В Петроград поехали делегаты к 1, 4 и 14-му казачьим полкам для вывода их на калединский фронт. Впоследствии выяснилось, что Чернецов зарублен Подтелковым и что гибель Чернецова страшно огорчила Голубова.

Впоследствии (15-го февраля) бюро Донревкома сообщало об этих событиях:

«На Дону казачий съезд в станице Каменской 23-го января объявил Войсковое Правительство Каледина низложенным, всю власть на Дону передал впредь до образования трудовой власти избранному Военно-Революционному Комитету, который стал работать совместно с Военно-Революционным Комитетом Донской области из Ростова на Дону с Донецким окружным советом казачьих раб. кр. и солд. депутатов. 13-го января в Комитет приезжали делегаты, Войскового Правительства, во главе с председателем Войскового Круга Агеевым. Честным именем атамана Каледина делегация уверяла комитет, что Войсковое Правительство не допускает гражданской войны против трудового казачества, что трудовое казачество было предательски обмануто генеральским помещичьим Войсковым Правительством, и предлагала прислать в Новочеркасск делегацию для мирного улажения конфликта. Делегация В. Р. К. была задержана в Новочеркасске и по приказу Войскового Правительства офицерские и юнкерские банды головорезы напали врасплох, 29-го января, на фронтовое казачество. Неподозревавшие измены и застигнутые врасплох, полуразъехавшиеся по домам казачьи части были оттиснуты со ст. Лисок и Зверев, неуспевшим еще собраться казачьим частям пришлось отойти из станицы Каменской. К этому времени революционные казачьи части соединились с рабочими и крестьянами и отрядами 1-ой революционной армии. 2-го февраля партизанские банды обошли Глубокую. Революционные войска в последнюю минуту дрогнули и бежали, затем бесстрашным отпором отразили натиск каледицев. Отряд Чернецова был смят и обращен в бегство. Сам Чернецов

Войсковой старшина Голубов,
ком. войсками Донревкома

и 40 офицеров были взяты в плен; по дороге Чернецов пытался стрелять в конвоировавшего его Председателя В. Р. К., за что был им убит. Был бой необычайно жестокий. Калединцы добивали раненых.

Оставшиеся чернецовцы настолько пали духом, что не смогли уже сколько-нибудь стойко держаться, несмотря на подход к ним подкреплений из Новочеркасска. Однако, они продолжали занимать станицу Глубокую.

Выяснить расположение противника воздушной разведкой не удалось. Начальник первой эскадрилии тов. Шуман 7-го февраля доносил:

«Из Луганска. Доношу о сегодняшней моей разведке. Сего числа, я согласно вашего задания, вылетел в 14 час. по маршруту аэродром - Сев. Дон - Гундоровская - Каменская - Глубокая - Греченская и аэродром. Подходя к Каменской со стороны Лихой, надвинулись на первую густые тучи, так что Каменское пришлось видеть только через окно. Над Каменской сделал несколько кругов, заметил два дымящихся паровоза и немного вагонов. На Лихую - Звереву не удалось из-за облачности. На полустанке или малой станции между Глубокой и Каменской стоял один состав товарного поезда, с паровозом в сторону Каменской, из Каменской на эту станцию тоже шел поезд. От Глубокой на север шел полным ходом паровоз. Завтра к вечеру, если погода позволит, можно будет произвести полеты на разведывательном. Палатки поставлены. Прошу автомобилей и все прочее. Полет был совершен на «Ньюпоре» 23, мотор Роон 120 НР, время спуска 16 час. продолжительность 1 ч. 50 мин., высота 2.000 метров».

К этому времени, к Саблину подошел бравый отряд черноморцев (400 ч. 4 орудия на двух площадках), под командой Мокроусова.

По моему совету, он не оставил их засиживаться в тылу, а сразу бросил на фронт.

Утром 8-го февраля Звереву и Лихая были заняты черноморцами. Потери наши были невелики. Калединцы поспешно бежали, портя дороги. Разложение в казачьем тылу не стало нам своевременно известно. Действия Саблина и Дорревкома оставались нерешительными. И я не торопил Саблина, так как в мои расчеты входило занять Ростов, раньше Новочеркасска.

Все же к 7 февраля наши части владели не только районом станций Лихая, Звереве, но продвинулись до ст. Сулин, встречая лишь ничтожное сопротивление со стороны каледиинцев. Каменская оставалась занята остатками отряда Чернецова. 5-го февраля оттуда предпринят налет на Глубокую, где захвачены у революционных казаков 6 орудий. Донревком все не мог собраться с силами для развития своего наступления. По совету близкого к его работе тов. Сырцова, он решился, наконец, на мобилизацию в станицах и волостях признавшего его власть района.

Подтелков, уведомляя меня об объявленной 4-го февраля Донревкомом мобилизации, просил распорядиться выдачей 10.000 комплектов обмундирования и вооружения, а также 2-х вагонов патронов и снарядов.

Мобилизация, объявленная Донревкомом, проходила малоуспешно. Сказывалось не только нежелание казачества воевать, но и совершенная неподготовленность Донревкома к организации армии. Явившиеся на сборные пункты мобилизованные не находили ни продовольствия, ни обмундирования, ни кадров, которые могли бы взять их в руки. Мобилизация проваливалась. Ясно было, что рассчитывать приходится на наличные силы и приток их с фронта.

В Питере понимали положение вещей, и я получил запрос — не желательна ли присылка на Дон расположенных в столице 1, 4 и 14-го Донполков. Донревком горячо поддержал предложение Петроградского Военокруга (тов. Еремеев) и послал делегатов для вывода этих полков на Дон. Были приняты меры и к скорейшей отправке с фронта более или менее революционных казачьих частей. Но почти все казачьи части сохранили во главе контр-революционное офицерство, и оно сумело так настроить фронтовые полки, что те, в большинстве, недоверчиво относились к нам и старались прорваться на Дон без предварительного сговора с нами.

В эту пору главная толща казачьих эшелонов с Румынского и Юго-Западного фронтов тянулась по южным направлениям через Криворожье и Екатеринослав. Здесь происходили почти каждодневно мелкие стычки с казаками, кончавшиеся разоружением казаков. Особенные хлопоты нам причинил 6-й Донской генерала Краснощекова полк.

После короткого сопротивления у Пятихатки, этот полк отбился от остальных казачьих эшелонов, согласившихся сдать оружие, и направился походным порядком к Новочеркаску. Только 4-я сотня этого полка заявила, что идет в распоряжение Довревкома и пропущена нами беспрепятственно к Миллерово. Появление сильной казачьей группы в наших тылах внесло порядочную суматоху в среду рудничных ревкомов, да и в штаб Сиверса.

Я немедленно предписал комиссару Изюмского уезда тов. Шарову выступить против казачьего отряда.

Шаров 13-го февраля настиг казаков близ Межевой, потрепал их изрядно. Затем, 19 февраля перехватил казаков под Ряженое Шимановский со своим небольшим отрядом и 20 февраля вновь Шаров у М.-Кургана. Но все же основному ядру 6-го Донполка удалось проскочить на Дон. Однако, как мы узнали уже потом, по прибытии в Новочеркасск, казаки этого полка заявили о своем «нейтралитете».

Вслед за 6-м казачьим полком, Шарову 10 февраля пришлось заняться, по моему приказу, разоружением остатков окончательно разложившейся 3-й кавдивизии в районе Гришино. Материальная часть дивизии сдана Центроштабу.

К этому же времени, прибыли из под Киева: великолепно сражавшийся там отряд «Донецких жел. дор.» Жлобы и «Макеевский отряд» Рыкюса. Им разрешен мною краткий отдых, с тем, чтобы быть наготове по первому вызову (вызов такой сделан был лишь к 21 февраля).

Понемногу стала налаживаться и работа Центроштаба (в Юзовке). Побудительным толчком к ее развитию послужило извещение об образовании с 3 февраля Всероссийской коллегии по организации рабочей и крестьянской красной армии, в составе от Наркомвоен Крыленко, Механошина, Подвойского и от главного штаба красной гвардии — Трифонова и Юренева. Всероссийская коллегия должна была направлять и согласовывать деятельность местных областных и краевых организаций по формированию, учету боевых единиц и снабжению их всем необходимым. 8-го февраля на имя начальника Центроштаба пришла телеграмма от Питерского штаба красной гвардии о том, что семьи Петроградских красногвардейцев продолжают получать плату от пред-

приятый; красная гвардия перестроивается в красную армию; обещают присылку инструкторов и инструкций для этого перестроения. Центроштаб зашевелился еще энергичнее.

Но все же работа по созданию красногвардейских частей шла не достаточно организованным порядком. Отдельные ревкомы нарушали организационные схемы. Обучение же красногвардейцев было из рук вон плохо. И заменить фронтовые части наша рабочая гвардия не могла.

Главной силой нашей против корниловцев попрежнему являлись фронтовики, особенно кавалерийские, артиллерийские и, вообще, спецчасти. Поэтому извещение, что Совнаркомом объявлен роспуск призывных нескольких годов, подействовало на нас тягостно.

Чрезвычайно удрученный тем, что, при объявлении этой демобилизации, совершенно не были приняты во внимание потребности внутреннего, гражданского фронта, я обратился к Ленину и члену Наркомвоен, тов. Подвойскому, со следующей недопустимо резкой телеграммой:

Петроград, Совет Народных Комиссаров Ленину и Подвойскому: «Неужели сделана такая оплошность, что сразу освобождают по 1906 г.? Прошу разъяснения, — мы здесь не видим почти вовсе газет и вовсе не видим газеты «Армия и Флот». Увольнение сразу трех годов расстроит совершенно наши войска, которые готовы нанести решительный удар, и буквально спасет каледицев от разгрома, затянув надолго борьбу. Все формирования, особенно артиллерийские, кавалерийские и пулеметные, расстроятся, и придется долго чинить прорехи и недочинить их никак. Не следовало без запроса нашего делать такого шага, его мог сознательно сделать только, либо узкий кабинетчик, либо друг Каледина. Прошу немедленно разъяснения, равно и об оплате командного состава. Сделайте разъяснение, что на наших фронтах Дону и Украине, демобилизация будет постепенная, каждые две недели и по одному году, начиная с 1904, который отпустят 24 февраля с. г. и что задержанные получают суточные по рублю за просрочку. Дела идут успешно, не портите их».

На эту телеграмму я получил следующий ответ:

«В Никитовку, Наркому Антонову: Демобилизация с 1904 по 1906 г. после совещания в Петрограде представителей всех

фронтов, Главнокомандующих и Военного Комиссариата в виду совершенного единогласия, принята. Удержите контингенты в вашей армии, повысив им жалование до 50 руб. в месяц и обещав полное обеспечение их семейств со стороны государства. Ленин и Подвойский».

Я вынужден был объявить в приказе о демобилизации.

«8 февраля 1918 г. Согласно разъяснений Совета Народных Комиссаров объявляю:

1) Призывные сроков 1904, 1905, 1906, если не пожелают остаться в рядах революционной армии — подлежат увольнению в запас. В специальных частях, артиллерии, саперных, железнодорожных батальонах, телеграфных ротах, пулеметных командах и т. д. подлежащие увольнению могут быть задержаны до их смены, если от увольнения пострадает часть в боевом отношении.

2) Призывные 1904 г. увольняются от 8-го февраля. Призывные 1905 г. с 14 февраля, призывные 1906 г. с 18 февраля.

3) Для всех революционных армий, действующих против контр-революции в Оренбургской губ., Донской области, Украине, солдатское содержание увеличивается суточными в размере по 1 рублю, начиная с 8 февраля».

На известие о дальнейшей демобилизации, 1907 — 1909 годов, я отозвался приказом от 14 февраля — указав, что эта демобилизация «на революционный фронт, подчиненный мне, не распространяется».

В этом же приказе мной опубликована, на основании приказа Наркомвоен № 5, следующая табель окладов комсоставу: взводный командир, делопроизв., казначей — 350 р.; комроты и начхоз — 400, комполка — 500, начдив — 600, командарм — 700; нач. отдельных отрядов — как комполка; начштаба получают на 50 р. меньше своего командира. Остальное снабжение за деньги по норме.

Среди этих огорчений, мы были обрадованы полученной, наконец, с нашей разведчицей (забыл ее имя, а она сотни раз заслуживает быть упомянутой в этих записках) вестью о действиях 39-й дивизии.

Из привезенного ею письма от 8-го февраля и приложенного к письму приказа № 1 от 7-го февраля следовало, что

казачья военная секция при Царицынском совдепе, штаб обороны гор. Царицына и Бюро Областного Военно-Революционного Комитета Донской области (создавшиеся в январе в Царицыне) организовали штаб «юго-восточной революционной армии» и избрали хорунжего Автономова ее командующим. Этот штаб пополнился представителями 39-й дивизии. Приказ был издан на ст. Тихорецкая и подписан Автономовым, начштаба Коротковым и Секретарем штаба М. Равиковичем.

Дополнительно тов. Равикович сообщал, что уже несколько дней они стягивают силы к Тихорецкой. На линии Торговая-Царицын некоторая опасность представляется со стороны Великокняжеской, где есть калединские партизаны ¹⁾. Против них должны выступить части Елизаветпольского полка из Торговой. Серьезнейшей угрозой является Екатеринодар. Наступавшие из Новороссийска к нему Советские войска были дважды разбиты и потеряли много пулеметов и орудий. 7 февраля предполагалось начать наступление наших войск на Екатеринодар из Кавказской и Армавира с целью занятия ст. Кушевка и ст. Выселки, дабы отрезать Екатеринодар от Ростова.

Но, в виду недостатка в патронах и снарядах, солдаты отказались выступить, и операцию пришлось отложить. Посланы нарочные за вооружением в Царицын и Ставрополь. Отсутствуют и деньги. Полученные из Петрограда 800 тыс. уже на исходе. Казачество, в основной массе, на нашей стороне. Отовсюду подходят революционные солдаты. К 14-му февраля Юго-Восточная армия рассчитывает выполнить задание — занять Батайск.

Подоспели и известия от комиссара 5-ой Кубанской казачьей дивизии тов. Мирошниченко. Оказалось, что дивизия уже прибыла на Кубань, но здесь рассеялась. Мирошниченко сообщал, что 15 февраля едет на съезд Сальского округа, и что 25 февраля собирается в Белой Глине съезд фронтовых казаков Кубанского войска. Вслед за тем, он просит разрешение созвать 5-ю дивизию для действий против Екатеринодара. Я дал ему просимое разрешение.

Но вообще мы были крайне слабо связаны с Кубанью и Ставрополем. Доходили лишь смутные слухи о полной изоляции

¹⁾ Примечание: В Великокняжеской штаб Донской казачьей дивизии формировал добровольческие отряды из казаков и калмыков.

на Кубани Екатеринодара, занятого «дикой дивизией» — все станции были на стороне «большевиков». В Ингушетии шла ожесточенная борьба горцев с терскими казаками. Терцы, фронтовики настроены были впрочем «противоатамански»; атаман Караулов был убит недалеко от Грозного возвращавшимися с фронта солдатами.

К этому времени, пришла тревожная телеграмма из Новороссийска:

«5 февраля 1918 г. Севастополь, Центр. флот. — У Екатеринодара идут бои с контр-революционными войсками Каледина. Положение серьезное, умоляем срочно перебросить несколько тысяч винтовок с патронами в Новороссийск, в виду того, что нет возможности убедить солдат, едущих домой с оружием, сдавать таковое. Они помогают Каледину также; эшелоны, под угрозой пулеметного огня, разоружаются в Екатеринодаре. Во избежание этого, просим немедленно два миноносца или один крейсер, с боевыми орудиями, необходима также трех-дюйм. шрапнель. Новороссийский совет».

Я ограничился предложением Севастопольскому ревкому оказать полную поддержку Новороссийску.

7 февраля царицынцами захвачена ст. Чирь и вскоре восстановлено железнодорожное сообщение со ст. Лихой.

8 февраля еще заканчивалась перестрелка у ст. Каменской (Петров, с обычным для него пафосом, сообщал о трехдневных «боях», в которых мы потеряли... трех убитыми и пятерых ранеными, и о меткой стрельбе Московской революционной батареи). 10 февраля тов. Сырцов сообщал из Миллерово:

«Зверево Саблину — Дебальцево. Недостаток сил мешает занять Каменское. Мобилизация не оправдала надежды. Ждем казачьи полки из Петрограда. Чрезвычайно важно кончить 17 февраля, к открытию Войскового Круга».

Между тем, Черноморский отряд Мокроусова приближался к Сулину. Калединцы, отступая, портили дорогу, — в 7 верстах от Сулина они взорвали мост, за починку которого спешно принялась 2-я рота 24-го железнодорожного батальона. О взрыве этого моста, какой-то есаул сообщал 11 февраля в перехваченной нами телеграмме:

«Персиановка, генералу Абрамову: — Мост на Парамоновском руднике взорван. В виду темноты и дождливой погоды, а также

бдительности противника, путь окончательно не испорчен. Имеющиеся повреждения вполне достаточны, чтобы задержать появление поездов противника дней на 6. Прошу дальнейших указаний. Доношу, что у меня рабочих лишь три человека, считая и меня»...

К утру 11 февраля передовые части Саблина (черноморцы) прочно заняли станцию и поселок Сулин. Рабочие встретили их восторженно. Отдельные партизанские дружины сулинцев оказали изрядную услугу войскам, действуя в тылу Калединцев (портили пути, телеграфную связь и т. д.).

10-го февраля Саблин, а вслед за ним и Петров, при поддержке незначительного отряда революционных казаков, заставил, наконец, калединцев очистить Каменскую. Объединенные генералом Усачевым в особый отряд (часть 10-го казачьего полка, остатки чернецовцев и казачья дружина Донского Округа), они попытались было прорваться прямо к Новочеркасску; 12-го февраля у Федоровки внесли мгновенное замешательство в наши части, но были отбиты и вынуждены идти к Калединской столице дальним кружным путем.

11-го февраля Саблин сообщил официально:

«После боя 5-го февраля у ст. Провалье Екатерининской ж. д., окончившегося окончательным закреплением нами за собой этой станции, 6-го февраля — подготовка общего наступления на неприятеля, занимавшего район ст. Каменская-Лихая-Звереве. Наступление началось 6-го февраля утром и продолжалось целый день, тогда к вечеру наши войска на правом фланге после ожесточенного боя заняли ст. Гуково и район ее, а на левом фланге, отогнав противника, закрепились на ст. Плешаково. 8-го февраля с утра бой начался на правом фланге, где наши отряды продолжали продвигаться к Звереве, встречая сильное сопротивление противника. К 3-м часам дня, когда была занята ст. Заповедная и введены в дело все резервы, наша обходная колонна, заняв ст. Черевково, в 10-ти верстах южнее Звереве, заставила противника оставить станцию и отступить на юг. Отсутствие у нашей обходной колонны артиллерии, подрывного материала и быстрота отступления противника не дали возможности захватить его эшелоны, которые успели проскользнуть на юг, обстрелянные с обеих сторон железной дороги, пуле-

метным и оружейным огнем и понеся крупные потери. К 6-ти часам вечера наши войска вступили на ст. Звереве и соединились с обходной колонной. На левом фланге дело ограничилось одной лишь перестрелкой и сборкой пути, испорченного противником, на несколько верст. 9-го утром из Звереве одновременно двинулись два отряда, из коих один двинулся на юг, заняв станцию Черевково, к вечеру занял ст. Сулин и укрепился на ней, а другой двинулся под моим командованием, заняв ст. Замчалово, лежащую на полпути между Звереве и к станции Лихой. Не найдя после занятия ст. Замчалово связи с войсками, наступавшими на Лихую по линии Родаково-Плешаково-Лихая, выехал на бронированном автомобиле навстречу нашим войскам, выступившим утром из Плешаково. Соединившись с ними, принял командование на себя, к вечеру 9-го после горячего артиллерийского боя и незначительной оружейной перестрелки наши войска заняли ст. Лихую. 10-го началось нападение на Лихую поезда с артиллерией противника, обстреливавшего вначале броневик, на котором я выезжал осматривать позиции, а затем попытавшийся обстреливать наши эшелоны. Отогнанный артиллерийским огнем противник после начавшегося боя засим начал продвижение на ст. Каменскую, два раза останавливал наши эшелоны, но терпя поражение и оставляя подбитые пулеметы, оба раза был отогнан нашим артиллерийским огнем с блиндированных вагонов. После последней остановки у полустанка «Северный Донец», 9 верст от Каменской, где противник тщетно пытался взорвать пути, он стянул на ст. Каменскую свои части, где разбежался, переодевшись в штатское платье, а частью, захватив орудия и воспользовавшись наступлением темноты, пошел вниз по течению реки Донец вглубь области Войска Донского, где местными казачьими военно-революционными комитетами приняты меры к его скорейшей ликвидации. К 5-ти часам вечера наши эшелоны, встреченные казачьей делегацией, восторженно приветствовались криками «ура» и возгласами приветствия со стороны представителей трудового казачества. Наступающий на ст. Каменскую Петров вошел в нее через час, когда узнал от нас, что Каменская нами занята. На ст. Каменской нами найдены значительные запасы обмундирования, фуража, снаряжения и продовольствия, которые поступили

в распоряжение революционных войск. Командующий революционными войсками Юго-Восточного фронта Саблин».

К этому времени подоспел к нам отряд кронштадтцев с «главнокомандующим» Каллисом и комиссаром-анархистом Ярчуком во главе. Ребята очень требовательные, они сразу надели на наших снабженцев в Харькове, требуя себе по револьверу, добиваясь придания к отряду батареи и нескольких пулеметов. Я вынужден был их подогнать упреком в недостаточно сознательном отношении к делу и обстановке. Ярчук ответил довольно обидчиво, но отряд тронулся быстро на фронт и влился в колонну Саблина. К Саблину же направлен 435-й полк. Эти подкрепления приободрили наших, и они возобновили наступление к Новочеркаску. 12-го февраля произошла довольно упорная перестрелка у Шахтной.

Стрельба противника была редкая, зато меткая, и наши части ее не выдерживали. Решило дело обходное движение, предпринятое Саблиным со стороны...

13-го февраля Донревком из Воронежа опубликовал следующее официальное сообщение: «всем, всем».

«На Дону 13-го февраля 1918 г. в 19 час. сообщают, что революционные войска находятся в 25 верстах от Новочеркасска. В наших руках Шахтная, Каменоломня. Донской Военно-Революционный Комитет принялся за организацию транспорта угля, первый поезд 60 вагонов уже нагружен и отправлен через Лихую в Царицын. Из Царицына сообщают, что борьба с партизанами в Северных Округах ликвидируется... Организатор партизанских отрядов Попов убит в Обливской. Путь Лихая-Царицын в революционных руках». На юго-восточной линии в районе ж. д. Р-м. К-м. задержан шпион, везший письмо из Ростова от генерала Алексеева в одну из иностранных Миссий. Шпион этот — военнопленный австриец, чех, получивший 100 р. и письмо Алексеева. Ясно, кто питает контр-

Подтелков, председатель
Донского В.-Р. Комитета

революцию и свидетельствует о бесполезности и окончательном поражении ее. Письмо доставлено Совету Народных Комиссаров и будет опубликовано. Мы призываем всех к революционной бдительности. Наша победа близка. Председатель Областного В. Р. К. Донской Области».

Это сообщение было неточным — наше наступление, замедленное порчей железных дорог, преувеличенными сведениями о противнике и неуверенностью за свой тыл и за поведение своих союзников-казаков, развивалось довольно медленно. 13-го февраля мы были в 40 верстах от Новочеркасска и в 10-ти от Каменоломни, сильно занятой каледиинцами.

Донревком, вообще, чрезвычайно ревниво относился к руководству революционной борьбой и 15-го февраля прислал мне такое заявление:

«Во избежание излишнего возбуждения среди казачьего населения, Донской Военно-Революционный комитет считает, что высшая власть в войне с Новочеркасском официально принадлежит ему. Фактически же план всей кампании войны должен исходить от командующего советскими и казачьими войсками, которые действуют в неразрывной связи друг с другом. Председатель Подтелков, Секретарь Кривошлык».

Это заявление по времени совпало со слухами о самоубийстве Каледина. Уже 15-го февраля из Новочеркасских газет я почерпнул подтверждение этих слухов. И в тот же день телеграфировал в Петроград:

«Официально подтверждается в приказе походного атамана войска Донского генерал-майора Назарова от 13-го февраля 1918 г. самоубийство Каледина. В документе говорится: «в заседании своем 29/1 (11-го февраля) правительство, выяснив отсутствие реальной помощи со стороны населения и войск исполнять волю Кругов и Съезда, а также невозможность управлять всей Областью в виду перерыва связи с Новочеркасском, постановило: всему Объединенному Правительству во главе с Войсковым Атаманом сложить свои полномочия и передать управление, в городах — городским самоуправлениям, а в Округах — окружным управлениям и, впредь до созыва должных собраться 17-го февраля Большого Войскового Круга и Съезда неказачьего населения, Управление общими делами Области возложить на временный

Областной комитет общественного порядка. Через полчаса после этого решения Объединенного Войскового Правительства, Войсковой Атаман, генерал-от-кавалерии Каледин покончил свою жизнь самоубийством».

«Приказом № 2 Назарова, объявлена всеобщая мобилизация всех способных носить оружие. Мобилизация дает мало и расстройство казаков растет».

В том же приказе № 1, Назаров сообщает, что согласился принять атаманство только после обещаний делегатов от ряда станиц дать несколько тысяч бойцов против б-ов (одна Новочеркасская обещала выставить до 2000).

Со своей стороны Донревком сообщал:

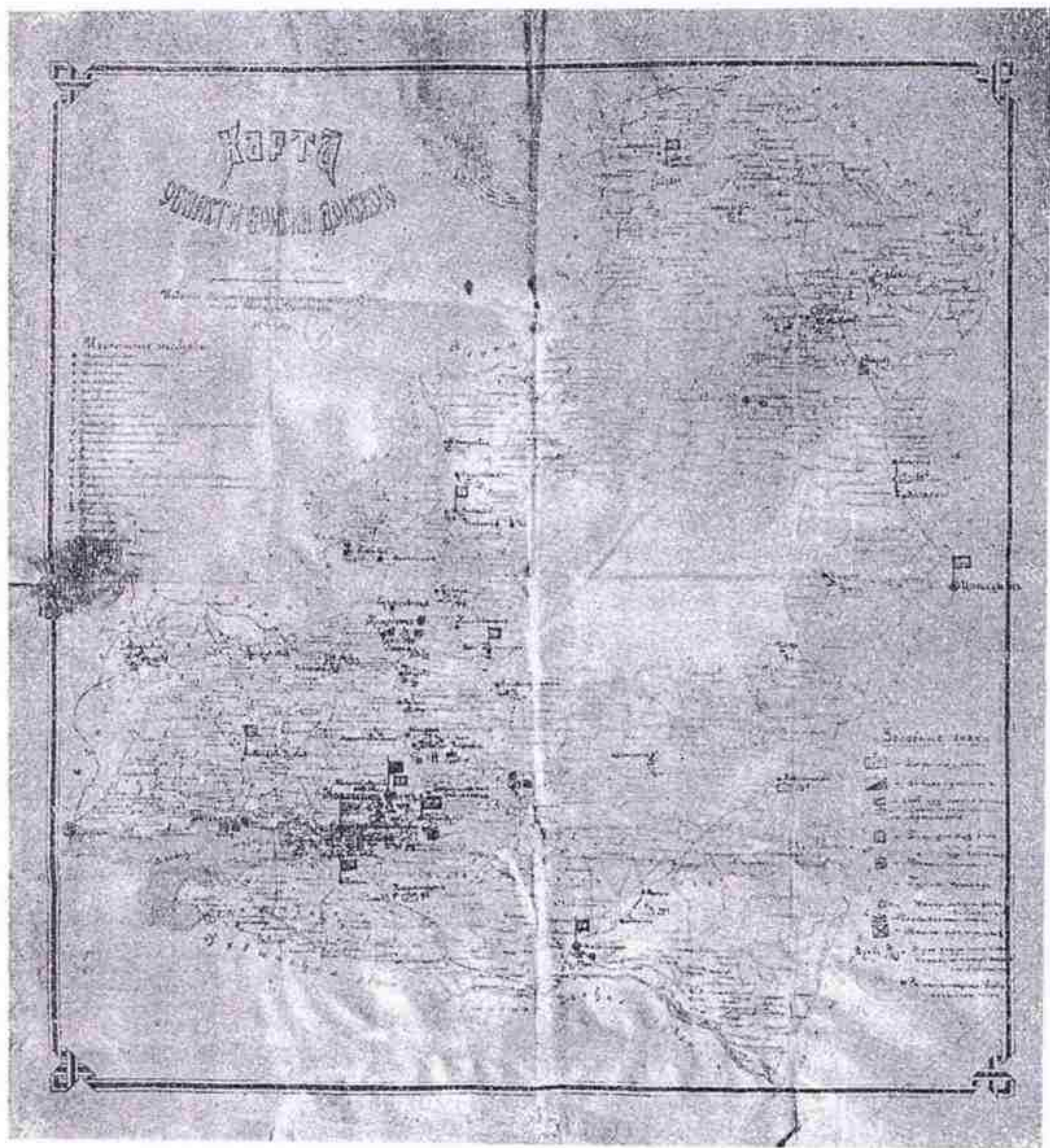
«15/II революционные войска передвигаются со ст. Шахтная на ст. Каменоломня. Со стороны Таганрога реввойсками заняты Морская и Синявская. Со стороны Тихорецкой—Кавказская. Революционная дивизия стоит в 15 верстах от Ростова. По сообщению «Приазовского Края» и по донесениям, Каледин застрелился. По проверке этот факт подтвердился. Повод самоубийства—решение Войскового Правительства сложить полномочия. Военная власть самочинно перешла к усмирителю Ростова генералу Назарову. Из Войскового Правительства исчез Богавский. Уланов и Логичев пошли в отставку, крестьянская часть разъехалась. В Новочеркасске паника, наличные части, стоящие там, обещают поддержку революции. В Ростове движение. Положение на фронте и в области Военно-Революционного Комитета уладилось. Распространившееся было мародерство, благодаря решительным мерам, почти уничтожено. Приехавшая из Петрограда сотня делегатов-агитаторов снабжена инструкциями и разослана по области для организации советов. Председатель Бюро Областного В. Р. Комитета».

Известие о самоубийстве Каледина сразу прояснило перед нами положение Донской контр-революции. С удвоенной энергией развернулось наше наступление.

18-го февраля Саблин сообщает из Шахтной:

«Сев. уч. фронта. Колонной из отрядов Черноморского флота, Московского 192-го полка и местной красной гвардии, заамурской конной сотней при взводе пролетарской батареи, после пятичасового боя с противником, силой до 5 эшелонов с артилле-

рией, была занята 16-го февраля ст. Каменоломня. Противник отступает к Казачьим лагерям. Наши потери 52 раненых, 9 убитых».

Карта Донской области, по которой г. Каледин в последний раз докладывал Правительству об обстановке на фронтах на заседании, после которого через полчаса застрелился. Белое вырезанное пятно — забрызганное кровью атамана место

Обычным маневром Саблина было — использование численного превосходства путем охвата флангов противника.

Но овладев Каменоломней, Саблин приостановился, смущенный сведениями о серьезных приготовлениях каледиинцев в Пер-

сиановке и Казачьих лагерях. Внушали беспокойство также и беспорядки в нашем тылу и тогда уже какое-то хмурое настроение Голубова и других казачьих командиров. Некоторой помехой явился и саботаж со стороны штабных работников отряда Петрова, избитых подчинением их «командарму» Саблину. Мне удалось дружеской беседой успокоить ревнивые мучения т. Петрова и побудить его подтянуть окружающую его кучку бездельных штабных щелкошпоров.

Наши союзники казаки, поскольку я к ним присмотрелся, внушали мне столько недоверия, что я предупредил Саблина следующей зашифрованной запиской:

«Казакам доверять можно лишь, когда они идут впереди в бой, для атаки. Испытайте их при Персиановке, или при другом поручении на виду. Не оставляйте их в тылу у себя, укажите на необходимость демонстрации солидарности, а поэтому и похода в авангарде казаков».

Саблин готовился к упорной борьбе за Новочеркасск. Противник проявлял некоторую активность. 19-го февраля он пытался выбить нас из Каменоломни, предприняв обход обоих наших флангов. Но обходная колонна каледицев, двинутая к Грушевску, была жестоко потрепана нашим резервом, а левофланговая уперлась в незамерзшую речку. Обход не удался; в центре же противник, благодаря беспечности Харьковцев (отряд Рухимовича, вернувшегося на фронт к 11 февраля), захватил нас врасплох и имел некоторый успех (захватил 3 орудия), но подошедшими подкреплениями (черноморцами и кронштадтцами) был опрокинут и отброшен в исходное положение.

Саблин занялся серьезной подготовкой к бою за Новочеркасск.

Сиверс продвигался вперед также медленно, тяжело подтягивая артиллерию, страдая от недостатка продовольствия и фуража. Его силы были несколько ослаблены характерными проявлениями недисциплинированности. Командир бронепоезда Годлевский, ссылаясь на недостаток снарядов (их оставалось у него не более 30-ти) к морским орудиям, самовольно укатил через Никитовку на Москву. И мы оказались не в состоянии его задержать. Взамен этого мощного бронепоезда к Сиверсу направлен прибывший со славной поездки на Украину «бронепоезд» путиловцев (ком Зайцев)—всегда отважных и почти всегда дисциплинированных

11-го февраля получилось, наконец, извещение о десанте черноморцев. Председатель Мариупольского совдепа сообщал, что в Мариуполь прибыли 196 севастопольцев на двух тральщиках при 2 четырехдюймовых орудиях «Кане», двух 120 миллиметровых и 1 зенитном, а также при 16 пулеметах. Через 4 дня ожидается отряд с 16 орудиями. В Таганрог, где положение еще не определилось, удалось доставить 150 винтовок, 15 тысяч патронов и 300 штук гранат.

Как только Таганрог был нами занят, я вызвал туда из Мариуполя часть эскадрилии тов. Ласкина ¹⁾. 14-го февраля 2-я воздушная эскадрилия полностью перебралась в Таганрог, в Мариуполе осталась часть ее, — летчик Рябов 17 февраля из Мариуполя совершил полет к Ростову, сбросив у вокзала несколько бомб. В Таганроге на авиозаводе Лебедева оказались в совершенно исправном виде 3 аппарата «Сопвича». Уже на следующий день наши летчики производили с них разведку к Ростову, бомбометание и сбрасывание литературы. По доставленным ими сведениям, противник лихорадочно готовится к сопротивлению. Особенно сильно укреплены казачьи станицы Синявская и Гниловская — нарыты окопы, впереди проволочные заграждения.

Едва мы успели починить мост у Матвеева-Кургана, как Корниловцы взорвали мост у ст. Морская. Его починка велась день и ночь. Я старался ее подтолкнуть, наезжая на эти работы. Железнодорожный путь сверх того был основательно разворочен корниловцами, станции сожжены до тла, водокачки разрушены.

Придавая особенное значение Ростовскому направлению, я большую часть времени уделял колонне Сиверса и 4-й кавдивизии. Частенько я бывал в штабе Сиверса, выясняя нужды его войск и распоряжаясь их посильным удовлетворением. Мне почти не приходилось вмешиваться в оперативные распоряжения. Достаточно было общей директивы. В деталях Сиверс действовал самостоятельно и вполне разумно.

11-го февраля он телеграфировал мне из Таганрога:

«На Синявское противник обстрелял головной отряд. Войска колонны двигаются по намеченному маршруту. Поторопите Не-

¹⁾ Примечание. В Мариуполь она прибыла из Никитовки к 5 февраля.

клиновку. Мост около Морской будет починен только через 4 дня, что осложняет ведение операций. Штаб помещается в Вареновке».

Напоминание о Неклиновке относилось к 4-й кавдивизии, штаб которой был расположен у этой станции и которая слишком медленно втягивалась в поход.

11-го февраля Генеральная слобода была занята прибывшими частями Сиверса.

К 14-му февраля 4-й уланский Харьковский полк вступил передовыми частями в с. Генеральский Мост, Новотроицкий драгунский занял Султан-Салы (2-мя эскадронами) и Петровскую (4 эскадрона с орудиями).

13-го февраля части Сиверса заняли Недвиговскую.

У противника обнаружился приток подкреплений,— подошли незначительные, но бойкие отряды Назарова и Ильина, исключительно смелые части Корниловского полка (их отличие — на левом рукаве голубая нашивка с белым черепом и двумя костями накрест под ним), и сильные казачьи дружины станицы Гниловской. 13-го февраля противник перешел в наступление по всему фронту у ст. Синявской и потеснил наш центр (отряд Трифонова), но ударом во фланг — латышский полк восстановил положение. Левый наш фланг одновременно был атакован казачьей Гниловской дружиной. Неожиданным налетом казаки сбили стрелковый полк 4-й дивизии, занимавший Ханженково, отняли у стрелков до 10 пулеметов и 7 походных кухонь. Но эскадроны 4-й дивизии взяли во фланг и смяли казаков. Гниловцы бежали. Противник, угрожаемый с правого фланга, отошел к Хопрам.

4-я кавдивизия подтягивалась [с трудом из-за распутицы и порчи мостов, и 16-го февраля ее разъезды вошли в связь с правым флангом Саблина.

17-го февраля Сиверс возобновил наступление. Противник, получивший некоторую подмогу из ст. Аксайской, не выдержал, однако, нашего напора и особенно угрозы со стороны нашей конницы, выдвинувшейся к Султан-Салы—Красников. После незначительного сопротивления, корниловцы отошли за р. Сухой Чалтырь. Нами заняты ст. Хопры и село Чалтырь, захвачены 1 орудие, 6 пулеметов, 3 походных кухни.

Захваченные нами пленные передавали, что для них появление на нашей стороне солдат-фронтовиков было полной неожиданностью — им толковали «атаманы», что идут немцы да голодранцы-каторжане большевики. Казаки, упав духом, рассеялись по домам.

18-го февраля я на дрезине добрался до ст. Чалтырь. По дороге — следы разрушения. Сожженная станция. Взорванная водоподкачка. Разбитые снарядами строения, сломанные повозки, глубокие следы в рыхлом снегу. То там, то здесь несколько обмерзших трупов корниловцев. По дороге вдруг навстречу одна, другая — кучки красногвардейцев... Бредут тяжело, почти выбившись из сил.

«Куда?!

«Нас разбили, отступаем...

«Какой чорт! Стыдно!.. Поворачивай, товарищи!»

Останавливаются, подтягиваются, вяло переговариваются, мнутя... Ладно!.. Некогда с ними возиться. Еще раз пристыдив дезертиров, катим дальше.

Сиверса находим в железнодорожной будке, недалеко от станции.

Как всегда, педантично аккуратен в сообщениях. Рассказывает об удачном бое за Хопры и Чалтырь. Рассказывает и трагикомический инцидент этой ночи.

Второй Петроградский занимал х. Недвиговский, выдвинув сторожевое охранение на его околице. Ночью несколько десятков партизан из отряда «Белый дьявол» сотника Грекова, с щотками и Льюисами, открыв адский шум, напали на нашу сторожовку. Услышав «пулеметную стрельбу» на околице, отряд пришел в страшное смятение и бросился из села, во главе с комиссаром, который почти в одном белье примчался на орудинном передке в штаб Сиверса с донесением о нападении «превосходных сил противника».

С трудом удалось успокоить отряд и вернуть большую часть его в село. И то лишь благодаря тому, что сторожевое охранение, не растерявшись, отбило партизан Грекова.

В Чалтыре, Крыму и Хопрах Сиверс несколько завяз из-за недостатков в снабжении. Богатые армяне — жители этих сел — отнеслись к нам недружелюбно и так искусно запрятали запасы

продовольствия, что нашим отрядникам приходилось туго, особенно скверно было с фуражем.

В это посещение я подчинил Сиверсу 4-й кавдивизию и дал ему указания стремительно продвигаться к Ростову кавалерийскими частями, отрезав Корнилову выход к Аксаю. К сожалению, я не смог, как думалось, подкрепить его свежей кавалерийской частью «украинским Мазепинским полком», прибывшим из Петрограда — этот полк, по желанию его солдат, был мною из Таганрога повернут обратно через Харьков в Полтаву, где бывш. полковник Бокитько, по поручению Муравьева, формировал «3-ю Украинскую армию».

На следующий день уже из Никитовки я сообщал Ленину: «На северном участке Донского фронта, после пятичасового боя, занята нами ст. Каменоломня. У Ростова взяты с бою селения Султан-Салы, Крым, Чалтырь и ст. Хопры, захвачены 1 орудие и 6 пулеметов. Мобилизация, объявленная Походным Атаманом Назаровым, малоуспешна. Испробовав нашего артиллерийского огня, казаки станицы Гниловской разбежались. С южным участком фронта установлена связь и, согласно данного им указания, части 39-й дивизии, занимавшей Торговую и Тихорецкую, перешли в наступление. 13-го февраля ими занят с бою Батайск в 10-ти верстах к югу от Ростова».

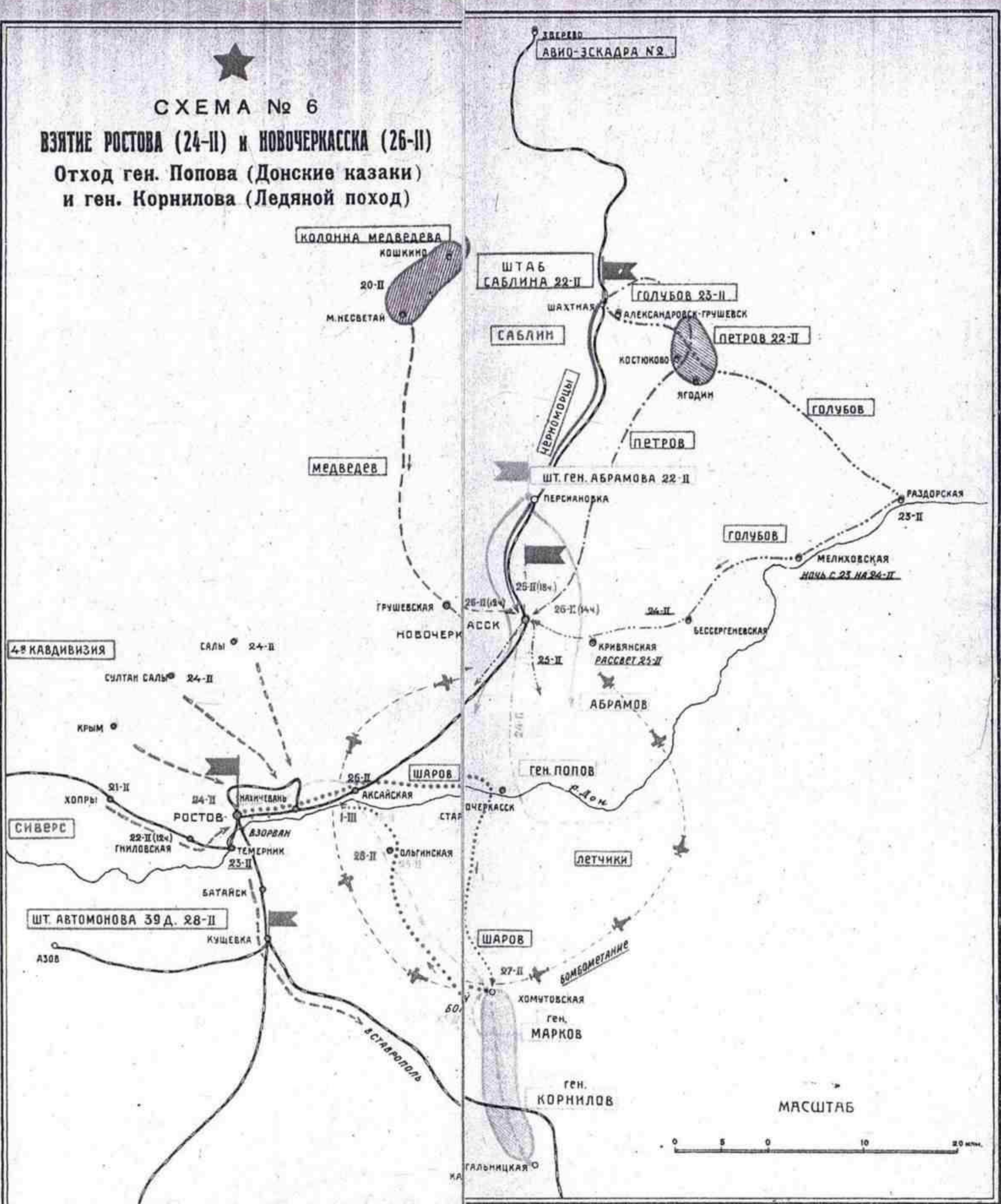
Этим действием армии Автономова заканчивалось стратегическое окружение противника. Теперь надлежало суживать затянутую петлю, и быстрым ударом по главному направлению доканать врага.

СХЕМА № 6

ВЗЯТИЕ РОСТОВА (24-II) и НОВОЧЕРКАССКА (26-II)

Отход ген. Попова (Донские казаки)
и ген. Корнилова (Ледяной поход)

ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА К СХЕМЕ № 6

(гл. XI).

1) Войсками Сиверса, начавшими решительное наступление на Ростов, занятый частями Добрармии с самим Корниловым во главе, 22/II взята ст. Гниловская, в то время, как Автономову (Батайск) было дано приказание занять Ольгинскую (между Батайском и Ростовым), в целях преграждения пути Корнилову на Кубань. На следующий день Сиверс оказывается в непосредственной близости Ростова и его артиллерия громит город (стр. 255 — 258). К вечеру 23/II бой шел в предместьях Ростова, около кирпичного завода, всюду неудачный для белых, которые в тот же день начали отступление, очистив 24/II город совершенно и взорвав железнодорожный мост в Темернике.

2) Группа Автономова, благодаря развалу митинговавших частей, не смогла выполнить предыдущего (п. 1) приказания и отступавшим к Екатеринодару белым сопротивления не оказала.

3) Саблин 22/II — в ст. Шахтная, имея на левом фланге отряды Петрова (б. Минская группа), Голубова с войсками Донревкома, а на правом отряд Медведева, повел наступление на Новочеркасск, имея перед собою войска генерала Абрамова, по временам делавшего набег на советские части.

4) Движение на Новочеркасск открывается войсками Донревкома с Голубовым, который двинулся ускоренным маршем и кружным путем 23/II он — в Новочеркасске, войдя в него не с той стороны, с которой ожидали, и потому не встретив сопротивления (267). 26 - го в Новочеркасск входит Медведев, а еще через несколько часов — Петров. Новочеркасск взят

ГЛАВА XI

Последние дни Новочеркасска. «Сегодня взять Ростов!» Взятие Ростова и Новочеркасска. Преследование Корнилова.

Подводя итоги, Донревком, значительно сглаживая неблагоприятные для нас обстоятельства, сообщал к всеобщему сведению в середине февраля.

«На Дону 3 и 4 февраля производилась очистка района Глубокой и Каменской от остатков Чернецовского отряда. Положение В. Р. К. стало укрепляться. 5-го февраля революционные части заняли Паревку; Глубокая, к этому времени, была совершенно свободна от войск. 5-го февраля объявлена мобилизация по волостям, хуторам, станицам; старые от 35 до 45 лет остаются с оружием в руках защищать на местах новую Советскую власть, а молодые от 20 до 35 лет формируют отряды для решительной схватки. 6-го февраля был захвачен в плен, удирающий на телеге из Урюпина, организатор разгрома Ростовского совета генерал Потоцкий с адъютантом штаба, они были переданы в распоряжение Саблина. По словам последнего Таганрог в руках восставших рабочих. Первый день мобилизации дал удовлетворительные результаты — явились с хорошим настроением, но чувствуется недостаток организаторских и агитаторских сил. 7-го февраля из Царицына сообщают, что революционное движение широко разлилось по Северным Округам области. В Двойной был съезд, постановивший бороться с Калединым, организовываются советы в Котельникове, Урюпино, Усть-Медведицке, Михайловском, Морозовской и др. В Урюпине и Усть-Медведицке организованы военно-революционные комитеты, которые взяли власть в свои руки. И казачьи части и население признают советскую власть. Решили также бороться с Калединскими партизанами, против которых сильное

возбуждение. 39-я (неказачья) дивизия заняла Торговую-Тихоредкую, установив контроль поездов. В Царицыне организован Военно-Полевой штаб во главе с казачьим офицером Автономовым, членом бывшего Войскового Круга. Последний избран командующим революционными войсками Северных округов и области.

Наступление начато 7-го февраля, продолжалось до 10 февраля, Каменское ожесточенно обстреливалось с обеих сторон.

10-го февраля в 21 час. в Каменскую вступили революционные войска. 11-февраля В. Р. К. готовился к переезду в Каменскую. За последнее время в штабе первой Южной армии (Петрова) были замечены случаи пьянства. В. Р. К. Донской области и командующий червонной Южн. армией решили показать недопустимость такого позорного явления в революционной армии, арестовали нескольких. Впредь все замеченные в пьянстве будут арестовываться, предаваться суду. 8-го февраля были получены сведения, что революционным отрядом, состоявшим из Царицынского отряда, части 2-го пешего казачьего полка, неказачьих частей, 23 и 40-го каз. полков, занята ст. Чир и станция Чирское, без боя, очистив их от партизанов. Из партизанов убито 3, есть арестованные, в революционных частях потерь нет. Революционным частям из Царицына были посланы подкрепления, им было предложено присоединить также к себе по пути революционные казачьи части. Эти отряды имеют приказание двигаться дальше по Донецкой области, давить на Звереву, чтоб соединиться с Каменскими революционными войсками и действовать заодно. Были получены сведения, что Саблин тоже производит давление на Лихую. 12-го февраля из Каменской сообщали, что туда перешел областной казачий военно-революционный комитет. Положение в области хорошее. Большинство населения на стороне революции. Председатель Бюро В. Р. К. Донской области».

Это извещение Бюро Донревкома свидетельствует, между прочим, об изрядной оторванности Бюро от наших отрядов — Саблин уже 9-го февраля был у Сулина, а Бюро сообщает: «Саблин тоже производит давление на Лихую».

Из Новочеркасска приходили смутные сведения о царящем там смятении и лихорадочных приготовлениях. Объявленная

12-го февраля Донправительством мобилизация офицеров давала ничтожные результаты. Был издан приказ о расформировании всех полков донского казачества, кроме, номерных 3, 5, 7, 9, 10, 13, 16, 17, 18, 21, 28, 29, 36, 40, 48, 49, а также двух гвардейских и формируемого в Сальском Округе — калмыцкого. Этот приказ обнаруживал на кадры каких приблизительно частей рассчитывало Донское правительство. Газета «Вольный Дон» пестрела объявлениями о формировании партизанских отрядов: Семилетова, сотника Грекова, хорунжего Назарова, штаба Сибирского отряда, студенческих дружин, «дивизиона смерти», Донской военной дружины, отряда подьесаула Боброва, батареи «совета Союза казачьих войск», семинарской сотни, польского уланского эскадрона «им. Понятовского» и т. д.

Избранный, вместо Каледина, съехавшимися на Большой Круг делегатами атаман, генерал Назаров развивал кипучую деятельность. Он выпустил свирепый приказ об объявлении Днобласти на военном положении и объявил мобилизацию станичников. Ближайшие к Новочеркасску станицы зашевелились. Одно время казалось, что старое богатое казачество этих станиц будет в состоянии создать Новому Донскому правительству некоторую опору. Но так казалось только на первый взгляд.

Большой Круг должен был открыться в Новочеркасске 17-го февраля. Но съехались едва $\frac{1}{5}$ делегатов, Круг назвался «Малым» и открылся 18-го февраля, под председательством Волошинова. Еще до официального открытия, 16 февраля, Круг, в виду неисполнения рядом станиц приказа о мобилизации и формировании дружин «народной армии», постановил «ввести смертную казнь для применения ее военными судами по законам военного времени».

К этому времени, в Новочеркасске находились, кроме регулярных частей, следующие дружины: — 1 Новочеркасская (до 500 чел.), Аксайская (до 150 чел.), Богаевская (250 ч.), Мелеховская (200 ч.), Раздорская (100 чел.) и Сусатовских хуторов (100 ч.).

Новочеркасск объявлен на осадном положении.

В станицы Кривлянскую, Заплавскую, Бессергеновскую, Мелеховскую, Богаевскую, Раздорскую и Кочетовскую — посланы отряды с приказом выступить, под угрозой ареста.

11 казаков Грушевской станицы были преданы военному суду.

Все это свидетельствовало о болезненном состоянии Дон-правительства.

Но Саблин, несмотря на эту в общем благоприятную обстановку, затягивал операции, ожидая весьма серьезного сопротивления каледиинцев пред Новочеркасском.

Воздушная разведка давала самые скудные сведения, но подтверждала какие-то подготовительные работы противника у Казачьих лагерей.

Я, придавая попрежнему главное значение удару на Ростов, был озабочен, главным образом, подталкиванием Сиверса.

Сиверсу приходилось преодолевать все возраставшее сопротивление противника.

С начала февраля в Ростове обосновался штаб «Добровольческой Армии» (из Новочеркасска). Усиленная работа по ее формированию довела численность ее до 4.000 штыков, 200 сабель, 12 орудий. К этому надо присоединить различные партизанские отряды (Грекова, Семилетова и т. д.) и казачьи дружины (Гниловскую, Аксайскую, Старочеркасскую).

Особенной стойкостью отличались — Корниловский ударный полк, три офицерских батальона, юнкерский батальон и добровольцы Семилетова. Георгиевский полк был слабоват. Артиллерия действовала превосходно. Но противник сильно страдал от недостатка патронов и особенно артснарядов. Громадным нашим преимуществом являлось подавляющее превосходство в артиллерии, хорошо руководимой и не терпевшей нужды в снарядах.

Серьезнейшее значение имела также обеспеченность нашего тыла, в изобилии пополнявшего наши потери. Корниловцы же должны были не мало сил уделять на удержание в страхе и трепете большого рабочего города — на караулах в Ростове они держали «Ростовский Добровольческий полк», пару батальонов (офицерский и корниловский) и разные мелкие части.

21-го февраля Сиверс от ст. Хопры и Генеральского Моста повел наступление к Ростову. Главные бои завязались близ хуторов Олимпиадовки и Куренева. Противник сопротивлялся упорно. К нему подошли новые подкрепления (ростовские фор-

мирования, Старочеркасская дружина). Терпя недостаток в снарядах, он слабо отвечал на сильный огонь наших батарей.

По данным нашей воздушной разведки мы знали, что противник собирается эвакуировать Ростов. На аэроснимке Ростовского вокзала видно на путях большое количество поездов в сторону Аксая.

Брала страшная досада за медлительность нашей конницы и Батайской группы.

22-го февраля я был в штабе Сиверса, двинувшемся вслед за наступавшими по рыхлому снегу нашими частями к Гниловской. Кавдивизия, из-за распутицы, крайне медленно совершала свой охват Ростова с севера, нацеливаясь на Аксай - Кизитеринку. Автономову в Батайск было послано мною предписание занять Ольгинскую, отрезывая корниловцам путь на Кубань. Но не было известия о получении им этого приказа.

Наша тяжелая была по кирпичному заводу у Ростова. Легкие батареи громили Гниловскую, отплачивая станичникам за попытку поддержать Корнилова. В особенный раж впадали наши наводчики, при виде гордо высившегося над станицей церковного купола. По «куполу» шла азартная стрельба. Корниловская артиллерия скупо отвечала. Наши цепи двинулись вскоре вперед, и штаб за ними. В станице все как вымерли. Корниловцы отступили. На площади у церкви следы разрушения от наших гранат. На путях — разгромленный санитарный поезд корниловцев. Он было уходил от нас к Ростову, но состав оторвался и пошел под уклон навстречу нашим цепям. Санитарный персонал и раненые встретили наших выстрелами и гранатами и все были перебиты. Тут же у вагонов, на снегу валялись они — две женщины, несколько мужчин, и люди - гиены копошились около них.

Гниловская нами взята в 12 час., следом был взят кирпичный завод, к 14 час. разбит цементный завод.

Из Гниловской я тотчас же выбрался дрезиной до Таганрога, дальше паровозом к Саблину.

У него было неблагополучно с Петровым, не желавшим подчиняться. Я помирил своих командующих, обещал Петрову более самостоятельное задание. Донревком из Воронежа сообщал, что в штабе Петрова до 140 человек бездельников, прося разо-

гнать этот штаб. Эту задачу я предоставил Саблину. Положение у Саблина ясно рисуется из следующего его доклада, разминувшегося со мною и полученного мною позднее:

«21/II—1918 г. Доклад Саблина. Тов. Антонову — Секретно. Ваши указания насчет казаков приму к сведению. Голубов категорически настаивает на обходном движении с левого фланга в направлении Шахтная-Мелеховская-Бессергеновская-Новочеркасск. Принужден был согласиться, в виду крупного значе-

Красный летчик Шуман

ния подобной операции, при условии производства ее казачьими частями. Выступят они 23-го, 24-го будут на параллели Персиановки; 25-го — в Мелеховской; 26-го — в Бессергеновской, дальнейшее движение в зависимости от обстановки.

«Сами казаки обоих полков¹⁾ настроены гораздо более революционно, чем их командный состав. Завтра устраиваем большой митинг, где выступят наши матросы и латыши.

«Петров в день моего пребывания у вас — неожиданно выехал в Воронеж (с артиллерией и 31-й сотней), где было восстание монахов. Там его вначале собирались арестовать и Моисеев (председатель В. Р. К.) и его собственный штаб, почему-то все время находящийся в Воронеже. Затем с Моисеевым он помирился, часть монахов разогнал, а одного из известных

¹⁾ Примечание. 44 и 27 каз. полков.

максималистов Сахарова—арестовал и привез с собой. По моему требованию, дело Сахарова будет расследовано армейским комитетом и, в случае его невинности, в виду недопустимости необдуманных арестов серьезных политических деятелей такими политическими нулями как Петров, буду принужден принять некоторые меры по адресу Петрова».

«Сегодня он здесь, прочитав ваш приказ от 17-го в 5 номере «Известий» и воспользовавшись странным содержанием § 2, где вы утверждаете в должности командующего Юго-Восточным фронтом самого себя¹⁾ и тем, что он до сего времени величал себя командующим армией, командующим Юго-Восточным фронтом и т. д., замутил весь свой отряд, который и послал вам свою нелепую телеграмму.

«Петров, конечно, уверяет, что ему еле удалось сдержать благородные порывы солдат, оскорбленных тем, что обойден их боевой командир, но что телеграмма была послана без его ведома, но требование об изменении приказа, гласящего в § 2 о вас, Сиверсе и мне, поддерживает в пределах необходимости упомянуть и о нем, говоря, что в противном случае солдаты пожалуй совсем оскорбятся и уедут на Румынский фронт. В случае дальнейших действий, я, опираясь на истинно революционные части, с представителями которых я уже переговорил, как то:—на Кронштадтцев и Черноморцев—не остановлюсь перед репрессиями как по отношению к Петрову, так и к тем, кто посмеет дезертировать, хотя бы под флагом благородного негодования.

«Пишу сейчас из Зверева, куда прибыл, чтобы поставить пред Петровым вопрос—выступает он или нет.

«Получил ответ—что он всецело в моем распоряжении и торжественные заверения о том, что завтра он выгрузится в Шахтной. Двигаться будет по шляху, верстах в 10-ти от жел. дор. с левого фланга.

«В день моего пребывания у вас, после того, как наша батарея обстреляла появившуюся было пулеметную площадку не-

¹⁾ Примечание автора. В приказе № 17 п. 2 говорит об утверждении в должности командующего Юго-Вост. армией тов. Антонова,— в печати опубликовано «Антонова»,—отсюда недоразумения у Саблина и Петрова.

приятеля, противник перешел в наступление¹⁾, одновременно по линии жел. дор. с обоих флангов—тремя отрядами силою 300—400 штыков каждый. Первоначально ему, благодаря неожиданности нападения, удалось почти вплотную подойти к эшелонам и захватить выдвинутые, вопреки моему приказанию, далеко вперед две пушки Харьковского отряда. Последовавшей затем контратакой, в которой особенно хорошо действовали Кронштадтцы и в которой принимал участие 27-й казачий полк, противник был отогнан, наши орудия отбиты, и немедленно открыт из них обстрел отступавшего неприятеля.

«Наши потери 2 убитых, 6 раненых, потери противника — около 70 — 80 убитых.

«Раненых нет — пленных тоже.

«Понемногу обрисовывается позиция у Персиановки, там есть блиндажи, служившие ранее при учебной артиллерийской стрельбе, местность, следовательно, пристрелянная.

«Кроме того, все дачи и лес окружены канавами, много каменных построек, есть возвышенности с обстрелом во все стороны. Придется брать сложным развертыванием сил с обстрелом тяжелой артиллерией с фронта и ударом пехоты с флангов.

«В присланном мне вагоне телефонного имущества, кстати сказать, целый месяц стоявшего в Константиновке, оказалось всего 6 верст провода и старые испорченные аппараты. Очень прошу выслать еще проводов, из числа пришедших в день моего пребывания у Вас.

«С правого фланга у меня 600 штыков с 6-ой конной 2-орудийной батареей, выгрузились с Рудничной ветки, идущей на запад от Горной, заняли Кошкин, Несветайск и идут на юг с тем, чтобы левым флангом войти в связь с моим отрядом, стоящим в Кутейникове, отдельные люди которого были у меня, а правым флангом наступать на Персиановку с запада на восток.

«Командует этим отрядом Медведев. Кстати сказать, Медведев пока помощи приносит мало; больше чешет языком и не особенно умно, зато особенно нетактично. Мне с ним хлопот много, особенно, когда он в присутствии казаков начинает говорить о том, что,

¹⁾ Примечание. У ст. Каменоломня.

покончив с Калединым, мы примемся за зажиточных казаков или, придя в Кронштадтский отряд, где много левых эс-эров и анархистов, начинает им доказывать, что для успешного хода русской революции их всех надо перевешать и т. д.

«Перед наступлением на Персиановку пришлю вам со специально посланным план наступления. Комвойск Саблин».

22-го Саблин начал наступать в центре и выдвинулся на 5 верст от Каменоломни. Но тыл у него был все еще не вполне надежен. Раз за разом 22 и 23-го февраля произошли явно злоумышленные крушения — разбиты 3 платформы с броневиками и несколько вагонов с воинским снабжением.

23-го я направлялся вновь к Сиверсу. Вечером получил следующую телеграмму:

«Экстренно. Антонову. Сегодня во что бы то ни стало взять Ростов. Ленин».

Мы запоздали на несколько часов против этого приказа.

Войска Сиверса были так утомлены, что едва передвигались. К вечеру 23-го мы уже вступили в предместья Ростова, сломив отчаянное сопротивление корниловцев у кирпичного завода и окраины Темерника.

Городская Дума выслала к Сиверсу особую делегацию, молившую не обстреливать города и заверявшую, что корниловцы его покидают без боя.

К вечеру 24-го Ростов был прочно занят. Но части Сиверса, в том числе и 4-я дивизия, были так утомлены, что оказались неспособными преследовать противника. Я спешно вызвал в Ростов из Таганрога отряд Шарова.

Еще более неприятным было известие о неисполнении группой Автономова приказа о занятии ст. Ольгинской. Было совершенно ясно, что, если мы не займем этой станицы, то корниловцы, используя переправу у Аксая, уйдут в Сальский округ или на Кубань. Я немедленно лично направился в Батайск, чтобы добиться исполнения моего приказа.

Мост на 6 версте от Ростова к Батайску оказался взорванным корниловцами. Перебираться пришлось по льду. В штабе Батайской группы я застал полный беспорядок. Ставропольский полк, оказалось, уже ушел самовольно в тыл. 112-й Бакинский — митинговал. Я был на этом митинге. Слушали меня, как будто,

сочувственно. И подозрительный тип, большой горлопан (впоследствии я узнал, что это бывший поручик полка, осолдавшийся после революции), упрямо подбивавший солдат не выполнять приказа о движении к Ольгинской, не встречал как будто одобрения. Полк принял при мне решение выступить.

Вернувшись в Ростов я послал Саблину следующее письмо:

«Походным движением отряд Сиверса так переутомлен, что еще на сутки нуждается в отдыхе. Сообразуйте с этим ваше движение. Сведения от вас не приходят и это крайне скверно, ибо согласованность совершенно необходима. Из Ростова бежали до 3.000 вооруженных и не вооруженных калединцев, оставив 3 исправных броневика и 8 орудий, к которым найдены и замки. Часть бежала на Кубань, что было нетрудно из-за мало вдумчивой работы Батайской группы (станция Ольгинская—путь из Аксая—оказалась не занятой нами).

«Получены сведения, что в ряде городов существуют штабы добровольческой армии. Пошлите немедленно секретно для ареста и препровождения в Москву: гор. Пенза генерала Рязанова, Дворянская соб. дом; Предводителя Дворянства Шеншина и членов продовольственного комитета (фамилии не знаю), образующих комитет для доставки пополнения Добровольческой армии. Гор. Саратов — капитан, князь Макаев и с ними трое поверенных (легко захватить вместе, фамилии неизвестны).

«В Новочеркасске — до семи, если не до 12 тысяч, способных к борьбе. Жду ваших сообщений. Нарком Антонов, 25-го февраля 1918 года.

В Ростове ждала меня делегация из Новочеркасска от Малого Войскового Круга.

Совсем не трудового облика делегаты заявили мне, что Круг согласен на немедленное удаление из области Добровольческой армии и ее штаба и высылку всех членов бывшего Временного Правительства и других контр-революционеров, на следующих условиях:

- 1) прекращения нами военных действий и невступления в Новочеркасск,
- 2) беспрепятственного созыва Краевого съезда из всего населения на основе всеобщего и прочего избирательного права,
- 3) оставления на Дону дружин из казаков,
- 4) Военно-Революционный Комитет посылает представителей на Круг.

Суть моих переговоров с этой делегацией изложена в следующей моей телеграмме:

«Из Таганрога № 920, 26/II — 1918 г. Вчера прибыла в Ростов делегация Малого Войскового Круга Войска Донского в составе Кодорова, Планшена, Аресьева, Иванова и Карасева. Эта делегация предложила советским войскам прекратить военные действия и не входить в Новочеркасск, допустить беспрепятственно созыв Краевого съезда из казачества и остального населения Области. Со своей стороны, Малый Круг обязывается потребовать немедленного ухода из Донской Области добровольческой армии и ее Штаба, обязуется выслать из Области всех членов 6. Временного Правительства, но оговаривает возможность беспрепятственно оставаться на Дону казакам из казачьих дружин. Приглашает нас послать делегацию в Новочеркасск. На мои вопросы о политической платформе Малого Круга — ответили, что она еще лишь определяется, что Круг лишь по недоразумению вынес резолюцию о борьбе с советскими войсками, так как полагал, что эти войска посягают на самостоятельность Дона. Лишь Краевой Съезд определит отношение казачества. Центральным вопросом является вопрос об автономии Дона с правом самостоятельности разрешения земельного вопроса. Я не дал окончательных обещаний, заявив, что военные действия в районе Ростова прекратить не могу, так как Корниловские войска сосредоточены в его окрестностях, об остальном дам ответ после совещания с вами. Прошу немедленно дать указания, лучше всего будет снестись с казачьим отделом Ц.И.К., послать от него представителей надо. Малый Круг собрался, вместо Большого Круга, который был сорван выступлением военно-революционного казачьего Комитета, он объявил себя вместо Областного Правительства властью (на Дону и распорядился о мобилизации боевых казачьих сил против советских войск. Эта мобилизация успеха почти не имела. Успехи наши под Ростовом и у Каменоломни и побудили Малый Круг послать свою делегацию. Я должен дать им ответ в течение двух суток. Поспешите с указаниями. Корнилов и корниловцы стараются прорваться к Екатеринодару к дикой дивизии. Дивизия еще не ликвидирована. Из-за порчи железных дорог и некоторой расхлябанности не сможем помешать. 1200 Нарком Антонов».

В связи с появлением делегации от Малого Круга, опасаясь за состояние дел у Саблина, я решил лично отправиться к нему. Перед отъездом из Ростова утвердил военным комиссаром тов. Войцеховского, которому оставил следующую, наспех набросанную, весьма характерную «программу»:

«Тов. Войцеховскому. Вам надлежит прежде всего опубликовать сообщение об объявлении Ростова и Нахичевани на военном положении от моего имени. Объявление Ростова и Нахичевани на военном положении утверждаю. Военным комиссаром назначается тов. Войцеховский, Нарком и т. д. Затем, с разработанной программой обратитесь в В.Р.К. и предложите совместную работу на основе этой программы. Если не захотят, то ищите других, кто захочет, из представителей партии большевиков и левых эс-эров. А эта программа должна быть примерно такова:

1) Оружие отбирается у всех, кто не является красногвардейцем, неподчиненным В.Р.К. или нашим отрядным начальникам или солдатам нашей армии.

2) Все остальные должны оружие сдать под угрозой ареста и Ревсуда.

3) На оружие выдается В.Р.К. специальное разрешение.

4) Обыски и реквизиции только по разрешению военного комиссариата, отрядные начальники действуют также только с разрешения В.Р.К.

5) Грабители объявляются вне закона и убиваются на месте.

6) У спекулянтов имущество конфискуется и суд — низшее наказание (наименьшее) городские работы по очистке улиц и т. д.

7) Все грязные увеселительные заведения обыскиваются, закрываются и их помещения конфискуются для детских школ, под клубы и т. д.

8) Все винные склады, кроме технических и врачебных, как-вые передаются под надлежащую охрану и в заведывание ответственных органов, уничтожаются.

9) Тот, кто спаивает, объявляется вне закона и, как провокатор, истребляется на месте. Торговцы водкой идут под суд, имущество их конфискуется, как и их заведения.

10) Городская дума распускается, вместо нее — продовольственная, жилищная, врачебно-санитарная, культурно-просве-

тельная Комиссии из представителей сведущих лиц под контролем членов В.Р.К.

11) Все товары берутся на учет, все крупные торговые фирмы—под контроль служащих, цены—без прибыли только покрывающие издержки; фабрично-заводские предприятия под рабочий контроль; проводится прекращение квартирной платы мало имущими жильцами—нормы устанавливаются по соглашению, порожняки и просторные жилые помещения конфискуются и проводится уравнильное пользование квартирами; муниципализация аптек и медицинских магазинов, бесплатная врачебная помощь.

«Банки национализируются. Золото и серебро—в Государственный Банк, который—под строгий контроль, выдача только через Комиссара.

«Особая комиссия содействует Совету для составления маршрутных поездов и т. д.

«При просветкомиссии совета создается группа лекторов для занятия в клубах, руководителей для занятий с детьми и т. д. Особо - Издательская Комиссия для издания революционной газеты и вообще революционной литературы.

12) Особая судебная комиссия, под председательством назначенного В.Р.К. лица, ведет список заведомых контр-революционеров, конфискует их имущество, их обезвреживает.

13) Все газеты, кроме органа В.Р.К., — закрываются.

14) Совет распускается и назначаются новые выборы.

15) Вводится обложение городским налогом всех имущих, возрастающее до полной конфискации у контр-революционеров.

16) Все городские служащие удовлетворяются содержанием на основании норм, выработанных их союзом и согласно требованиям большевистской муниципальной программы.

17) Комитет общественной безопасности арестовывается, созданная им армия разоружается, как и домовые комитеты.

18) В музей все исторические редкости, в Государственный банк все драгоценности—конфискации в пользу государства,—предлагается все сдать добровольно.

«Далее вы содействуете организации Ростовского Революционного полка, взяв офицеров от 3-го Латышского полка и солдат по преимуществу из бывших на фронте. Это, конечно, далеко не

все — организация, вместо милиции, красной гвардии для охраны революционного порядка, организация Революционного Суда и т. д. Антонов. 25/II 1918 г.».

С Сиверсом я сговорился о выделении специального отряда (Шимановского) для преследования корниловцев. Эта же задача поручена и Шарову (он с 21 февраля был в Таганроге, откуда и вызван с 200 конниками и 2 орудиями в Ростов).

Отдав эти распоряжения, я выехал через Таганрог, Дебальцево, к Саблину.

Уже в Сулине я узнал, что Саблин со штабом направился к Новочеркаску. Мост на р. Ряжи (8 вер. от Сулина) был починен еще 21-го февраля, и мой тяжелый «Сухомлиновский» вагон проскочил без греха. 27-го февраля вечером въехал я в полный приглушенного шума и затененного движения Новочеркасск. В ярко освещенном дворце наказного атамана — штаб Саблина и члены ревкома. Мне показывают «голубую комнату» Каледина, его окровавленную кровать. Рассказывают подробности о занятии Новочеркасска.

Малый Войсковой Круг заседал спокойно. С фронта приходили вести более или менее успокоительные.

Газета «Вольный Дон» выходила аккуратно и аккуратно сообщала читателям, что все пока еще благополучно. Стратегическое окружение налицо. Но это не то, что окружение тактическое. «Стратегическое окружение даже выгодно для нас», писал военный обозреватель официальной газеты — мы целиком сохраняем инициативу и можем бить врага по любым направлениям. Наступающие «немцы и латыши» не страшны Донобластным казакам, которые в великом порыве идут на помощь своему Дону». И тут же невольный ряд фактов, совсем в разрез этому жизнерадостному тону.

В Новочеркасске — порядочное количество войск, но их... не выведешь на фронт. В Новочеркасске — масса офицерства, оно объявлено мобилизованным, но не является на мобилизацию. Много урапатриотов, но мало желающих рисковать своей шкурой.

В Новочеркасске как будто все благополучно, а ценности уже на подводах, именитые люди уже в бегах, атаман Попов со своими станичниками (до 1500 сабель) крадучись, выходит из города, держа путь в Сальский округ.

Много надежд возлагал Малый Круг на свои делегации, посланные к Сиверсу и к Саблину.

25-го февраля Саблин имел с этой делегацией такой разговор: «Ставка Командующего Сев. уч. Юго-Восточного фронта. Протокол заседания делегации от Войскового Круга, с одной стороны, и Командующего революционными войсками Северного участка Юго-Восточного фронта тов. Саблина, с другой, 12/25 февраля 1918 г. с 12 ч. 45 м. до 13 ч. 50 мин.

«Заслушав наказ представителей Войскового Круга, Командующий революционных войск Сев. уч. Ю/В. фронта делает следующее заявление. В виду двоекратного напоминания о войне с Доном, заявляю, что с Доном революционные войска войны не вели и не ведут, наоборот, всемерно поддерживают трудовое казачье население, ведя борьбу лишь с буржуазией за идеалы трудящихся масс и против участия буржуазии в управлении страной.

«По вопросу первому: какие причины заставляют войска Совета Народных Комиссаров быть в положении войны с Доном.

Последовал ответ: непризнание идеи Советской Республики, Совета Народных Комиссаров, декретов его, непризнания власти Областного Военно-Революционного Казачьего Комитета, факта наличия в Области В. Д. партизанских, юнкерских, офицерских и иного рода отрядов, оказывающих противодействие войскам Казачьего В. Р. К. и революционным войскам С. Н. К., непрекращающееся гонение на советские и иные рабочие организации.

«По вопросу второму: какие цели они преследуют, последовал ответ: Восстановление прав трудящихся, разогнанных Советов упразднение казачьего и иных сословий и связанных с ними преимуществ.

Примечание: Декреты Совета Народных Комиссаров остаются в силе; создание в Области Войска Донского власти Советов Казачьих, Рабочих и Крестьянских Депутатов, к коим переходит вся полнота власти в Области от Войскового Круга.

«По третьему вопросу: по чьему распоряжению производится наступление на Дон — последовал ответ: По распоряжению Совета Народных Комиссаров в полном единении с Областным Казачьем В. Р. К.

«По четвертому вопросу: Почему в рядах войск Совета Народных Комиссаров есть германские и австро-венгерские военно-

пленные, был ответ: В рядах революционных войск, стоящих за платформу третьего Интернационала (левые эс-эры и большевики), находятся интернационалисты австрийского и германского происхождения, заявившие, что они равно пойдут воевать как против русской контр-революционной буржуазии, так и против австрийской и германской буржуазии. Командующий Северным участком фронта Саблин заявил, что протокол настоящего заседания будет доведен им до сведения Совета Народных Комиссаров.

Протокол подписали: Командующий Рев. войсками сев. участка Ю/В. фронта Саблин. Члены делегации: Петров, Ершов, Марков и две подписи неразборчивы».

Тем временем развивается наше наступление к Новочеркаску. Голубов идет кружным путем к столице контр-революции. Его марш ускорен. 23-го он в Раздорской — на ночлег в Мелеховской, затем в Бессергеновской, и 25-го утром через Копельницкую влетает в Новочеркасск, и прямо — к зданию Малого Круга. Весь Круг, дрожа, встает на властный окрик Голубова, нежданно ворвавшегося на заседание. Малый Круг разогнан. Несколько верховодов во главе с Назаровым — в тюрьму.

Голубов на несколько часов опередил центральную группу Саблина. 26-го в 12 час. в Новочеркасск входит Медведев, а в 17 час. — Петров, сильно обиженный, что его опередили.

Комендантом Новочеркасска Саблин назначает Медведева. Это начало разрыва с Голубовым.

Ревнивый к своему авторитету, разделявший с массовыми казаками недовольство вмешательством в «Донские дела» северных пришельцев, Голубов с этого дня начинает готовить маленький переворот в Новочеркасске.

Я не имел тогда времени вдуматься в сложившееся положение. Я ограничился твердыми указаниями Медведеву держать тесный контакт с Донревкомом, не выпячиваться политически, обуздывать кронштадтцев и черноморцев.

И в тот же день я поспешил прямым путем в Ростов, вслед за Саблиным, выехавшим туда же на бронеплощадке. Путь оказался свободен. Легко постреливали только у Аксая.

В Ростове чувствовалась еще разладица. В городе кое-где раздавались провокаторские выстрелы, ночью доходило до беспорядочной ураганной пальбы. В Штабе Сиверса открылся импро-

визированный ревтрибунал, который жестоко расправлялся с белогвардейцами, захваченными с оружием. Обывательская молва в тысячу раз преувеличивала эту расправу. Рупором этих сплетен явились меньшевики в совете депутатов, во главе с тов. Васильевым. Этот господин истерически вопиял о том, что большевики-де расстреливают гимназистов, кадет и других «неповинных детей», творят грабеж и всяческие насилия. Военно-Революционный Комитет, составленный из неособенно твердых товарищей, не находил смелости резко порвать с меньшевиками и проявлял склонность поддержать их протест против наших «зверств». Такое настроение Ревкома воздействовало на кой-кого из наших боевых товарищей. Товарищ Е. Трифонов, комиссар первого Петроградского красногвардейского отряда, подзуженный этим обывательским нытьем, выступил в Совдепе с обличительной речью против бесчинства и бессудных расстрелов, творимых отрядом Сиверса. Это выступление было восторженно встречено меньшевистско-соглашательской частью совдепа. Васильев облобызал Трифонова, но общее собрание Петроградского отряда резко осудило поведение своего комиссара и постановило о предании его товарищескому суду. Постановление это было мною утверждено 2 марта.

В том же приказе от 2 марта я объявил и о другом позорном явлении—112-й полк так и не выполнил приказа о занятии ст. Ольгинской, что спасло остатки корниловцев от разгрома. 112-й полк самовольно отбыл из Батайска в Ставрополь демобилизоваться. Я клеймил поведение 112-го полка и предал его командира и комиссара Сухоцкого ревсуду Юго-Восточной армии.

Из-за недисциплинированности 112-го полка и полнейшей переутомленности отрядов Сиверса, организовать преследование корниловцев толком не удалось.

Тов. Шаров, со своим небольшим отрядом, вызванный мною из Таганрога, только 24-го въехал в Ростов (у него 1 батарея—4-я Сибирская и 2 эскадрона).

В ночь на 26-ое корниловцы переправились у Ольгинской через Дон. Всего их было до 5.000 с 8 оруд. Шаров, установив связь с отрядом Шимановского (до 300 пехоты) и Черноморской батареей (у ст. Аксай), обстрелил Хомутовскую и переправился вслед Корнилову. Шимановский должен был действовать

к Хомутовской, батарея обстреливает Ольгинскую. Летчики из Таганрога и Новочеркасска вылетели для разведки пути Корнилова и бомбардирования его колонны.

Сиверсу я предписал занять прочно Батайск и Кучевскую, не допускать Корнилова прорваться к Екатеринодару.

«Тов. Сиверсу, 27/II — 1918 г. Прибыли: Макеевский отряд 250 штыков, батарея 5 орудий и 25 пулеметов; Таганрогский сводный — 200 штыков 4 пулемета, они посылаются на ту же жел. дорогу. Примите на себя командование всеми силами, сосредоточиваемыми в районе жел. дор. до Тихорецкой. Вам, помимо частей, которые уже получили предписание туда идти (т.-е. эти два отряда и 3-й Латышский) будут подчинены 2 батальона бакинцев и батарея 39-й дивизии. С этими силами и другими с вашей Ростовской группы организуйте охрану ж.-д. линии до Тихорецкой и противодействуйте прорыву корниловцев на Кубань. Помимо сего, следует установить тесную связь с Ейском от Перцовки, разведку в Азов и чистку Азова, разведку по линии от ст. Сосыка-Ейск до разъезда Новоминский и разведку по линии на Торговую. Обращаю ваше внимание на желательность введения вами в ваш штаб по вашему усмотрению кого-либо из Бакинского полка и из штаба Батайской группы».

26-го февраля тов. Шаров занял без боя Старочеркасск и 27-го настиг у Хомутовской колонну Корнилова. Он сообщал об этом в записке от 29-го февраля:

«Со станции Аксай. Записка, Ростов, Наркому Антонову, копия Сиверсу. — Довошу, что мною станция Старочеркасск взята без боя. На общем собрании казаков, в Старочеркасске, вынесено постановление, в котором выражают полное доверие, поддержку и подчинение власти Наркома, как единой Российской и Донской власти. Постановление у меня. Также и станция Ольгинская такое постановление вынесла. Вел бой под Хомутовской с четырехтысячным отрядом «Белого Дьявола», который был под командой Корнилова. Потерь у меня нет, а за время девятичасового боя убита у меня лошадь, четыре пулемета расплавились в бою. Участвовали пехота, в составе 40 человек, кавалерия и 3 орудия моего отряда. Противник переходил несколько раз в контр-атаку, его артиллерия с такими колоссальными пехотными и конными силами побита мною здорово.

Потерь у него около 600 человек; преследовать его я не мог, мои лошади двое суток были в упряжи, таская артиллерию 36 верст, измучились, как и пехота и артиллеристы. Я вернулся в Ольгинскую и мобилизовал казаков за 4 года переписи, которые могут быть нашим оплотом здесь на месте. Я получил предписание с Шимановским двинуться по направлению в Кучевский походным порядком. Я не могу, так как был два дня в боях без всяких подкреплений. Если двинуться эшелонами по железной дороге через Батайск, то через час выступим. Прошу вашего распоряжения. Предписание, которое подписано штабом колонны, вручено мне вчера 28-го в 4 часа дня. Ростов Большая Садовая 53 Начальник Колонны Потапов. Прошу также сказать, в какой колонне я нахожусь, и от кого я должен получать распоряжения, ибо я вступаю с бой самостоятельно, а подкрепления просить не от кого. Хорошо, что я и так захватил 4 трехдюймовых орудия».

Выяснилось, что отступающих корниловцев в Аксайской станицы встретили весьма недружелюбно и настаивали, чтобы они поскорее убирались. В Ольгинской Корнилов пытался произвести мобилизацию казаков, но бывшие фронтовики не допустили.

Летчик Шуригин на «Сопвиче», имея наблюдателем Крапивина, доставил некоторые сведения о движении корниловцев. Вылетев из Новочеркасска в 11 ч. утра 1-го марта в час дня он был над Хомутовской. По пути из Ольгинской к Хомутовской виден обоз в 30 подвод. Посреди пути между Хомутовской и Кагальницкой — сгружена батарея, коновязь; сброшены 3 бомбы, попавшие между коновязью и батарейными ящиками. В Кагальницкой — сосредоточение подвод. От Кагальницкой летчик повернул над Хомутовской к Новочеркасску.

Путь Корнилова приблизительно определился. Я решил, ограничиваясь преграждением Корнилову пути на Кубань, сосредоточить усилия против Екатеринодара, закрепить Советскую власть на Кубани, а затем уже прикончить и Корнилова, отброшенного в Юго-Донские степи.

Распоряжения в этом смысле были мною даны Сиверсу и Автономову. Последнему я писал 28-го февраля:

«Гов. Автономову. Командующему Юго-Восточной армией. Командование над революционными частями, действующими в

районе Сасыка-Ейская, мною передано тов. Сиверсу. Вы отправитесь в Тихорецкую и далее, где нужно, для организации района Великокняжеская - Тихорецкая - Ставрополь, для подготовки наступления на Екатеринодар».

В тот же день мы получили следующую приветственную телеграмму, одновременно служившую и ответом на мое сообщение о пожеланиях Малого Казачьего Круга:

«Ростов/Дон Антонову из Петрограда № 1220, 28/II—1918 г. 14 ч. 40 м. Наш горячий привет всем беззаветным борцам за социализм, привет революционному казачеству. В ответ на вашу телеграмму из Новочеркасска, сообщаем, — пусть уполномоченный съезд городских и сельских советов всей Донской Области вырабатывает сам свой аграрный законопроект и представит на утверждение Совнаркома. Будет лучше. Против автономии Донской области ничего не имею. Географические границы этой автономии должны быть определены по соглашению с населением смежной полосы и автономной республики Донецкого бассейна. Послать к вам делегата не можем, здесь все заняты по горло. Просим вас представлять Совнарком или назначить кого-либо по вашему выбору. 208 Ленин, Сталин».

В основном мы считали свою боевую задачу выполненной, оставалось закрепиться в жизненных районах Дона, Кубани, Северного Кавказа и добить отброшенного из них, деморализованного и лишенного источников снабжения и пополнения врага.

Эта задача представлялась уже второстепенной, перед лицом тех событий, которые развертывались по ожившему германо-австрийскому фронту.
